

БИБЛЕЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

МОИСЕЙ

ТАЙНА 11-Й ЗАПОВЕДИ
ИСХОДА

Annotation

Этот роман заставляет по-новому взглянуть на героев Ветхого Завета. Это – не скучный пересказ Священного Писания, а настоящий библейский детектив!

Уведя евреев из египетского плена, пророк Моисей сталкивается с тайным сопротивлением Исходу – кто-то портит припасы и отравляет воду, без которой в пустыне – верная смерть, поджигает лагерь и убивает проводников, распространяет слухи о «безумии Моисея» и подстрекает народ к бунту против Господней воли. Кто он – секретный агент фараона? Где будет нанесен следующий удар? Что делать, если подозрение падает даже на родных и близких пророка? Как ему разоблачить предателя, спасти свой народ от гибели и обрести Десять заповедей?

- [Иосиф Кантор](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)

- [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
-

Иосиф Кантор

Моисей. Тайна 11-й заповеди Исхода

*И сказал ему
Господь: вот земля,
о которой Я клялся
Аврааму,
Исааку и Иакову,
говоря: «семени
твоему дам её»;
Я дал тебе
увидеть её глазами
твоими, но в неё
ты не войдёшь*

Второзаконие, 34:4

Глава 1

Начало исхода

Ночью 14 нисана 2448 года^[1] в Египте никто не спал. Одни скорбели, другие собирались в дальнюю дорогу.

Долгожданные сборы вышли настолько скорыми, что тесто для свежего хлеба не успело закваситься и в дорогу напекли опресноков.

– Пусть это будет самым большим лишением нашим! – говорили хозяйки, еще не догадываясь, что в память о великом событии пресный хлеб из пищи лишения станет праздничной пищей.

Ночью собирались и приходили в место сбора, а на рассвете тронулись в путь все вместе. Пошли под звуки серебряных труб и благословения, смешанные со слезами. Плакали от радости, плакали от страха перед неизвестностью, плакали потому, что в такой великий час слезы текли сами собой, и ничего нельзя было с этим поделать.

Впереди всех воины из колена Эфраимова несли на своих плечах носилки с золотым саркофагом, в котором хранились останки Иосифа, сына Иакова. То была его воля, высказанная перед кончиной – уйти из Египта вместе с народом своим. Он пришел сюда первым и уходил первым.

Зловредные египтяне бросили саркофаг с останками патриарха в воды Нила, чтобы евреи никогда не смогли бы найти их, но накануне исхода тяжелый саркофаг всплыл на поверхность, а когда его извлекли из воды, то увидели, что блеск золота не потускнел. Саркофаг сиял так, что смотреть на него было невмозготу.

– Чудо! – шептались люди, понимая так, что тот, кто первым поселился в земле Гесемской, теперь благословляет народ свой на исход из нее.

Все понимали, что впереди их ждут лишения с бедами, и находили множество добрых предзнаменований, ободряя себя.

Никто еще не представлял, какими многочисленными будут эти беды и лишения, никто не догадывался, как долго их придется терпеть, никто не мог знать, что далеко не все дойдут до Земли Обетованной...

Следом за саркофагом шел отряд воинов, которые сменяли тех, кто нес носилки. Они же и охраняли останки патриарха от тех, кому

могло бы захотеться снова покуситься на них. Воины были как на подбор – рослыми, плечистыми, суровыми. Бронзовые, заостренные книзу пластины доспехов начищены, щиты, висящие за спиной, так и сияют в лучах восходящего солнца, но ослепительнее всего сверкают лезвия боевых топоров. Сначала займись оружием, затем удели внимание щиту, а доспехи оставь напоследок – таково правило воина. На поясах воинов висели и покачивались в такт шагам длинные кинжалы, которыми так удобно отрубать руки убитым врагам^[2] после битвы, когда топоры, опившись крови, тупеют.

– Все бы наши воины были бы так вооружены, Осия, – сказал Моисей начальнику над воинами из колена Эфраимова, ехавшему по левую руку от него.

Справа от Моисея ехал его старший брат Аарон. Рядом с Аароном, чуть отстав, ехал Мардохей, сын Лабана, начальник над писцами и один из помощников Моисея. Моисей, Аарон и Осия были мужчинами видными, статными, и рядом с ними тощий и невысокий ростом Мардохей выглядел ребенком. И лошадь у него была меньше других коней, выбранная не за стать, а за смирный нрав, из тех, что всегда ходят шагом, никогда не срываясь на рысь.

Моисей очень ценил Мардохея за ум и превосходную память. Мардохей знал все – начиная с того, сколько воинов в колоне Эфраимовом, и заканчивая тем, сколько беременных женщин в колоне Рувимовом. Происходил он из колена Данова, племени многочисленного, привыкшего добиваться своего не только воинственностью, но хитростью и коварством. Почти все писцы, над которыми начальствовал Мардохей, тоже были из данитян.

– Бог даст – вооружим всех! – ответил Осия.

– Тридцать пять тысяч из шестисот, что могут носить оружие, вооружены так, как подобает воинам, – подал голос Мардохей. – Это составляет примерно двадцатую часть. У остальных есть что-нибудь из оружия – копья, топоры, луки со стрелами или простые посохи, но почти нет щитов, а те, что есть – простые, из неокованного дерева. И лат почти ни у кого нет, даже войлочных...

– Если у мужчины есть желание сражаться, то он и с посохом в руках – воин! – запальчиво перебил Мардохея Осия.

Моисей улыбнулся – ему нравилась горячность Осии. Египетское рабство сделало людей унылыми, приучило к покорности,

сдержанности во всем – в чувствах, в чаяниях, в стремлениях. Но не таков Осия. Он – как стрела, пущенная из тугого лука сильной рукой. Осия горяч, но никогда не говорит попусту. Действительно – если есть дух, то и с посохом воин.

– Желание сражаться нельзя потрогать рукой и нельзя сосчитать, – сварливо сказал Мардохей. – Я же говорю о том, что считают. И снаряженных полностью воинов принято считать отдельно от мужчин, имеющих какое-то оружие. Тебе ли не знать этого, начальник над воинами?

– Мы идем! – Аарон, не любивший споров и ссор, поспешил вмешаться и напомнить о величии момента. – Видите? Фараон отпустил нас, и мы идем!

Каждое из двенадцати колен шло отдельно. Воины из колена Эфраимова, единственные из народа, несшие службу в войске фараона, шли строем, под предводительством своих начальников, а жены и дети их шли сзади. Все остальные же шли посемейно, везли на повозках и верблюдах или ослах то, что смогли увезти, гнали овец и коз. Гвалт стоял невообразимый, приходилось говорить громко, чтобы быть услышанным.

Всего же людей было две тысячи тысяч, как сказал Моисею Мардохей. Колонна растянулась по старой дороге на много шемов^[3]. В самом хвосте шли присоединившиеся к евреям рабы из числа хеттов, моавитян и других народов. Виднелись здесь и безбородые лица египтян – то были уверовавшие в единого Бога евреев и решившие уйти с ними. Моисей предвидел, что будут такие, и распорядился принимать всех, кто пожелает присоединиться. «Кто с Богом нашим – тот наш», – сказал он.

Уходили поспешно, под проклятия египтян, по воле Господней лишившихся первенцев во всех семьях, и, беспокоясь, как бы коварный фараон Мернептах снова, по обыкновению, не переменял решения своего. Много раз говорил он: «Отпускаю. Идите», а потом говорил: «Не отпускаю» и стоял на своем до тех пор, пока не обрушивалась на Египет новая казнь.

Сначала пошли по караванному пути вдоль морского берега^[4] и шли так до заката. Радость переполняла сердца, сил было много, и потому в первый день прошли много, раза в полтора больше того, на что рассчитывал Моисей.

– Если так пойдем, то через пятнадцать дней достигнем Земли Обетованной! – радовались некоторые.

Моисей, слыша такое, молча вздыхал. Он понимал, что прямым путем в Землю Обетованную не пройти – могут не пропустить египтяне, которые охраняют северные рубежи Египта от филистимлян, а если и пропустят они, то ни за что не пропустят филистимляне. Филистимляне нападут непременно, потому что они не могут не напасть, да и поживиться будет чем, особенно если дойдут до них слухи о том, что египтяне отдали уходящим евреям много чего драгоценного. А слухи дойдут, обязательно дойдут, потому что слухи распространяются скоро. И что тогда? Противостоять отборным воинам филистимлян люди не смогут. Тридцать пять тысяч из шестисот смогут сражаться, остальные же просто погибнут. Сами египтяне (а воины они, надо признать, неплохие) говорят: «воин-филистимлянин стоит троих, ибо не только силен он, но и ловок, и не только ловок, но и коварен». Что толку уходить для того, чтобы погибнуть? Потому Моисей намеревался на второй день повернуть на юг и идти в безлюдную область Ефам, где можно будет остановиться на несколько дней, передохнуть и навести порядок среди народа. Уже во время сбора в Раамсесе стало ясно, что двигаться надо упорядоченно, а не неорганизованной толпой. Пусть даже разделенной по коленам, но все равно толпой. Мужчины, женщины, дети, редкие всадники, повозки, навьюченные верблюды и ослы, козы и овцы – всех надо упорядочить так, чтобы можно было передвигаться без помех и, в случае нужды, обороняться без промедления.

– Не будем больше ждать зла от египтян! – радовались легковверные и недаленовидные. – Фараон отпустил нас!

Моисей, слыша это, переглядывался с братом своим, Аароном. Уж они-то знали, насколько постоянен Мернептах, и знали, как держат свое слово египтяне. Когда им выгодно – держат, когда невыгодно – нет.

Фараон отпустил евреев не насовсем. Он отпустил их уйти в пустыню на расстояние трех дней пути для того, чтобы они могли принести там жертвы Всевышнему, не оскверняя этим верований египтян. Так просил Моисей. Моисей знал, что фараон никогда не отпустит своих рабов навсегда, и потому вел речь об уходе на несколько дней. Кроме того, Моисей не хотел получать дар

освобождения из рук фараона. Не ему, презренному и проклинаемому, освободить евреев...

Моисей понимал, что каждый участник великого похода должен не только уйти из насиженных мест, но и выйти из рабства в душе своей, избавиться от того мрачного груза, что оставило рабство, очиститься, и только тогда можно будет ступить ему на Землю Обетованную. А это долгий срок, исчисляемый не днями и не месяцами, а годами.

Но то будет потом, а сейчас главное – покинуть землю египетскую. Покинуть и забыть, покинуть и никогда больше сюда не возвращаться. Былое расположение правителей утрачено, былое гостеприимство египтян обернулось гнетом рабства, и нет евреям больше места в Египте, как Египту нет больше места в сердцах еврейских.

Первый день Исхода – великий день. В такой день, да еще выступая впереди народа своего, полагается думать о будущем, но мысли Моисея настойчиво возвращались в прошлое, перескакивая с одного на другое.

Моисей покидал Египет во второй раз. Впервые он бежал в страну Мидьян давно, еще в молодости, при жестокосердном гонителе евреев фараоне Рамсесе II, отце Мернептаха. Мернептах тоже не расположен к евреям, и добрым его никто от чистого сердца не назовет, но перед отцом своим он все равно, что собака перед львом – злости, может, и столько же, а мощь не та.

Бежал Моисей после того, как убил египтянина-надсмотрщика, избивавшего одного еврея по имени Датан. Надсмотрщик возжелал Суламифь, жену Датана, и дошел до того, что овладел ею в отсутствие мужа. Датан возмутился, но в ответ египтянин начал избивать его. Это увидел Моисей и вмешался. Убив надсмотрщика, он спрятал его тело, надеясь сохранить свой поступок в тайне. На следующий день Моисей увидел, как спасенный им еврей спорит с другим евреем, и высказал возмущение этим. Датан обернулся и, не испытывая никакой благодарности к спасителю своему, спросил: «Тебе-то какое дело, с кем я спорю и почему?! Или ты хочешь убить меня, как убил египтянина?! То шуринок мой, Авирам, брат жены моей. Я хочу развестись с женой, потому что противна она мне после того, как египтянин входил к ней, а он возражает против этого! Но то наше дело,

а не твое!» Моисей, рассчитывавший на то, что спасенный станет держать язык за зубами, убоился гнева фараона, строго взыскивающего за кровь слуг своих, и бежал из Египта. Бегство оказалось удачным – он не только спас свою жизнь, но и нашел на чужбине жену, родившую ему двоих сыновей. Никогда не угадаешь наперед, в чем заключено твое счастье и в чем заключено несчастье...

В первый день ночевали в Сукоте, на второй пришли в Ефам.

– Мы достигли края пустыни! – воскликнул пылкий Осия, когда они остановились в Ефаме.

– Мы достигли края земель египетских! – поправил его Моисей. – Субботу проведем здесь, а потом пойдем дальше. Завтра, как взойдет солнце, приходите ко мне. Помолимся вместе Господу нашему, испросим его благословения и поговорим о делах наших.

Утро принесло неприятную весть – под конец ночи, в предрассветный час, когда сон крепче крепкого, в двух местах, в колене Иудином и в колене Рувимовом, там, где повозки и вьюки с припасами располагались вблизи от верблюдов, эти спокойные и послушные животные вдруг начали бесноваться. Да так, что опрокидывали повозки, втаптывали в песок припасы и нанесли тем самым запасам большой урон. Случилось это примерно в одно и то же время – не успели здесь понять, что случилось, как уже оттуда кричат: «Проклятые! Оставили нас без пропитания!» Что произошло с верблюдами, понять не удалось, потому что они убежали в пустыню и, как надеялись все пострадавшие, сгинули в ней навсегда.

Пострадали не только припасы, но и люди. Пятерых храбрецов, бросившихся наперерез, верблюды сбили с ног и затоптали насмерть. Кто-то сломал руку, падая, кому-то так сильно досталось копытом в грудь, что человек начал харкать кровью... Потеря части припасов и пятидесяти верблюдов тоже была ощутима. Но ощутимей всего была смена настроения в еврейском стане. Накануне вечером, ложась спать, люди смеялись и поздравляли друг друга с удачным началом пути и первым большим привалом, а сейчас они впали в уныние. Никто не улыбался, только горько вздыхали и пожимали плечами.

– Скотоложцы презренные! Сыновья падших женщин! – бесновался подле шатра Моисея грузный Элицур, сын Шедеура, начальник колена Рувимова, понося злых деятелей и призывая кары на

их головы. – Будьте вы прокляты, и да будет проклято все семя ваше и все дела ваши!

И без того громогласный, Элицур в порыве гнева кричал так, что голос его был слышен по всему стану. Глаза его налились кровью, а борода грозно топорщилась. Многие говорили о недомысле и беспечности, но Элицур был склонен подозревать злой умысел.

– Уймись, – посоветовал Элицуру Моисей, подходя ближе. – Не роняй достоинства своего, чтобы не говорили потом: «это было в Ефаме в тот день, когда безумие поразило верблюдов, а от них перешло на Элицура, предстоятеля колена Рувимова!»

Под тяжелым взглядом Моисея Элицур умолк. Шумно выдохнул, выпуская остатки гнева из нутра своего, огладил бороду, поправил сползший набок бронзовый шлем и пробурчал себе под нос:

– Узнать бы кто!..

И внимательно-настороженно оглядел всех, кто стоял вокруг него, словно подозревая их в злодеянии.

– Это кто-то из собак-египтян! – сказал позади Элицура Иссахар из колена Рувимова. – Надо бы разделаться с ними!

Иссахар был из числа именитых людей, но Моисей его не жаловал, потому что был он льстец, плут и любил строить козни.

– Нет в нашем стане собак-египтян! – выкрикнул Моисей, намеренно повышая голос, чтобы слышно было многим вокруг. – Есть люди, присоединившиеся к нам и обратившиеся в нашу веру! Кто замыслит против них недоброе, с того спрошу я как за содеянное! А если кто-то сделает им недоброе, тому воздастся вдвойне! Мы все – один народ, и нет между нами раздоров!

Иссахар съежился, сник и отступил назад, скрывшись за чужими спинами...

Глава 2

Моровая язва

Оказалось, что не все египтяне присоединились к евреям по своей воле. Были среди них и соглядатаи фараона. До воскресного утра 18 нисана они никак не обнаруживали себя, но когда начались сборы в дорогу, стали кричать: «О, евреи! Вы говорили фараону, что уходите в пустыню на расстояние трех дней пути для того, чтобы поклониться вашему Богу! Три дня прошло! Возвращайтесь обратно!» Евреи на это отвечали, что они свободные люди и вольны идти туда, куда им хочется. Соглядатаи фараона повели себя неблагоприятно. Увидев решимость евреев продолжать свой путь, им надо было вернуться к фараону и рассказать обо всем, но кто-то дерзкий или же просто желающий выслужиться больше остальных, начал грозить евреям карами за ослушание. Один сказал, а другие подхватили и продолжили, чтобы очень скоро пожалеть об этом. Евреи, изрядно натерпевшиеся от фараона и его слуг, вознегодовали и начали избивать посланцев фараона, вымещая на них свою ненависть. Многие из соглядатаев погибли, но кому-то удалось спастись бегством. К полудню волнение в стане улеглось. Люди собрались и ждали, когда Моисей поведет их дальше.

Моисей долго размышлял в одиночестве, сказав, чтобы его не беспокоили. Дважды он выходил из шатра и подолгу смотрел на небо – то на восток, то на запад, то щурился прямо на солнце. Затем облизывал кончик указательного пальца, поднимал его кверху, немного стоял так и скрывался в шатре своем.

– Моисей говорит с Богом! – с почтением говорили те, кто видел это.

Некоторые даже облизывали свои пальцы и поднимали их, как это делал Моисей, но никто не понял, зачем он так поступал.

Приняв решение (непросто было ему это сделать), Моисей пригласил к себе в шатер Аарона, начальников колен Израилевых, военачальника Авенира, начальника над писцами Мардохея и еще некоторых людей из числа высокопоставленных и сказал им:

– Я хочу повернуть обратно и пойти к Египту. Придем в Пи-Гахирот и станем ждать там.

Даже брат Аарон подумал, что он ослышался, и потер ладонями уши. Кто-то тряс головой, кто-то щипал себя за руку, думая, что спит и видит сон, а Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова, рассмеялся, потому что решил, что Моисей пошутил.

Чем неожиданнее новость, тем больше времени требуется на ее осмысление, поэтому Моисей не стал торопиться. Дождался, пока все присутствующие убедятся, что они не спят наяву, и повторил:

– Мы повернем обратно и пойдем в Пи-Гахирот! Там будем ждать!

– Зачем нам идти в Пи-Гахирот? – спросил Аарон. – Или мы возвращаемся в Египет?

– Пусть фараон не думает, что мы бежим от него, страшись его могущества, – вот для чего мы идем в Пи-Гахирот! – ответил Моисей. – Сегодняшний день – знаменательный день! Народ наш проявил свою волю и прогнал слуг фараона, которые призывали его к покорности! Я бы предпочел обойтись без убийств, но сделанного уже не вернуть – что было, то было. Завтра на исходе дня соглядатаи фараона должны будут предстать перед ним, а мы в это время уже будем в Пи-Гахироте. Услышав то, что расскажут ему соглядатаи, фараон вознегодует и пожелает покарать нас. Гнев его будет силен и войско соберется быстро. Я думаю, что утром 20 нисана египтяне выступят и к середине дня 21 нисана придут в Пи-Гахирот, туда, где будем мы...

Никто не перебивал Моисея, никто не возражал ему, но во взглядах, устремленных на него, было столько искреннего недоумения, что Моисей испугался, как бы не набросились на него приближенные во главе с братом Аароном, не связали бы и не объявили бы безумцем. Только Осия, сын Нуна, и Элиуд, сын Авдона, молодой еврей из колена Завулонова, состоявший при Моисее в помощниках, смотрели на Моисея так же, как смотрели и всегда – с готовностью исполнить любое повеление.

– Я в здравом уме! – поспешно сказал Моисей. – И я понимаю, что говорю и что делаю. Мы идем в Пи-Гахирот, потому что это место самое подходящее для встречи с войском фараона! Мы могли бы пойти в другую сторону, продолжая удаляться от Египта, но мы движемся

медленно, а колесницы фараона быстры. Нас все равно настигнут, но настигнут как беглецов и не в таком благоприятном месте, как Пи-Гахирот! Нет! Лучше мы встретимся с фараоном лицом к лицу, как равные, как превосходящие его, а не как трусливые беглецы! И если Всевышнему угодно, чтобы мы встретились, то пусть мы встретимся в Пи-Гахироте 21 нисана! Так будет хорошо для нас и плохо для них! Верьте мне, евреи! Я вывел вас из Египта для того, чтобы привести в Землю Обетованную, и я приведу вас туда! Верьте мне, уповайте на милость Господню, и будет вам благо!

Недоумения во взорах стало меньше, так убедительно говорил Моисей.

– Пи-Гахирот – это открытое место возле воды, – сказал военачальник Авенир, сын Этана, человек, искушенный в сражениях и не лишенный прозорливости. – Там нет ни одного укрытия. Там невозможно устроить засаду. Не в море же прятаться нашим воинам!

Сказав это, Авенир огляделся, словно ища поддержки у остальных, но никто не спешил его поддержать. Все притворились, что их внезапно заинтересовал узор ковра, на котором они сидели, и начали его рассматривать, чтобы не встречаться взглядами ни с Моисеем, ни с Авениром.

– Мы не станем устраивать засаду, – сказал Моисей. – Мы просто будем стоять и ждать.

– Чего мы станем ждать? – не понял Авенир.

– Фараона с его войском! – терпеливо, как повторяют прописные истины неразумным детям, повторил Моисей.

Он не хотел говорить всего, потому что опасался, что его не поймут и станут смеяться, а вождь, над которым смеются, перестает быть вождем. И еще что-то было такое, что останавливало, шептало на ухо: «умолчи, лучше скажешь после». Этот шепот, непонятно чей и непонятно откуда, никогда не обманывал, и Моисей привык ему доверять.

– Они же перебьют нас всех! – стоял на своем Авенир.

– Ты говоришь, как женщина, а не как начальник над воинами! – воскликнул Осия, вскакивая на ноги и оборачиваясь к Авениру. – Кому мы позволим перебить нас?!

– Как будто кто-то будет спрашивать нашего разрешения! – возразил Авенир.

– В Пи-Гахироте встретим мы свою гибель! – поддержал его Нафанаил, сын Цуара, начальник колена Иссахарова.

– Моисей вывел нас из Египта! – напомнил Нахшон, сын Аминадава, глава колена Иегуды. – Еще вчера вы верили ему и превозносили его! Почему же не верите сейчас?!

Все поднялись, все заговорили с одинаковой горячностью, громко, одновременно. В шатре стало так шумно, что себя нельзя было услышать, не то чтобы соседа. Моисей тоже встал и трижды хлопнул в ладоши, призывая людей замолчать, но никто не внял этому призыву. Тогда Моисей вышел из шатра. За ним последовали трое, не принимавшие участия в спорах, – Осия, Мардохей и Элиуд. Остальные же спорили друг с другом столь горячо и увлеченно, что не заметили, как вышел Моисей.

– Принеси мне шофар^[5]! – сказал Моисей Элиуду.

Элиуд кивнул, ушел и тут же появился с шофаром из большого витого рога дикого козла. Моисей еще не успел толком рассмотреть, что творится вокруг, а люди, готовые к выступлению, еще не успели заметить, что Моисей вышел из шатра, как шофар был принесен. Имел Элиуд два достоинства, благодаря которым приблизил его к себе Моисей – цепкую память и быстроту в исполнении поручений. Ничего не забывал и не перевирали Элиуд, никогда не мешкал и не медлил.

Шофар лег в ладони приятной тяжестью. Это был старый, заслуженный шофар, принадлежавший многим поколениям. Нахшон, сын Аминадава, глава колена Иегуды принес его Моисею и утверждал, что когда-то из этого шофара извлекал звуки сам праотец Иаков.

«Господи, помоги мне осуществить задуманное!», мысленно попросил Моисей, поднося тонкий конец шофара к губам. Он набрал в грудь побольше воздуха и затрубил что было силы, дунул так, словно трубил последний раз в жизни (а кому дано знать, делает он что-то в последний раз или же не в последний?). Звук получился чистейшим и громче громкого, казалось, что не на земле, посреди стана своего стоит Моисей, а трубит с неба и еще сто двадцать человек трубят вместе с ним. Шум в стане тотчас же стих, даже лошади не ударяли копытом, даже ослы не мычали. Умолкли и спорщики, они вышли из шатра и встали позади Моисея.

Протрубив столько, на сколько хватило сил, Моисей отдал шофар Элиуду, перевел дух и провозгласил:

– Мы идем в Пи-Гахирот, чтобы встретиться там с войском фараона, которое завтра выступит против нас! Бог наш с нами, и Он нас не оставит!

Начальники над коленами поспешили к своим людям. Возражений и вопросов не было. Очень скоро огромный стан снялся с места.

На сей раз шли упорядоченно, слаженно. Опыт первых дней не прошел зря. Люди немного привыкли, втянулись, сделали выводы из беспотолковой суеты первых дней и поняли, что овец и коз лучше собрать вместе и гнать отдельно от вьючных животных, что быстрые должны подлаживаться под медленных, и много чего еще поняли люди...

Утром 20 нисана, во вторник, когда войско во главе с фараоном Мернептахом выходило, чтобы преследовать евреев, в еврейском стане случилась новая беда. Колена Завулона, Гада и Асира лишились своих овец и коз. Падеж поразил их разом, выкосив всех за одну ночь. Животные лежали в лужах крови, и морды их были испачканы кровью.

По стану тотчас же распространились слухи о том, что козы и овцы пали от моровой язвы, и о том, что этот падеж есть кара, насланная разгневанными египетскими богами. Нашлись такие, кто начал заговаривать о возвращении, называя жизнь в египетском рабстве «не такой уж и плохой». Моисей велел Аарону взять нескольких человек из числа преданных и красноречивых и пойти разговаривать с людьми, убеждая и увещевая их. Сам же взял с собой Элиуда, Осию, Мардохея, а также приближенного лекаря Нафана, сына Потифарова, сведущего не только в человеческих, но и в скотских болезнях, и отправился осматривать павших животных.

– Это не моровая язва, – сказал Нафан, едва увидев первую павшую овцу. – Это черная короста, которая поражает внутренности. Неизвестно откуда берется эта болезнь, но стоит заболеть одной овце, как вскоре падет все стадо. Для человека эта болезнь не опасна, но всех мертвых овец и коз надо сжечь, чтобы не было ущерба другим стадам...

– Сжечь?! – удивился Осия. – Откуда же нам здесь взять столько дерева?! Об этом ты подумал, Нафан?

– Уже подумал, – степенно ответил Нафан, сцепляя пальцы обеих рук на своем большом животe. – Можно закопать их, только поглубже,

и не тянуть с этим...

Моисей посмотрел на Мардохея. Тот кивнул и ушел отдавать распоряжения.

– Неизвестно, откуда берется эта болезнь, – повторил Нафан, – но говорят, что ее приносит южным ветром. А еще доводилось мне слышать, что жрецы храма Анубиса^[6] в Хордее могут вызывать черную коросту, пуская по ветру особую пыль...

– Каких только небылиц не рассказывают египтяне о своих богах! – скривился Осия, пренебрежительно махая рукой. – Особенно про собачьего Анубиса и Сета^[7] любят они их рассказывать. Я думаю, что все дело в местном воздухе, насыщенном испарениями с моря. Не иначе, как в этих испарениях кроется что-то зловредное.

– Может быть, и так, – поспешно согласился Нафан, не любивший споров. – А может, овцы и козы перегрелись на солнце.

– А может, это кто-то из оставшихся египтян вредит нам, – сказал Осия, глядя на Моисея. – Устами они могут соглашаться с нами и хвалить Господа нашего, а руками творить нам вред. Египтяне коварны. Пожалуй, надо заказать нашим резчикам деревянную статую Анубиса.

– Опомнись, Осия! – одернул его Моисей. – Зачем нам статуя мерзкого египетского божка?

– Затем, чтобы поставить ее перед египтянами, которые идут с нами, и сказать им: «Вот Анубис! Если вы уверовали в Господа нашего, то подойдите и плюньте на Анубиса, чтобы видели все, что отреклись вы от мерзких богов ваших!».

– Ни один египтянин не сделает этого, если он верен своим богам! – поддержал Осию Нафан. – Много богов придумали себе египтяне, но Анубис – худший из них. Те, кто проявит к нему непочтительность, не обретут покоя даже в смерти... Ты хорошо придумал, Осия!

– Ты плохо придумал, Осия, – возразил Моисей. – Незачем осквернять наших резчиков такой просьбой, а наш народ таким зрелищем! И незачем напоминать тем, кто присоединился к нам, кем они были раньше. Что было, то прошло, и если прошлое у нас разное, то будущее одно! К тому же не забывай, что нет такого преступления, от которого не взялись бы очистить человека египетские жрецы по приказу фараона или за соответствующее подношение. Мы можем

оттолкнуть от себя верных и не найти неверного. И не думайте, что фараон и его слуги настолько глупы, чтобы подсылать вредить нам кого-то в обличье египтянина, на которого думают в первую очередь. Они скорее подкупят или запугают какого-нибудь еврея, не вызывающего подозрений у остальных.

– Нет таких среди нас! – убежденно сказал Осия, сверкая своими большими глазами. – Нет, потому что не может быть!

Глава 3

Погоня

Войско фараона пришло в Пи-Гахирот перед закатом солнца, но пыль, поднятую им, наблюдатели углядели вскоре после полудня.

– Нам надо сменить место! – беспокоились начальники колен и те, кто командовал воинами. – Зачем мы встали у самого моря? Зачем загоняем себя в ловушку? Здесь египтяне окружают нас и перебьют! Нас же не малая горстка, чтобы могли мы спрятаться в зарослях тростника!

Тростник здесь рос густо, но все равно больше сотни человек спрятаться в нем не могло.

– Как бы мы ни встали и куда бы мы ни побежали, от колесниц нам не убежать, – отвечал Моисей. – Останемся там, где стояли.

Нет ничего страшнее колесниц в египетском войске, потому что быстры они и велика их мощь. Кони сметают с пути все препятствия, подминают и топчут, а воины сначала осыпают стрелами издалека, а вблизи рубят мечами. Там, где проходят колесницы, живых обычно не остается.

В отличие от отца и деда, Мернептах мало понимал в военном деле и привык полагаться только на силу. Искусство побеждать при помощи хитроумных планов было ему недоступно. Моисей не сомневался, что фараон выйдет на него со всем своим войском, за исключением той части, которая охраняет границы Египта от нападения чужеземцев. А это около шестисот колесниц, пятьдесят тысяч всадников и не менее двухсот тысяч пеших воинов – гвардия, лучники и копейщики. Гвардейцев всего тридцать тысяч, но в бою каждый из них стоит троих, если не четверых, настолько они сильны, ловки и свирепы.

О том, чтобы сразиться с египтянами, не могло быть и речи – это означало верную гибель. О том, чтобы убежать, речи тоже не было – огромный караван не может убежать от регулярного войска, скорость не та. Да и сколько можно бегать – день, два, три? И как вообще можно изжить в себе рабство, если убегаешь и ждешь, трепеща, что вот-вот нагрянут египтяне?

Только бы ветер не ослаб и не изменил бы направления... И не лишился бы фараон в гневе остатков своего благоразумия...

Ветер пока что не разочаровывал – продолжал дуть с востока и не ослабевал, а усиливался. Что же касается фараона, то тут оставалось только уповать и надеяться.

– Не ждем ли мы каких-то кораблей? – спросил казначей Манассия, сын Элона, тощий, сутулый, похожий на букву «ламед»^[8].

В вопросе его Моисей услышал нехороший намек и разгневался на хитроумного казначея.

– Какие могут быть корабли?! – спросил он. – И сколько их должно быть, чтобы уплыли все?! И кто приплывет спасти нас?! Хананеяне?!

Говорили с глазу на глаз, в шатре. Манассия испугался, что громкий голос Моисея будет услышан кем-то вне шатра, и поспешил повиниться:

– Я сказал глупость, подумав, что нет другой пользы от моря, кроме как уплыть на лодке или корабле...

– От моря бывает разная польза! – сухо сказал Моисей, которому не нравились привычки Манассии к намекам, недомолвкам и оправданиям.

Вскоре после ухода Манассии пришел Элиуд и рассказал, что люди волнуются и ропщут.

– Есть такие, что кричат: «Побьем Моисея камнями за то, что он оторвал нас от домов наших и привел на верную гибель», – Элиуд покачал головой, выражая свое неодобрение столь вопиющей неблагодарности. – А некоторые сказали, что пойдут молиться в храм Осириса, чтобы он взял их под свое покровительство – и ушли! Военачальник Савей хотел пуститься за ними в погоню, но Нахшон остановил его, сказав: «пусть идут».

– Правильно сказал Нахшон, – одобрил Моисей поступок главы колена Иегуды. – Поистине, из всех начальников колен он самый разумный.

– А Савей самый рьяный из всех военачальников, – заметил Элиуд.

Моисей поморщился. Элиуд намекал на то, что жена Савея была египтянкой. Она обратилась в веру своего мужа и последовала за ним в изгнание, но Савей когда в шутку, а когда и всерьез, попрекали этим

браком. «Дети принадлежат народу матери, родившей их, – говорили ему, – так зачем тебе умножать число египтян?» Моисей хорошо понимал, что чувствовал Савей, слыша такие слова. Сам он после того, как убил надсмотрщика-египтянина и бежал из Египта, некоторое время жил в стране Куш^[9], где женился на дочери тамошнего правителя Фарбис и некоторое время жил с ней. Женился Моисей не по доброй воле, а по принуждению, рискуя в случае отказа лишиться расположения правителя Кукиноса, отца Фарбис, а этого расположения чаще всего лишались вместе с жизнью. Принуждение не порождает приязни, пришел день, и Моисей оставил Фарбис. Он уже бы забыл о ней, если бы брат Аарон и сестра Мариам не попрекали бы его этим браком. «Как ты мог делить ложе с кушиткой!» – восклицали они, укоризненно качая головами. «Случилось так, что у меня не было другого выхода», – отвечал Моисей.

У воспоминаний такое свойство – одно тянет за собой другое. «А ведь сегодня ровно год с того дня, как я ушел от мадиан и вернулся в Египет. Целый год прошел...»

Фараон поступил так, как и ожидал Моисей – пришел и встал так, что евреям некуда было уйти (разве что обернуться птицами и полететь над скалами, разве что обернуться рыбами и уплыть в море), но нападать не спешил. Зачем нападать, если положение у евреев безвыходное? Зачем убивать своих собственных рабов, если у них нет другого выхода, кроме как покориться? Пусть евреи вернуться и дальше приносят пользу фараону и Египту! Ну, а если они не покорятся, тогда будут уничтожены...

Строй колесниц выглядел устрашающе. Боевые лошади приучены к порядку. В ожидании команды погонщика, они стоят смирно, не перебирая ногами и не подавая голоса, стоят, как изваяния, и веет от них равнодушием смерти. Воины у фараона тоже выучены стоять, не нарушая строя. В правой руке копьё или топор, в левой – щит, на ногах – кожаные сандалии с толстой подошвой, чтобы не обжигать ноги о раскаленный песок, а в глазах – готовность убивать, сколько потребуется.

Чтобы показать, что он никуда не торопится, фараон велел разбить лагерь. Если присмотреться, то за рядами простых шатров можно было разглядеть красную полосу – то был шатер самого фараона, откуда он руководил своим войском.

Выходя в поход, войско фараона брало с собой запасов еды самое меньшее на шесть дней. Фараон мог ждать несколько дней. Как предполагал Моисей, сначала – сегодня и завтра с утра – фараон будет ждать прихода посланцев от евреев с мольбой о прощении. Если не дождется, то сам пришлет кого-нибудь с обещанием помилования раскаявшимся. Если евреи и после этого не одумаются – ударит.

Фараон мог рассчитывать на то, что впереди у него много дней. Моисей же рассчитывал на сегодняшний вечер и восточный ветер. Предсказывать погоду он научился в стране Куш, даже не столько предсказывать, сколько чувствовать и понимать. Добавив к этому свой острый ум, Моисей надеялся не победить и не разбить фараона, а погубить его вместе со всем войском, чтобы не было больше евреям никакого зла от египтян. Народу придется долго жить в пустыне, пока не очистится он от скверны рабства и не станет достоин войти в Землю Обетованную. Нельзя жить в постоянном страхе перед египтянами. Этому страху надо положить конец сегодня же! С Божьей помощью!

Еврейский стан гудел ровным негромким шумом. Время от времени где-то кричали, но недолго. Колено Эфраимово выставило перед египтянами воинов, оставив в лагере только тех, которые охраняли саркофаг с мощами Иосифа. В сравнении с египтянами, еврейских воинов было немного, но зато на их лицах была написана решимость стоять насмерть и разить врага без пощады.

Незадолго до заката к Моисею пришли военачальники, начальники над коленами и брат Аарон. Среди военачальников пока еще не был выбран главный, которому бы подчинялись остальные. Главным над всеми был Моисей. Сам Моисей уже думал о том, кого он поставит над войском, и почти принял решение, но пока не оглашал его, отложив это до победы над египтянами.

В том, что египтяне будут побеждены, Моисей не сомневался. Не затем Бог призвал его, не затем Он вывел евреев из Египта, чтобы погубить всех здесь, в Пи-Гахироте. И уж совсем не для этого подсказал Он Моисею чудесный план спасения.

– Даже ветер сегодня на стороне фараона, – проворчал Авенир, сын Этана, – дует так, будто хочет сдуть нас в море. И скалы ему не преграда, настолько он силен!

Ветер действительно был силен и продолжал усиливаться. Стены шатра Моисея трепетали, а сам шатер, казалось, вот-вот унесет. Ветер

подхватывал песок и разбрасывал его. Песок скрипел на зубах, сыпался из волос, набивался в бороды. Песок был везде, и он досаждал невероятно, отчего люди, и без того возбужденные, теряли контроль над собой и начинали спорить друг с другом из-за каких-то мелочей. Хорошо, что всегда находился рядом кто-то благоразумный, миривший спорщиков, чтобы ссора их, подобно пламени, возникающему из искры, не охватила весь стан.

Люди пришли к Моисею с предложением.

– Можно сделать так, – начал Осия, переглянувшись с остальными. – Полторы сотни воинов из тех, что умеют хорошо плавать, доплывут до египтян и в предрассветный час ударят им в тыл, производя невероятный шум. Египтяне решат, что неведомый враг атакует их и обратятся против него, а мы в это время ударим по ним основными нашими силами. С Божьей помощью мы сможем победить, если...

– Никаких «если»! – покачал головой Моисей. – Поднимайте людей и идите к морю!

– Что мы станем делать? – нестройным хором спросили все.

– Если воды расступятся, то перейдем на другую сторону!

– Воды расступятся?! – удивились люди, а брат Аарон спросил:

– Может, нам стоило обойти море, если нам надо на другую сторону?

– Нам надо не только уйти, но надо еще, чтобы египтяне пошли за нами, – ответил Моисей и добавил: – Довольно спрашивать! Скоро вы увидите все своими глазами. Время дорого, а время, ветер и море сегодня наши главные союзники, спасители наши!

– Ничего не понимаю! – пожал плечами Авенир.

– Достаточно нам и того, что Моисей понимает! – сказал Нахшон, глава колена Иегуды. – Пойдемте же, поднимем людей и поведем их к морю!

Аарон задержался. Когда все ушли, он печально посмотрел на Моисея и сказал:

– Если я доживу до завтра, то буду восхвалять этот день, как судьбоносный!

– Давай помолимся Господу, – предложил Моисей. – У нас есть немного времени, так употребим же его с наилучшей пользой...

Моисей не ожидал приветственных криков, но то, что кричали ему, ранило в самое сердце.

– Разве могилам нашим лучше быть здесь, в пустыне?!

– Оставь нас, Моисей, и мы станем служить египтянам, как служили прежде!

– Лучше нам работать на египтян, чем умереть в пустыне!

Хотелось зажать уши, чтобы не слышать этих слов, хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть этих разгневанных лиц, и бежать, бежать, бежать как можно дальше от людей, которые не верят никому – ни Богу, ни вождям и начальникам, ни самим себе не верят, считая рабский удел предпочтительнее.

Хотелось убежать, но этого было нельзя.

«Господи! – взмолился Моисей. – Говорил же я Тебе, что не речист я и не убедительно сказанное мной для людей! Не верят они мне, как же я могу вести их?!»

Ветер вдруг усилился настолько, что начал ощутимо толкать Моисея в спину, как будто говорил: «Иди к морю и делай, что собираешься!» Моисей убыстрил шаг, и те, кто шел с ним, начали отставать. Ропот в толпе стих, кричать никто не кричал, но смотрели люди недоверчиво. Смотрели и ждали. Те, кто расступался, давая Моисею пройти, делали это словно нехотя.

Ветер поднял клубы песка и пыли, которые закрыли собой заходящее солнце. Свет померк, но еще было довольно света для того, чтобы видеть, что происходит вокруг.

Подойдя к берегу, Моисей обернулся к народу и указал посохом на воду в том месте, где под действием ветра она словно делилась надвое.

– Здесь пойдем мы и дойдем до другого берега! – возвестил он.

Ветер из очень сильного стал поистине неистовым, и вода, не в силах противостоять его мощи, начала расступаться перед стоявшими на берегу людьми.

– Бог нам поможет! – крикнул Нахшон, сын Аминадава, бросаясь вперед и увлекая за собой остальных...

Воины, вставшие перед египтянами, стояли так до тех пор, пока не переправились через море все, кроме них. Тогда, повинуясь команде Осии, сына Нуна, развернулись они как один и побежали к морю.

Египтяне немного помедлили, потому что видно было плохо, тьма уже опустилась, да и, скорее всего, решили они, что евреи решили утопиться в море, предпочитая смерть возвращению в рабство. Когда же они увидели, что берег опустел и на месте еврейского стана остались только потухшие костровища, то устремились в погоню. Впереди всего войска мчались колесницы, и была среди них одна большая, изобилующая золотом и окруженная четырьмя колесницами поменьше, на которой преследовал евреев сам фараон Мернептах.

Увидев расступившиеся воды, египтяне смело двинулись дальше, рассудив, что там, где прошли презренные евреи, они пройдут без помех. Но не тут-то было – внезапно засверкали молнии и с неба полил дождь. Тотчас же подсохший было ил, покрывавший дно морское, размок и стал чрезвычайно вязким. Вышло так, что войско вошло в море почти целиком и увязло в нем. Вдруг дождь усилился, а ветер в одночасье стих, и воды, разделенные надвое, поспешили соединиться, похоронив египтян под своей толщей. Уцелели лишь немногие – те, кто остался на берегу, еще не успев войти в море, и те, кому удалось выплыть. Ни одна лошадь не спаслась. Среди спасшихся оказался и фараон. Наглотавшись воды, он был без чувств, когда волны выбросили его тело на берег. Воины привели повелителя в чувство, соорудили из копий носилки для него и так несли до самого дворца. Фараон приказал пересчитать вернувшихся с ним воинов, старший писец насчитал четыре сотни с половиной...

Когда взошло солнце, евреи увидели позади себя ровную морскую гладь и чистый берег, на котором не было ни одного египтянина. Живые ушли, а мертвых навечно поглотило море.

Люди возносили хвалу Господу, благословляли Моисея, но эти благословения не радовали его сердце. Моисей уже успел узнать цену людского расположения и прекрасно понимал, что при каждой перемене обстоятельств в худшую сторону его будут проклинать, а при каждом повороте обратно – благословлять. Не стоит радоваться, когда благословляют и хвалят, не стоит огорчаться, когда проклинаяют. Главное – претворять в жизнь волю Всевышнего, а Он вознаградит по заслугам.

– Восхваляю Господа! – запел Моисей, потому что не мог не запеть. – Воистину велик Он, Тот, кто вверг в море наших врагов! Господь мой – моя мощь! Господь мой – моя сила! Господь мой – мое

спасенье! Господь мой – мой Бог! Господь мой ведет и хранит меня!
Господь мой всемогущ – я прославляю Его!..

Ночью Моисею приснился фараон. Проклятый Мернептах с лицом, которое было чернее кушийского эбена, сидел на своем троне и гладил черную змею, свернувшуюся в кольца у него на коленях, на белой с золотыми прожилками ткани, обернутой вокруг бедер фараона. Вдруг змея подняла голову, посмотрела на Моисея своими немигающими глазами и зашипела, высунув жало.

«Фараону удалось спастись, и где-то среди нас есть его слуга, чья обязанность – вредить нам», – подумал Моисей, проснувшись.

Глава 4

Призвание

Удел не пристаёт к человеку намертво. Вот ты беглец, потом муж дочери правителя, потом ты пастух...

Овец приходилось пасти вынужденно – не ради заработка, а потому, что больше некому было их пасти. Иофор, тесть Моисея, был парией среди мадианитян, потому что отказался от служения мадианитянским идолам и стал исповедовать веру в единого Бога, имя которому Господь. За это мадианитяне стали насмехаться над ним, а увидев, что Иофор проявляет упорство в новой вере своей (а как не проявлять упорства пришедшему к истинной вере?), извергли его и его семью из народа. Иначе говоря, Иофора, его жену и семерых их дочерей подвергли остракизму. Никто из мадианитян не мог иметь с ними никаких дел, они считались отверженными и скверными. Никто не продавал им ничего, никто ничего не покупал у них, и никто не нанимался к ним в работники. Ели они то, что добывали сами, одевались в одежды, которые же сами и шили из собственноручно сотканного полотна, а овец и коз приходилось пасти дочерям. Мало того, если они вели животных к колодцу, то поить их могли самыми последними, чтобы не создавать помех никому из «чистых» мадианитян.

Однажды дочери Иофора пришли к колодцу первыми, но не успели они напоить овец своих, как появились пастухи-мадианитяне, которые не захотели дожидаться своей очереди, а стали грубо прогонять девушек, оскорбляя их и даже замахиваясь. В это время к колодцу подошел Моисей, шедший из Куша. Увидев, как грубияны обижают девушек, одна из которых сразу же пленила его сердце, Моисей хорошенько вздул пастухов и, опасаясь, что они могут причинить девушкам зло, проводил тех до дома.

Как можно было не проявить гостеприимства по отношению к спасителю? Моисея пригласили в скромное жилище, предложили разделить скромную трапезу, а потом уложили спать. Наутро Моисею предложили задержаться еще на день, чтобы отдохнуть с дороги как следует, а очень скоро праздновали его женитьбу на Ципоре^[10],

похожей на маленькую веселую птичку. Кому теперь было пасти овец, как не Моисею, единственному зятю старика Иофора? Вот и пришлось пасти.

Гора Хорив, чье название означает пустое, бесплодное место, была названа так, потому что в Аравийской пустыне. Но на пологом восточном склоне горы росла трава, и было в году время, когда та трава наливалась соком и служила хорошей пищей для овец. Травы хватало на три седмицы, а потом она высыхала.

Это случилось 15 нисана 2447 года, ровно за год до исхода евреев из Египта. Моисей пригнал овец пасть и вдруг увидел, как неподалеку от него вдруг вспыхнул терновый куст. Куст горел ярким пламенем, хорошо видным даже при свете дня, под прямыми солнечными лучами, и невозможно было пройти мимо такого чуда, не подивившись на него.

Моисей подошел ближе и услышал голос, воззавший к нему из куста.

– Моисей, Моисей!

По тому, как звучал голос, было ясно, Кто это говорит. «Каков голос Бога?» – много раз спрашивали после у Моисея. «Он таков, что внимаешь ему не только ушами, но и сердцем и таков, что невозможно спутать его с другим голосом», – отвечал Моисей, но больше ничего сказать не мог, потому что не находил нужных слов.

Моисей шагнул вперед.

– Не приближайся более! – предостерег голос. – Сними сандалии, ведь место, где ты стоишь, свято. С тобой говорю Я – Бог твоих отцов, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова!

Моисей снял с ног сандалии и пал на колени. Куст вспыхнул столь ярким пламенем, что ему пришлось закрыть лицо руками, чтобы не ослепнуть. «Было ли тебе страшно?» – спрашивали Моисея после. «А кому бы не было страшно в моем положении?» – отвечал он вопросом на вопрос, и нельзя было придумать ответа лучше.

– Я вижу, как страдает народ Мой в Египте, – продолжал Господь, – и слышу, как он взывает ко Мне о помощи, ибо надсмотрщики из числа египтян притесняют его! Я знаю, как измучен Мой народ, и Я сошел, чтобы избавить его от египтян, чтобы увести его из Египта в хорошую и обширную землю, текущую молоком и медом – в страну ханаанеев, хеттов, амореев, периззеев, хиввеев и

евусеев. Велик стон сынов Израилевых, дошел до Меня их зов о помощи, и увидел Я, как угнетают их египтяне...

– Истинно так, – пролепетал Моисей, не отрывая рук от лица.

– Иди же! – повелел Господь. – Я отправляю тебя к фараону, чтобы увел ты из Египта Мой народ, сынов Израилевых!

– Кто я такой, чтобы пойти к фараону и увести сынов Израилевых из Египта?! – воскликнул Моисей, по-прежнему, избегая смотреть на пылающий куст, жар от которого становился все сильнее и сильнее.

– Я буду с тобой! – ответил Господь.

Моисей представил, как придет он к евреям, как скажет то, что должен сказать, а они станут смеяться над ним и не поверят.

– Вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Меня к вам послал Бог ваших отцов», – сказал он. – А если они спросят меня: «Как Его имя?», то что мне отвечать?

– Я тот, кто Я есть! – сказал Моисею Господь. – Так и отвечай сынам Израилевым: «Меня послал к вам Тот, чье имя – Яхве, Бог их отцов – Авраама, Исаака и Иакова. Это вечное имя Мое! Иди же и созови старейшин Израиля и передай им то, что слышал! Они послушают тебя и пойдут вместе с тобою к фараону, и скажете вы ему: «Нам явился Господь, Бог евреев. Позволь нам уйти в пустыню, на три дня пути, и принести там жертву Господу, нашему Богу». Ведомо мне, что египетский царь станет вас удерживать, но Я занесу Свою руку над ним и сокрушу Египет невиданными доселе чудесами, и тогда он вас отпустит. Я сделаю так, что египтяне окажут вам милость, чтобы вы ушли из Египта не с пустыми руками. Вы уйдете из Египта с богатой добычей. Ваши женщины попросят у своих соседок серебро, золото и одежду, в которую вы нарядите своих сыновей и дочерей! Да будет так!

– А что, если мне не поверят и не станут слушать меня? – продолжал сомневаться Моисей, хорошо знавший недоверчивость своих соплеменников и их привычку подвергать все сомнению. – Что, если скажут мне: «Ты лжешь! Господь не являлся тебе!

– Что у тебя в руке? – спросил Господь.

– Посох, – ответил Моисей.

Он не помнил, как поднялся с колен, взял свой посох и стал смотреть на пылающий куст. Только вот закрывал лицо, стоя на коленях – и вот уже стоит на ногах и держит посох.

– Брось его на землю! – приказал Господь.

Моисей повиновался. Посох, упав на землю, тут же превратился в змею, которая, извиваясь, поползла к Моисею. Моисей, как он ни был удивлен, кинулся прочь от змеи.

– Протяни руку и возьми ее за хвост! – услышал он и повиновался.

Стоило Моисею схватить змею, как она снова превратилась в посох.

– Это для того, чтобы они поверили, что тебе и вправду явился Господь, Бог их отцов – Бог Авраама, Исаака и Иакова, – сказал Господь Моисею. – А теперь сунь руку за пазуху и вытащи ее!

Моисей сунул руку за пазуху и, когда вытащил, увидел, что рука побелела, пораженная проказой.

– Снова сунь руку за пазуху и вытащи ее! – велел ему Господь. Моисей повиновался, а когда извлек руку, увидел ее снова здоровой, какой она и была.

– Если они тебе не поверят, если первое чудо их не убедит, то их убедит второе чудо, – сказал Господь. – Если же они не поверят ни тому ни другому чуду и не станут слушать тебя, то зачерпни воды из Нила и плесни на землю. Эта вода превратится в кровь! То будет третье чудо, которое убедит их!

Сомнения продолжали мучить Моисея. Теперь он начал сомневаться в себе, в своих качествах, в том, достоин ли он такого высокого поручения.

– О, Господь мой! – взмолился он. – Я не красноречив, и никогда не умел я говорить ладно! Даже сейчас, когда Ты говоришь со мною, я не красноречив и неискусен в слове!

– Кто дал человеку уста? – спросил Господь. – Кто делает немым или глухим? Кто делает зрячим или слепым? Я, Господь, делаю! Так иди же, Моисей! Я буду с тобой, когда ты станешь говорить, и Я Сам научу тебя, что сказать!

– О, Господь мой! – настаивал Моисей. – Пошли кого-нибудь другого, кого пожелаешь!

– А твой брат, Аарон-левит? Я знаю, что он умеет говорить! – сказал Моисею Господь. – Знай же, что он уже идет тебя встречать и скоро он увидит тебя и обрадуется! Ты объяснишь ему все и передашь то, что надо будет сказать ему. И Сам Я буду с вами, когда вы станете

говорить, Сам Я научу вас, что надо вам делать. Аарон станет говорить с народом вместо тебя и станет твоими устами, а ты будешь его богом! Возвращайся в Египет и возьми с собою этот посох, с помощью которого ты будешь творить чудеса! Знай же, Моисей, что те, кто хотел убить тебя, уже умерли! Я дал тебе силу творить чудеса. Когда ты вернешься в Египет, то сотвори все эти чудеса перед фараоном. Я заставлю фараона упорствовать, и он вас не отпустит. Тогда ты скажешь ему: «Господь говорит: Израиль – это Мой сын, Мой первенец. Я велел тебе: отпусти Моего сына совершить служение Мне, а ты не отпустил! За это Я убью твоего сына-первенца!»

– Я исполню все, что Ты повелел мне, Господи! – сказал Моисей.

Куст ярко вспыхнул и погас. Моисей отошел от священного места, обулся и погнал овец на водопой.

Вернувшись домой, он сказал своему тестю, что хочет отправиться в Египет. «Ступай с миром», – ответил тесть, и Моисей ушел.

К жене, ее родителям и ее сестрам Моисей относился с великой приязнью, а остальных мадианитян ненавидел, потому что не видел от них добра, только одно лишь зло. И семье тестя его не было добра от мадианитян. Много позже послал Моисей войско против мадианитян. Воины истребили всех мадианитян мужеского пола, убили пятерых царей мадиамских, а женщин и детей взяли в плен. Так поступил Моисей с мадианитянами.

Глава 5

Пожар

Если кто стал вождем (по своей воле или нет), тому никогда не будет покоя. Избавишься от большой проблемы – утонешь в сотне мелких, а пока станешь разбираться с ними, незаметно подкрадется очередная большая проблема.

Моисею доводилось жить при дворе фараона и при дворе правителя Куша. Он видел много людей, облеченных властью, разговаривал с ними, многое подмечал и прекрасно понимал, что любая власть есть не только великая сила, но и великое бремя. Это только кажется, что фараон или любой другой правитель может делать все, что ему вздумается. На самом деле множество обстоятельств обуздывают волю фараона, вынуждая его делать то и не делать этого. И эти обстоятельства таковы, что ими нельзя пренебречь, с ними непременно следует считаться.

От моря уходили быстро и шли легко, несмотря на то что шли по безлюдной пустыне под палящим солнцем. К солнцу людям было не привыкать – в Египте они постоянно трудились под ним. Рабам, делающим кирпичи для строительства из глины и соломы и строящим из этих кирпичей (а именно этим занимались евреи в Египте), не полагалось навесов, дающих прохладу, и слуг с опахалами.

На быстроте передвижения сказывалось и общее воодушевление. По примеру Моисея многие пели хвалебные песни Господу или же просто играли на барабанах и бубнах, ликуя и веселясь. Моисей тоже не остался без похвал.

– Нас ведет Моисей – достойнейший из евреев! – кричали ему одни.

– Хвала Моисею, который спас нас и погубил египтян! – вторили им другие.

– Вот Моисей – спаситель наш!

– Слава Моисею! Слава!

«Уж не вы ли, добрые люди, собирались вчера побить меня камнями?» – хотелось спросить Моисею, когда он слышал славословия и похвалы в свой адрес.

Хотелось – но он не спрашивал. И не держал на людей зла, потому что нельзя держать зла на тех, за кого ты в ответе перед Господом, и потому что понимал, что такими, какие они есть, сделало людей рабство. Рабство страшно тем, что лишает человека надежды, и еще тем, что опускает его до положения животного, чьи интересы не простираются дальше еды и отдыха. А чего еще можно желать, если ты раб, если ты не принадлежишь себе и над тобой поставлен надсмотрщик? Сколько бы ты ни работал, плодами твоего труда воспользуются другие. Сколько бы ты ни надеялся, надеждам твоим не суждено сбыться. Как ни мечтай изменить свой удел – ничего не изменишь. Оттого-то рабы недоверчивы, переменчивы в своих чаяниях и пристрастиях и больше ценят сиюминутное благо, а не то, что ждет их в будущем, пусть даже это будущее благо будет несопоставимо большим.

«Долго придется нам блуждать по пустыне, пока не обречем мы то, что утратили, и не восстановим то, что было разрушено, – думал Моисей, глядя на народ свой. – Не на месяцы, на годы пойдет счет нашим скитаниям, и далеко не все из покинувших Египет сподобятся войти в Землю Обетованную. Может случиться так, что и я не достигну ее...»

Стояние у моря и переход через него отняли много сил, поэтому Моисей решил сегодня остановиться на ночлег сразу же, как зайдет солнце. Пусть люди отпразднуют свое освобождение из-под власти египтян. Уход из Египта был только началом его, теперь же нет больше фараонова войска. И даже если фараон спасся (как можно было вывести из сна), то ему больше нет дела до отмщения евреям. Скоро все – и хетты, и ассирийцы, и кочевники пустыни, и правитель Куша – узнают о том, что фараон лишился своего войска. Они тут же припомнят старые обиды или придумают новые, чтобы прийти и поживиться за счет ослабшего Египта. Вот о чем должен думать сейчас Мернептах...

Среди евреев тоже были такие, кто предлагал повернуть обратно и напасть на Египет.

– Те дары, что дали нам египтяне, скудны и ничтожны, – говорили они, забыв о том, как радовались этим дарам совсем недавно. – Мы вправе получить больше, и мы получим это, если сейчас

воспользуемся случаем и пойдём на Египет, оставшийся без фараона и без армии.

Эти разговоры начались сразу же после того, как люди остановились на ночлег. Отдых способствует общению, один сказал, другой подхватил, и вот уже говорят повсюду.

Хуже всего, что так говорили и двое из сыновей Аарона – Надав и Авиуд. Оба они не отличались ни умом, ни сыновней почтительностью и с младых ногтей привыкли поступать так, как им хочется. Вот сейчас им захотелось богатств Египта и казны фараона и они собрали тех, кто выступал за нападение на обезглавленный Египет, и стали кричать:

– Не след упускать то, что само плывет к нам в руки! Идёмте же и нападём на Египет!

Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова, услышав это, стал стыдить Надава и Авиуда.

– Когда говорят другие, то это просто слова, которые говорят люди, – сказал он им. – Вы же – сыновья Аарона, племянники Моисея. Ваши слова обладают тысячекратно большим убеждением, поскольку, слушая вас, люди думают: «Сыновья Аарона не скажут против отца своего и брата его Моисея», и верят вам, и готовятся идти за вами! Как вы можете гневить Господа, который вывел нас из Египта и даровал нам чудесное избавление от преследования фараонова? Разве для того сделал Он это, чтобы пошли мы на разграбление Египта?! Как вы можете так поступать?! Если вам не дорого свое достоинство, так подумайте о достоинстве отца вашего и дяди вашего!

– Мы высоко ценим свое достоинство! – по обыкновению дерзко ответил на это Надав. – И не тебе учить нас тому, что мы должны делать, а что не должны!

Воины из колена Завулонова, сопровождавшие Элиава, вознегодовали, нашлись такие, кто встал на сторону Надава с Авиудом, и, если бы не выдержка Элиава, дело дошло бы до открытого противоборства. Но Элиав, видя, как сверкают гневом глаза его воинов и как дерзко смотрят сыновья Аарона, ушел и направился прямо к Моисею, чтобы рассказать ему о случившемся.

Моисей, не медля, призвал к себе Надава и Авиуда. Чувя недоброе, те попытались найти защиты у отца своего, но тот отчитал их за легкомыслие и, придя к Моисею вместе с ними, сказал:

– Поступай, как знаешь, брат мой, и не обращай внимания на то, что перед тобой мои сыновья. Для того, чтобы не впадал я в гордыню, говоря: «Как славен род мой!», Господь послал мне двух плохих сыновей и двух хороших, смотреть на которых и говорить с которыми мне в радость. Те же, что стоят перед тобой – из числа плохих и непочтительных! Если хочешь – изгони их, пусть уйдут и делают что хотят!

– Сегодня прогоним одних, завтра прогоним других, – ответил на это Моисей, – так с кем же придем в Землю Обетованную? Я не хочу сегодня никого наказывать и спрашивать ни с кого не хочу. Идите к людям и скажите им: «Неправы были мы, когда призывали вас идти грабить Египет! Всевышний направил нас по другому пути, и мы должны следовать ему! И повинитесь перед благородным Элиавом, которого вы незаслуженно обидели.

– Это он попытался нанести ущерб нашему достоинству... – начал было Авиуд, приободрившись, но Моисей гневно перебил его:

– Элиав пытался сохранить как ваше, так и наше с братом достоинство, потому и поступил так! Идите и сделайте, как я велел сделать, ибо терпение мое не безгранично!

Племянники поклонились, выражая покорность, и ушли. Аарон остался и сказал брату:

– Некоторые сегодня говорили так: «Моисей воспитывался при дворе фараона, и оттого он больше египтянин, нежели еврей, поэтому не хочет воспользоваться он теми выгодами, которые дает гибель фараонова войска». А другие говорили: «Моисей сошел с ума от радости и не понимает, какие выгоды упускает он, отказываясь напасть на Египет сейчас». Такие слова могут посеять смуту, брат мой.

– Могут! – согласился Моисей. – Люди не понимают или не хотят понимать, что нападение на Египет есть гибель для нас! Египтян много больше, и тех войск, что остались у них, с лихвой хватит для того, чтобы расправиться с нами! Разве могу я рисковать народом своим ради добычи? Разве могу я пойти против воли Господней?! Он сказал мне: «Вы уйдете из Египта с богатой добычей», но не сказал: «Вы уйдете из Египта, а после вернетесь туда за добычей!» Возвращение в Египет есть наша гибель, разве ты не понимаешь этого, Аарон?!

– Я понимаю, – тихо ответил брат. – И тот, кто тайно подстрекает людей, понимает это лучше моего. Мы ушли от опасности, а он хочет

вернуть нас к ней.

– Ты думаешь, что среди нас есть подстрекатель? – нахмурился Моисей. – А есть ли у тебя основания думать так?

– Оснований нет, но есть у меня чувство... – Аарон посмотрел вверх, на звезды в ночном небе, кусочек которого был виден в отверстии, устроенном в крыше шатра для доступа свежего воздуха. – И есть предчувствие того, что это подстрекательство не последнее, и как бы не было нам другого какого вреда. Надо бы присмотреться к людям повнимательнее...

Предчувствие не обмануло Аарона. Посреди ночи вдруг загорелись шатры и повозки в той части стана, где стояло колено Завулоново. Никто не понял, откуда взялся огонь и что загорелось первым, но ущерб от пожара оказался изрядным – сорок два человека получили ожоги, и около двухсот семей лишились своего имущества. И утром уже шептались о том, что якобы Бог, разгневавшись на то, что Элиав выступает против возвращения в Египет, поразил молнией стан колена Завулонова.

– Элиав не угоден Господу и не может быть в числе старейшин, – говорили одни.

– Надо повернуть в Египет, пока не поздно, и наложить руку на имущество египтян! – говорили другие. – Если мы будем медлить, то хетты или кочевники воспользуются случаем и заберут все себе!

Аарон с некоторыми другими левитами и начальниками колен начал увещевать народ, объясняя опасность возвращения в Египет и вред подобных подстрекательств. Это потребовало времени, поэтому в путь тронулись уже ближе к полудню. Моисей же поручил Элиуду выяснить, где были и чем занимались этой ночью Надав и Авиуд.

– Сделай это очень осторожно, – сказал он. – Не спрашивай прямо, чтобы не вызвать кривотолков и подозрений, но узнай. Я знаю, что ты приметлив, осмотрителен и ум у тебя цепкий.

– Исполню все, как велено, – ответил Элиуд, сияя от похвалы Моисея.

Он, конечно же, догадался, почему вдруг Моисей заинтересовался делами своих племянников. Все знали о пожаре в колоне Завулоновом, и все знали о вчерашней стычке между Элиавом и сыновьями Аарона. Даже человек, скудный умом, мог бы связать оба события воедино, и Моисей не сомневался в том, что многие именно так их и связывали.

Элиуд появился после полудня. Подъехал на своей неказистой, но выносливой хеттской лошадке и сообщил, что Надав и Авиуд всю ночь провели в шатре у Нафтали, сына Иафета из колена Рувимова. Нафтали, происходивший из числа именитых людей, любил пить вино в веселой компании и не мог не отметить такого события, как спасение от преследования войском фараона.

– Кроме Нафтали, Надава и Авиуда, было еще восемь человек гостей, – доложил Элиуд, – и я поговорил с пятью из них. А еще я поговорил с музыкантами и танцовщицами, которых пригласил Нафтали, и с его слугами, которые подавали пирующим вино и яства...

– Когда ты успел?! – восхищенно воскликнул Моисей.

– Кто умеет – делает быстро, – скромно ответил Элиуд со всем свойственным молодости тщеславием. – К тому же я ни с кем не разговаривал долго. Придумал, что срочно разыскиваю лекаря Нафана, и переходил от одного собеседника к другому. Мало кто знает, что достойный Нафан вчера переел на ночь и теперь лежит в своей повозке на ложе, набитом целебными сушеными травами, так что это хороший предлог...

Моисей одобрительно кивнул, предлог и впрямь был хорош. С одной стороны, мало кто знает, что Нафан в очередной раз страдает от обжорства, потому что страдает он тихо, в уединении закрытой повозки. И правильно делает, потому что когда люди видят больного лекаря, они думают: «как он может лечить других, если самого себя вылечить не может?» и не обращаются к нему. С другой стороны, никогда не известно, куда, к кому из заболевших могли позвать Нафана, и срочная потребность в нем возникает часто. Молодец Элиуд, сметлив он.

– Все, как один, подтвердили, что Надав с Авиудом с самого начала стали пить вино с великой охотой и очень скоро сделались пьяны настолько, что даже по нужде не могли выйти без сопровождения. Потом же они легли там, где сидели, и заснули, а добрый хозяин не стал их будить, только велел слугам подложить им под головы подушки и накрыть их покрывалами. И все видели, как они спали, а слуги даже спотыкались об их тела. Достаточно и сейчас взглянуть на их лица, чтобы понять, как были пьяны они ночью. С учетом того, что шатер Нафтали находился далеко от того места, где ночью произошел пожар...

Элиуд оборвал себя, не договорив, потому что понял, что сказал лишнее. Никто не поручал ему делать выводы, Моисей только попросил собрать сведения.

– Благодарю тебя, Элиуд, – сказал Моисей, пряча улыбку в бороде.

Элиуд поклонился, огладил рукой свою бороду, пока еще не настолько густую, как ему, наверное, хотелось, и отъехал назад.

«Это не они, – подумал Моисей с облегчением. – Но это и не случайность. Аарон прав – среди нас есть враг, и сейчас фараон, если он только в самом деле спасся, может возлагать надежды только на него, на своего слугу, соглядатая и вредителя. Один человек может сделать то, чего не сделает целое войско. Если чинить вред умно и умно же распространять слухи, то можно погубить всех нас, можно сделать так, что мы сами себя погубим...»

Глава 6

Старший брат

У Амрама и Иохаведы из колена Левия было трое детей – старшая дочь Мариам и сыновья, Аарон и Моисей. Аарон был старше – он родился тремя годами раньше Моисея, и участь его оказалась более счастливой, потому что он мог расти там, где родился – в доме своих родителей.

* * *

Дело в том, что за несколько месяцев до рождения Моисея (он тогда еще и зачат не был), фараону Рамсесу II приснился сон. Увидел фараон в нем себя, восседающим на троне, а перед собой увидел незнакомого старика, державшего в левой руке огромные весы. Старик положил на одну чашу весов фараона и всех приближенных к нему сановников, вместе со жрецами, а на другую – одного ягненка, и увидел Рамсес, что ягненок перевесил, хотя так не могло быть. Истолковать удивительный сон фараону помог придворный мудрец по имени Билам. «О, божественный фараон! – воскликнул он. – Ягненок обозначает народ еврейский, народ пастухов! А из сна следует, что евреи принесут Египту гибель, вот что выходит из этого сна!» Придворный астролог добавил к сказанному Биламом, что звезды сообщили ему о грядущем рождении в земле Гесемской младенца мужского пола, который принесет Египту великие несчастья.

Фараон испугался и повелел бросать в Нил всех новорожденных мальчиков. Астролог не смог сказать, у египтян или у евреев родится младенец, несущий гибель Египту, поэтому топили всех. Иохаведа родила Моисея втайне ото всех, даже повитуху не приглашала, роды пришлось принимать сестре Моисея Мариам. Три месяца мать скрывала мальчика, появившегося на свет без крайней плоти, что было расценено как добрый знак, отметина избранных. В течение трех

месяцев скрывала Иохаведа новорожденного сына, а когда это стало уже невозможным, придумала хитрость ради его спасения.

Она взяла корзину, сплетенную из тростника, положила в нее Моисея и оставила в тростниковых зарослях на берегу Нила, там, куда каждое утро приходила купаться дочь фараона Фермуфис. Мариам же, по указанию матери, спряталась неподалеку и наблюдала за корзиной, в которой лежал ее брат.

Материнская хитрость удалась – дочь фараона увидела Моисея, пожалела его и пожелала принять участие в его судьбе. Мариам же, якобы случайно оказавшаяся в том месте, сказала, что может привести кормилицу для ребенка, и привела свою мать. Так Моисей стал приемным сыном дочери фараона, что избавило его от страшной участи быть брошенным в Нил, и в то же время вернулся к своей матери. Иохаведа была дочерью Левия, сына праотца Иакова, и славилась не только своей красотой, но и своим умом. А еще Иохаведа обладала даром убедительной речи, когда она говорила, все соглашались с ней.

Красоту матери унаследовала Мариам, ни Аарона, ни Моисея нельзя было назвать красавцами, хотя они и были приятны обликом. Считалось, что к Аарону перешло материнское красноречие, а вот остроту ума ее в полной мере унаследовал Моисей (хотя и Аарон, и Мариам тоже были умны). Сам же Моисей считал, что брат умнее его самого. Хотя бы потому, что Аарон умел уступать там, где Моисей настаивал, и часто кротостью и убеждением добивался много большего, чем можно было бы добиться твердостью и принуждением. А еще Аарон превосходно разбирался в людях, казалось, что он умеет читать в сердцах, как в раскрытой книге. И был он самым справедливым из всех, кого знал Моисей и сдержанным в суждениях. С кем еще можно было поделиться Моисею своими подозрениями, как не с Аароном? Взять хотя бы Осию, сына Нуна из колена Эфраимова. Он верный, надежный, из тех, кто никогда не предаст, он умен, но сдержанности ему недостает. Этот недостаток проходит с годами, по мере накопления жизненного опыта, но для обсуждения столь деликатной темы, как подозрения в отношении видных людей Израиля, Осия не годился. Не утерпит он и непременно начнет обличать кого-то прилюдно, еще не имея для того веских оснований...

Каждый человек хорош на своем месте, и не было для Моисея лучшего советчика, чем брат Аарон.

Разговаривали братья в шатре Моисея, после вечерней молитвы, когда стан начал уже засыпать. У входа в шатер Моисей поставил Элиуда, наказав ему отвечать всем, что Моисей устал и уже лег спать, а если уж кто-то придет с по-настоящему важным делом, то пропускать. Важные дела не терпят отлагательств.

– Я думал об этом, – сказал Аарон, едва только Моисей изложил суть дела, – думал и присматривался к людям, просеивая их через сито моего разума. Я исходил из того, что это должен быть не засланный соглядатай, выдающий себя за еврея, а предатель из нашего народа. Ненастоящий еврей будет очень скоро разоблачен, потому что ни одно колено, ни один род не признают его своим, да и многое из обычаев наших неведомо чужакам. Кроме того, человек фараона умен, мы уже успели в том убедиться, и должен обладать определенными возможностями. Простой пастух с такой миссией не справится...

– Ты говоришь верно, – кивнул Моисей. – Это кто-то из именитых людей или хотя бы из числа приближенных к ним. К тому же он должен быть хорошо осведомлен о наших делах...

– Именно так, – согласился Аарон. – Я просеял и отобрал пятерых, к которым мне бы хотелось присмотреться попристальнее. У тебя, наверное, тоже есть те, кого ты подозреваешь?

– Есть, – признал Моисей, – только их трое. Кто из нас станет называть имена первым?

– У тебя три имени, а у меня – пять, – улыбнулся Аарон. – Если ты не имеешь ничего против, то начинай.

– Хорошо, – кивнул Моисей. – Но это только лишь подозрения и предположения, не более того... Знал бы ты, брат, как боюсь я оскорбить невинного ложным подозрением!

– Ради спасения целого народа можно принести и не такие жертвы, – вздохнул Аарон.

– Если оттолкнешь одного верного, то не останется верных у тебя, – возразил Моисей. – Но вернемся к тем, кого я подозреваю. В первую очередь это лекарь Нафан.

Назвав имя, Моисей замолчал, ожидая, что скажет брат.

– Он есть и среди тех, кого подозреваю я, – сказал Аарон. – Нафан был придворным лекарем фараона, пользовался его расположением.

Ты сейчас скажешь, что ты тоже жил во дворце и считался приемным сыном дочери Рамсеса Второго, но ты доказал свою преданность нашему народу, а Нафан еще не успел этого сделать. Кроме того, живя при дворе фараона, Нафан придерживался египетских обычаев, посещал их храмы, водил дружбу с египтянами и всячески сторонился евреев. Удивительно, как он не сбрил бороду и не сменил имя, чтобы окончательно превратиться в египтянина!

– Не сбрил, потому что тогда бы все смеялись над ним – и евреи, и египтяне, – заметил Моисей. – Нафан умелый лекарь, искусный в своем деле, но он не из числа надежных, на кого можно положиться, и потому я заподозрил его.

– Да, он таков, – кивнул Аарон. – Наши мнения о нем совпадают.

– Второй – Авенир, сын Этана, – продолжил Моисей и по взгляду брата понял, что и тому Авенир казался подозрительным. – Уж очень он завистлив, очень ревнив к чужому успеху. Ему непременно надо быть первым, надо обращать на себя всеобщее внимание, он привык к тому, что им восхищаются, и отсутствие восхищения воспринимает как страшную обиду.

– Тщеславен, завистлив и не так уж умен, чтобы стать первым среди начальников над воинами, – подвел итог Аарон. – Но он готов на все, лишь бы стать первым, и если бы я был фараоном, то непременно обратил бы свое внимание на Авенира. Я думаю, брат мой, что и третье имя окажется из числа тех, что входят в мой перечень.

– Это начальник над писцами Мардохей, – объявил Моисей и понял, что брат тоже подозревает Мардохея. – Он из богатого рода, но его пристрастие к роскоши превышает его возможности, и оттого Мардохей давно увяз в долгах. Мне известно, что он занимал крупные суммы у сидонских^[11] ростовщиков.

Аарон понимающе кивнул. Сидонские ростовщики давали помногу, давали щедро, но под огромные, невыносимые проценты, а к неплатежеспособным должникам подсылали убийц-душителей. Убийцы эти душили свои жертвы тонкой конопляной веревкой, крашенный в цвет крови, и оставляют ее на шее в назидание прочим. Оттого и вместо «будь ты проклят» говорят: «чтобы ты задолжал сидонцам!».

– Фараонам неведома истинная преданность, но они привыкли к той, что продается и покупается, – продолжал Моисей. – Есть услуги,

за которые фараон согласится заплатить любую цену.

– Особенно сейчас, – сказал Аарон. – Давай я назову еще два имени. Первый – это казначей Манассия...

– Манассия?! – удивился Моисей, невольно повышая голос. – Что ты можешь знать о Манассии такого, что не знаю я, и почему ты подозреваешь его?!

– Манассия – тайный сладострастник, – Аарон осуждающе покачал головой. – Мне известно от верных людей о том, что живя в Египте, он регулярно наведывался в храм рогатой Хатхор^[12], покровительницы блуда и блудливых. Сладострастники уязвимы, оставшись без привычного наслаждения они готовы на все, лишь бы обрести его вновь. Какая-нибудь искушенная в соблазнении жрица могла бы...

– Я понял тебя, – Моисей помолчал немного, думая о Манассии, и добавил: – Казначей в курсе всех наших дел, и настоящих, и будущих. Выгодно фараону иметь такого соглядатая.

– К тому же у него под рукой наша общая казна, из которой можно брать понемногу при необходимости, и это не сразу заметят, – добавил Аарон.

Манассия стал казначеем по общему выбору старейшин, начальников над коленами и с одобрения Моисея. «Мы доверяем ему», – сказали старейшины. «Да будет так», – ответил Моисей, зная Манассию как одного из достойных представителей колена Данова.

– А пятый и последний – Савей, сын Ионы, начальник над воинами, – продолжал Аарон.

– Только ли потому, что жена Савея Изис – египтянка, подозреваешь ты его?! – нахмурился Моисей, и голос его обрел суровость, не столь уж и часто проявлявшуюся в разговорах с братом. – Подобно тому как вы с Мариам попрекаете меня...

– Нет! – воскликнул Аарон. – Не только поэтому, но еще и потому что Савей, такой решительный и суровый, в присутствии жены своей тает и превращается в мягкий воск. Не знаю чем, колдовством или женскими чарами, но она околдовала его и взяла в плен. Что скажет она, то Савей и делает. Его слуги рассказали об этом сыну моему Итамару, удивляясь тому, что жена может получить такую власть над мужем, а от Итамара узнал это я. И еще не стоит забывать, что братья Изис входят в число приближенных фараона. Самый старший из них,

ведущий сбором податей по всему Египту, удостоен почетного титула и называется «сыном фараона». Разве не могут братья передавать волю фараона Изис, а она...

– Ох! – вздохнул Моисей и покачал головой, давая понять, сколь тяжело даются ему подозрения.

– Возьми Нахшона, сына Аминадава, – начал перечислять Аарон, – или Нафанаила, сына Цуара, или Элиава, сына Хелона, или же Осию, сына Нуна... Кем бы ни были их жены, сколько бы ни задолжали они ростовщикам, сколь бы сластолюбивы они ни были, я никогда не заподозрю их в том, что способны они пойти против народа своего, потому что они не из таких и это все знают. Обе руки своих готов я отдать в залог их верности, такие это люди. Но есть и другие люди, те, чья верность не столь явно видна, и если что-то побуждает меня сомневаться в них, то я сомневаюсь. Но я говорю себе: «Подозревая пятерых, помни, что виновен среди них один» – и не спешу с выводами и обвинениями.

– Нам нужен помощник, кто-то, кто будет выполнять наши поручения и наблюдать за теми, о ком мы говорили, не привлекая к себе внимания, – сказал Моисей. – И никто не подойдет для этого дела лучше, чем Элиуд, сын Авдона, который сейчас стоит у входа в мой шатер.

– Не хотелось бы мне посвящать в это дело лишних людей, – сказал Аарон. – Это же дело такого свойства...

– Посвятим только одного, – ответил Моисей, – без которого не обойтись. Мы с тобой всегда на виду, и повсюду люди будут обращать на нас внимание. Нам не удастся пройти между людей без того, чтобы нас не заметили. А на Элиуда никто не обратит внимания. К тому же он из достойного, хоть и небогатого рода. Он умен и храбр, как и подобает еврею из колена Завулонова, а кроме того, умеет молчать о том, о чем надлежит молчать. Не далее, как сегодня, я в очередной раз испытал его в деле и остался доволен.

О том, какое именно дело было сегодня поручено Элиуду, Моисей предпочел умолчать. Зачем брату знать, что он подозревал его сыновей.

«Самый главный ущерб, наносимый тайным врагом, заключен в том, что он лишает людей взаимного доверия, – подумал Моисей, – а

это очень плохо. Это очень страшно, когда исчезает доверие между людьми».

– К тому же мы с тобой смотрим на мир с высоты своего положения, а иногда очень полезно посмотреть снизу, глазами Элиуда, – привел последний довод Моисей.

– Будь по-твоему, – согласился Аарон.

Моисей крикнул Элиуду, чтобы тот вошел, и сказал, что хочет посвятить его в одну из самых важных тайн. Элиуд, польщенный таким доверием, приосанился, расправил плечи еще шире и поклялся хранить молчание. Тогда Моисей изложил ему суть дела и для начала поручил последить за лекарем Нафаном. Почему именно за Нафаном? С кого-то ведь надо начинать, да к тому же из всех пяти подозреваемых Нафан казался Моисею наиболее подозрительным.

Провожая брата, Моисей вышел из шатра и задержался для того, чтобы полюбоваться звездами, мерцающими в ночном небе, и сполна насладиться ночной прохладой. Аарон с Элиудом ушли, Моисей уже хотел вернуться в шатер, как вдруг увидел высокую женщину, закутанную в черное покрывало. Когда женщина приблизилась, он узнал в ней сестру и удивился.

– Мир тебе, Мариам! Какая нужда привела тебя ко мне в столь поздний час?!

Глава 7

Мариам

Сестре Моисей был сильно обязан.

Благодаря Мариам он появился на свет. Без преувеличения. Когда фараон Рамсес II приказал топить всех новорожденных мальчиков, отец и мать Моисея испугались того, что у них может родиться сын, обреченный на гибель. Двух детей – сына и дочери, нам достаточно, решили они и перестали делить ложе друг с другом.

Маленькая Мариам, которой тогда еще и семи лет не исполнилось, стала укорять своих родителей. В первую очередь укоряла отца, потому что решение исходило от него. Мариам кричала ему, заливаясь слезами, что он поступает по отношению к народу своему хуже, чем фараон, потому что фараон убивает только мальчиков, а отец, не делящий ложе с матерью, лишает народ и девочек тоже. А еще Мариам напророчила родителям, что родится у них сын, который освободит народ свой от египетского рабства. Неизвестно, что подействовало на отца больше – укоры или пророчество, но он изменил свое решение и стал снова делить ложе с женой своей. Вскоре после этого родился Моисей, который считал, что он появился на свет по воле трех человек – отца, матери и сестры своей Мариам.

Когда мать положила Моисея в корзину и оставила на берегу Нила, там, где имела обыкновение купаться дочь фараона, Мариам, спрятавшись в зарослях тростника, наблюдала за братом, чтобы с ним не случилось чего-то плохого, и она же присоветовала дочери фараона кормилицу для найденыша – свою мать.

Кроме того, у сестры всегда находилось для всех слово утешения, она была доброй женщиной, и муж ее, Калев, был хорошим человеком, добрым и незлобивым, а их сына Хура Моисей любил больше прочих своих племянников.

Сегодня Мариам была чем-то встревожена или рассержена. По выражению лица ее не всегда можно было догадаться, сердится она или же беспокоится – и в том, и в другом случае румянец на щеках

становился густым, на переносице появлялась складка, а полные, красиво изогнутые губы сжимались так крепко, что казались тонкими.

От предложенного Моисеем угощения – сушеных фиников и медовых лепешек, испеченных в кипящем масле – Мариам отказалась, молча покачав головой.

– Разве ты разлюбила финики? – спросил Моисей.

– Нет, просто есть не хочется, – ответила сестра, опускаясь на подушки, еще хранившие тепло Аарона. – Поесть фиников я могла бы и у себя, незачем было для этого приходить к тебе ночью.

– В другой раз попроси кого-нибудь проводить тебя, – мягко сказал Моисей. – Не следует женщине в такое время ходить по лагерю одной.

– От нашего шатра до твоего и ста шагов не будет, – Мариам пренебрежительно махнула рукой, давая понять, что ради столь короткого пути провожатый ей не нужен. – К тому же мы находимся среди своих, а не среди чужих!

* * *

– Свои бывают разными, – сказал Моисей, все еще находясь под впечатлением от разговора с Аароном.

– Да, – кивнула Мариам, – разными. Садись же, Моисей, и садись рядом, потому что я не хочу говорить громко!

Моисей придвинул большую подушку к сестре и сел.

– Что за благовония используешь ты, Мариам? – спросил он, уловив тонкий запах, исходящий от сестры. – В них дым сочетается со сладостью, и пахнут они приятно.

– Их мне подарил Кaleb, – при упоминании мужа на лице Мариам мелькнула улыбка. – Сказал, что ни у кого нет таких благовоний и что теперь он сможет по запаху узнать меня из тысячи женщин. Ты же знаешь Калеба, он не может дня прожить без того, чтобы не сделать мне подарок.

– Есть ли у какой женщины муж лучше? – улыбнулся Моисей и тут же погрустнел, ощутив тоску по своей Ципоре.

Мариам же поняла так, что брат спешит поговорить о серьезном.

– Весь день сегодня мы пели хвалу Господу и играли на литаврах, – сказала она, подразумевая под словом «мы» себя и еще нескольких подруг своих.

– Я слышал, – ответил Моисей. – Ехал и наслаждался вашим пением. И все наслаждались.

– Ты льстишь мне, брат. Иногда мы играли вразнобой и пели неслаженно, потому что радость наша была очень велика и мы думали о том, чтобы выразить ее, а не о том, чтобы пение наше было стройным.

– Но, тем не менее, мне понравилось, Мариам. И пение понравилось, и то, что люди веселятся, понравилось. Теперь мы получили свободу, и нам надо веселиться как можно чаще. Радость дает силу и уверенность...

– Мы станем веселиться каждый день! – пообещала Мариам. – Был бы только повод... Когда же мы остановились и начали ставить шатры, я взяла с собой Шошану, жену Пагиила, начальника колена Асирова, и пошла проведать Изис, жену начальника над воинами Савея, которая не веселилась с нами, а ехала весь день в повозке, сказавшись нездоровой. Шошану я взяла с собой не случайно – ты же знаешь, насколько она искусна в приготовлении целебных настоев. Она оставила большую часть своего имущества, взяв вместо них мешки с сушеными травами... Но я отвлеклась и зря, потому что до трав дело не дошло. Когда мы пришли к Изис, то застали ее такой же свежей и цветущей, как обычно, без малейшего признака хвори. Возле шатра нас никто не встретил, люди были заняты приготовлением ужина, и мы беспрепятственно вошли внутрь. Изис полулежала на ковре и читала какой-то свиток. При нашем появлении она проворно убрала его за спину, но я успела заметить, что папирус был из тех, на котором пишутся повеления фараона – тончайшей выделки, с едва заметной желтизной, и он не шелестел несколько и не шуршал, когда Изис свернула его. То было письмо от фараона или...

– Или от старшего брата Изис, – вставил Моисей. – Он занимает высокое положение и может писать сестре письма на таком папирусе.

– Позволь с тобой не согласиться, Моисей, – покачала головой Мариам. – Зачем Изис так спешно прятать письмо от брата? Разве кто-то запрещает ей или кому-то другому получать вести из Египта? Если бы это было письмо от брата, то надо было сказать: «Вот я получила

новости из Египта и сейчас расскажу вам их». Мы бы с удовольствием послушали. И вот еще – от какого брата может прийти письмо, если Изис рассказала всем, что братья отреклись от нее по причине перехода в нашу веру. Они стерли ее имя из всех родовых списков, прокляли и забыли. Так рассказывала сама Изис и повторяла: «Есть у меня Господь и есть данный им муж, чего же еще мне надо?» Это настораживает, потому что не может не настораживать. Поспешно спрятанный свиток, похоже написанный кем-то из писцов фараона, в сочетании с пребыванием в повозке в течение всего дня означает прибытие тайного гонца с письмом от фараона или кого-то из его приближенных. А о чем станет писать Изис фараон? О чем-то вредном для нас, о чем же ему еще писать? Или, может, Изис доносит фараону про наши дела? Этот проклятый Мернептах жив, я так чувствую! Он жив и продолжает ненавидеть нас! Почему Изис не может быть его глазами и ушами среди нашего народа? Не забывай еще и о том, что муж ее начальствует над тысячами воинов из колена Эфраимова и много знает. А что, если она подчинила его своей воле и он теперь делает то, что жена ему скажет? Изис красива, она возбуждает желание. Такой женщине при желании нетрудно подчинять мужчин своей воле. Вот о чем я пришла сказать тебе, брат! Будь осторожен и не жди верности от Савея, сына Ионы, потому что жена его ведет себя странно!

«А почему бы и не Изис? – подумал Моисей. – Разве женщина не может заразить овец болезнью или поджечь повозку? А разве не может женщина обзавестись одним или двумя помощниками? Она может подкупить их или обольстить... Нет, напрасно мы с Аароном говорили только о мужчинах. Иная женщина может сделать больше любого мужчины... А что? Очень удобно иметь женщину-соглядатая среди врагов, никто не заподозрит женщину и не станет обращать внимание на то, что она делает. Никто, кроме мужа или, скажем, брата, а если муж заодно с женой, то...»

Стоит подумать об одном, как на ум сразу же приходит другое. Моисей вспомнил, как Савей хвалил однажды египетских жрецов, превознося их ученость. Вспомнил любимую поговорку Савея «лучше ранить врага, чем убить». Странное правило для воина, ведь убитый враг уже не сможет причинить вреда, а раненый поправится и снова

встанет в строй. А как Савей любит устраивать у себя пирушки, во время которых его жена развлекает гостей игрой на флейте...

Только вот Элиуду не поручишь проследить за Изис. Если это будет замечено и дойдет до Савея, то случится беда. Всем известно, как любит Савей свою жену. Если он решит, что Элиуд преследует Изис, то может убить его в гневе. Да и много ли удастся узнать Элиуду, ведь женщины не склонны делать что-то напоказ, да и маскируются они отменно – вот Мариам сейчас закуталась в черное покрывало, и даже он, родной брат, не сразу узнал ее. Изис может закутаться точно так же, согнуться и ходить мелкими шагами. Все будут думать, что это ходит какая-то старуха... Старуху никто не в чем не заподозрит...

Мысли начали путаться. Моисей понял, что очень устал, а усталость – плохой советчик. Поблагодарив Мариам, он сказал, что еще вернется к этому разговору, и хотел проводить ее, но она отказалась и ушла одна.

Самому Моисею стан уже не казался таким безопасным, как совсем недавно. Где-то притаился враг, а, может, и не один. Египтяне коварны и очень злопамятны. Разве сможет фараон смириться со столь сокрушительным поражением? Нет, не сможет. Он непременно захочет отомстить, захочет снова поработить евреев или же погубить их, если поработить не получится.

«Что бы сделал я, будь я рукой фараона?» – подумал Моисей перед тем, как заснуть.

Ставить себя на место врага полезно – так лучше видны слабые и сильные стороны его.

«Устроил бы еще какие-то несчастья и продолжил бы распускать слухи до тех пор, пока неразумные бы не взбунтовались, – думал Моисей. – А потом бы перебил самых разумных и пошел бы в Египет. Не исключено, что на первых порах фараон был бы милостив к вернувшимся под его руку евреям. Но милость эта уменьшалась бы с каждым днем, подобно тому как утекает песок из горсти, и кончилось бы все рабством еще более худшим, чем раньше...»

Глава 8

Черный человек

Ночь в пустыне прохладна, но костер зажгли не для того, чтобы согреться, а потому что с костром не так страшно. Это днем пустыня кажется тихой, когда люди и животные производят столько шума, что заглушают все звуки пустыни. Ночью же много их – непонятных, а оттого устрашающих звуков, негромких, едва слышных. Костер из сухого овечьего навоза почти не дает пламени, но с ним веселее сидеть на самом краю стана и слушать пустыню. К тому же на костре, из чего бы он ни был разведен, можно нагреть воду, бросить в нее пригоршню сушеных трав и медленно, мелкими глоточками, пить бодрящий отвар.

А самое главное – костер виден издалека, даже ночью, при свете звезд и служит превосходным ориентиром для поиска нужного места. Трудно назначить днем встречу, когда народ еще идет и не встал на отдых. Как указать на нужное место, еще не видя стана, а становятся на отдых всякий раз по-другому, соблюдая лишь то, чтобы левиты с Моисеем и Аароном находились в середине лагеря? Разве что сказать: «Приходи на восточный край стана и смотри, где будет в пустыне костер. Увидишь, подойди и скажи: «Мир вам, неспящие». Если ответят тебе: «Не спим мы, потому что сон не приходит к нам», то садись к костру. Если ответят иначе, значит, ты пришел не туда – иди искать своих дальше».

Собравшихся было четырнадцать – по одному еврею от каждого из колен Израилевых, один египтянин, из числа примкнувших к Исходу, и один звероподобный гигант – беглый раб из моавитян, пожелавший свободы настолько, что притворился обратившимся в веру евреев, чтобы уйти вместе с ними. Каждый из собравшихся стоил другого – все они были беспутными бездельниками, завистливыми и недовольными своим положением. Каждый из них в первые дни Исхода, еще до чудесного перехода через море, обратил на себя внимание, к каждому в толпе подошел человек в черной одежде, с закрытым тканью лицом (многие закрывали лица свои от песка) и назначил встречу ночью в уединенном месте. Найти в многолюдном лагере уединенное место нетрудно, надо только углубиться в пустыню

шагов на пятьдесят или на сто. Мало ли какая нужда погнала людей в пустыню. Может, не спится им, но и всем остальным, кто спит перед новым переходом, мешать они не хотят, вот и уселись подальше...

Костер, возле которого они собрались, развел моавитянин, которого звали Муло. Он пришел первым и принес навоз, воду, сушеные травы и потрескавшуюся деревянную чашу, которая сейчас переходила из рук в руки.

Это была первая встреча всех собравшихся в одном месте, но никто не спешил знакомиться с остальными и не называл своего имени и не сообщал, к какому колену относится. Только египтянин сообщил, что его зовут Сапху, но никто не поверил в то, что он назвал свое истинное имя. Все, и евреи, и моавитяне, и хетты, знают, насколько лживы египтяне и насколько привыкли они обманывать. Настолько привыкли, что обманывают даже тогда, когда это не приносит им никакой выгоды.

В ожидании того, кто собрал их здесь, пили бодрящий отвар и беседовали, старательно избегая важных тем и всего, что было связано непосредственно с ними.

– Эх, оставил я дома кувшин с медом! – сокрушался тот, что был из колена Иегуды и носил имя Захария. – Большой кувшин с медом! Где взять в пустыне мед?

– Если пчелы делают мед, то его должны делать и какие-нибудь жуки, – сказал Ахаз из колена Иссахарова, принимая из рук Захарии чашу.

– Может, и делают они мед где-то под землей, а мы не знаем, – сказал одноглазый Седекия из колена Эфраимова. – Но что до меня, то я не люблю меда, уж очень он приторный!

– Когда на языке сладко, то и на сердце хорошо! – сказал Енох из колена Гадова. – Сладости надо хорошенько запивать водой, тогда они не будут казаться приторными и доставят удовольствие.

– А еще делают так, – вступил в беседу египтянин Сапху, передавая чашу Еноху. – Берут спелую дыню, разрезают ее вдоль и наливают в каждую половинку меда...

– Так, должно быть, поступают только повара фараона! – перебил его Ифтах из колена Рувимова. – Это же безумное расточительство – лить мед в спелую дыню! Зачем поступать так, если спелая дыня сама на вкус, как мед?

Едва слышно зашуршал песок.

– Змея! – испугался Нахум колена Данова, подбирая вытянутые вперед ноги.

– Это я! – к костру присел человек, одетый в черные одежды, с лицом, закрытым куском черной же материи, и потому не видный в ночи. – Вы что, не знаете, что к костру, разведенному из овечьего дерьма, змея близко не подползает?

Человек говорил так, как говорят простолюдины, растягивая гласные и проглатывая окончания слов. Возможно, что он делал это намеренно, скрывая свою истинную сущность – уж слишком важно для простолюдина он держался.

Пользуясь случаем, Рувим из колена Симеонова, прозванный за свое обжорство Две глотки, осушил чашу до конца, выпив больше, чем ему положено, и швырнул ее на колени Муло-моавитянину.

– Все ли пришли сюда благополучно? – спросил Черный Человек.

– Да, – сказал каждый из четырнадцати.

– Попробовал бы мне помешать кто-нибудь, так я бы свернул ему шею! – добавил моавитянин.

Тщедушный Тадай из колена Вениаминова, сидевший слева от моавитянина, опасливо покосился на него, словно беспокоясь за собственную шею.

– Не надо никого убивать! – строго сказал Черный Человек. – Мы не должны привлекать к себе чужого внимания. Мы – тени, незаметные, неуловимые, ускользающие... А если уж и придется свернуть кому-то шею, то непременно надо зарыть труп в песок, чтобы его не нашли. Будьте осторожны! А теперь к делу. Завтра на рассвете начинайте говорить людям о том, что Моисей вывел их из Египта только для того, чтобы отдать в рабство ассирийцам или кушитам. Египетское рабство было вольготным – люди жили в своих домах, вместе со своими семьями, получали плату за свои труды, наживали какое-то имущество и ходили свободно, как хотели. У ассирийцев же рабы не имеют ничего своего, кроме повязки на теле, служащей для прикрытия срама. Мужчин-рабов ассирийцы содержат отдельно от женщин-рабынь, и не возбраняется хозяевам в любое время утешаться с принадлежащими им рабынями. А кормят они так – насыпают в составленные вместе ладони муки, и это пища на день, ее разводят водой и едят. Если раб сорвет плод с дерева, то они кричат: «Украл!

Вор!» и рубят ему правую руку. Вот так поступают с рабами ассирийцы, но кушиты поступают еще хуже, потому что у них в обычае людоедство. Мало того, что они заставляют раба много работать и плохо его кормят, они еще могут съесть его, когда захотят!

Все слушали молча и верили, так убедительно говорил Черный Человек. У некоторых от удивления приоткрылись рты.

– Моисей еще не решил, кому отдаст в рабство народ свой. Он тянет время, выжидая наибольшей выгоды, вот и водит людей без всякой цели по пустыне. А когда сторгуется с ассирийцами или кушитами, то поведет прямо к ним в руки. Придет день, и о египетском рабстве евреи станут вспоминать с сожалением, говоря: «Как хорошо нам жилось в Египте, а мы, неблагодарные, не ценили этого!» Так и скажите людям: «Вы еще пожалеете, но будет поздно жалеть!»

Ему верили, потому что он говорил веско. А еще верили, потому что каждому при первой встрече Черный Человек дал маленький слиток серебра, сказав: «Бери, я же вижу, что ты пребываешь в нужде. Потом дам еще». Серебро, как и золото, сейчас было в большой цене, потому что блуждая по пустыне, никто ничего не наживал, все только тратили. «Кто ты?» – спросил каждый у Черного Человека. «Я – посланец настоящего бога, солнцеликого Ра^[13], бога, который не скрывается от людей, а ежедневно является им на небе», – ответил Черный Человек и добавил, что носит плотные черные одежды для того, чтобы скрыть сияние, исходящее от его тела, – знак Ра.

Черному Человеку поверили, да и как не поверить тому, кто бескорыстно наделяет серебром и обещает наделить еще. Как не поверить тому, кто говорит: «Моисей уготовил гибель народу своему, но Ра спасет всех, кто захочет спастись, а особо достойных возвысит и осыплет милостями!» Каждый из четырнадцати хотел возвыситься. Каждый из четырнадцати жаждал милостей с неба. Черный Человек хорошо разбирался в людях и умел выбирать себе подходящих помощников.

– А еще скажите всем, что бог Ра иссушил землю, по которой идет Моисей, и не будет евреям воды, пока они следуют за ним. И пусть знают люди, что великая Исида^[14], разгневавшись на то зло, которое евреи под предводительством Моисея причинили ее сыну, божественному фараону Мернептаху, будет чинить евреям всяческие

препятствия и беды до тех пор, пока они подчиняются Моисею. И для этого дела богиня избрала вас, потому что увидела, что вы достойные из достойнейших...

Где-то в отдалении пронзительно завывали шакалы, и их рыдающий вой хлестнул по ушам, вселяя в души страх. Казалось, что то кричит сам Анубис, судья Царства мертвых. Кто-то поежился, кто-то вздрогнул, а трусливый Шимон из колена Иудина не смог сдержать крика.

– Ра обратил на вас свой сияющий взор! – продолжал Черный Человек. – Исида избрала вас! Радуйтесь! Когда мы благополучно вернемся в Египет, владыка наш фараон приблизит вас к себе и половина из вас будет стоять по правую руку от него, а половина по левую, впереди всех сановников и жрецов, и они станут завидовать вам!

Глаза доверчивых слушателей загорелись алчной надеждой. «Глупцы, – с презрением подумал Черный Человек. – Разве вам стоять возле божественного трона? Вы, смердящие шакалы, недостойны даже лизать подошвы сандалий ничтожнейшего из слуг фараоновых. Это меня приблизит владыка наш фараон. Меня, а не вас!»

У Тадая из колена Вениаминова свисала из носа огромная сопля, но он этого не замечал. Сапху закатил глаза и расплылся в улыбке – не иначе как уже видел себя возле фараонова трона. Эхуд из колена Манасиина, раскачивался взад-вперед и что-то мычал. Иоил из колена Асирова толкнул локтем в бок Захарию из колена Иегуды. Седекия из колена Эфраимова простерся ниц перед Черным Человеком и бормотал что-то бессвязное.

Вой шакалов оборвался так же внезапно, как и начался.

Черный Человек дважды хлопнул в ладоши, привлекая внимание своих собеседников. На руках у него были перчатки из тонкой материи, тоже черные, подобные тем, что надевают жрецы бога Тота^[15] перед тем, как взять в руки небесный камень, в котором заключена божественная мудрость. Камень упал с неба, его касались руки Тота и Ра, поэтому обычным людям нельзя осквернять его своим прикосновением.

– Исида повелевает вам завтрашней ночью продырявить все бурдюки, до которых вы сможете добраться и перебить или опрокинуть все сосуды с водой. За это вы приобретете ее

расположение, а я дам вам вдвое больше серебра, чем давал. Послезавтра после полуночи снова соберемся у восточного края лагеря...

Черный Человек посмотрел на моавитянина и приказал:

– Позаботься опять о костре.

Гигант молча кивнул.

Шакалы завыли снова.

– Слуги Анубиса придут за тем, кто не выполнит повеления Исиды, еще до наступления темноты и уволочут в царство мертвых! – пригрозил Черный Человек, немного повышая голос. – Неверным не будет пощады!

Египтянин Сапху со страху обмочился, но этого никто не заметил. Черный Человек уже ушел, а подельникам Сапху было не до него.

Глава 9

Авенир, сын Этана, начальник над воинами

В мечтах своих Авенир привык подниматься высоко-высоко. Выше всех! Иначе и мечтать незачем. Только глупцы мечтают о низменном, умные люди, обладающие множеством талантов, мечтают о великом. Чаще всего в мечтах Авенир видел себя верховным военачальником фараона, но иногда дерзал подняться выше. А что? Разве не был основатель нынешней династии Рамсес I военачальником при фараоне Хоремхебе? Хоремхеб по достоинству оценил его способности и назначил своим преемником. И почему бы ему, Авениру, сыну Этана, нельзя сделать то, что до него сделал другой? Потому что он еврей? Это не такая уж большая помеха...

Еврейство свое Авенир привык воспринимать именно как помеху, препятствие на пути к возвышению. Дед его, отец матери, вел свой род от аморейского^[16] царя Лицитиштара и очень гордился этим. Сам гордился и внука приучил гордиться, причем настолько, что Авенир в глубине души считал себя аморейцем.

Этан, отец Авенира, и его отец, дед Авенира, были военачальниками. Из колена Эфраимова многие служили в армии фараона, божественного владыки Верхнего и Нижнего Египта. Но пользы от деда и отца было мало – дед рано умер от лихорадки, подхваченной во время похода на Куш, а отец был нечестолобив и многого не достиг – в расцвете своей карьеры командовал десятью тысячами копейщиков из Мен-нефера^[17], а все знают, что хуже этого отребья в фараоновом войске нет. «Ленив, как житель Мен-нефера» и «туп, как житель Мен-нефера» говорится недаром.

Авенир начинал при покойном фараоне, Рамсесе Втором, отце нынешнего фараона Мернептаха. Рамсес Второй был великим правителем, могущественным и славным, но к евреям он относился с большим предубеждением. У нынешней династии евреи вообще не в почете, увы. Но, несмотря на предубеждение фараона, Авениру удалось подняться довольно высоко, пятьдесят тысяч воинов было у

него в подчинении, причем то были отборные отряды фараонова войска, уступавшие в выучке только гвардии фараона. Рамсес Второй умел ценить преданность в людях. Разумеется, не будь Авенир евреем, он бы вознесся еще выше, но и так дела его шли неплохо. Многие застревали в самом низу. Воин может быстро стать десятником, если он смышлен и храбр. Десятник, показавший, что он достоин стать сотником, станет им непременно. Но вот станет ли сотник тысячником, никому не ведомо, потому что для подъема на такие высоты одних лишь достоинств недостаточно, нужна еще и удача, обстоятельства должны сложиться благоприятно. Простой писец, успевший оттолкнуть фараона в сторону во время обрушения барельефа с изображением Девяти богов в тронном зале, на следующий же день становится начальником над писцами и получает в подарок столько золота, сколько весит фараон. Десятник, сумевший остановить понесших коней, впряженных в колесницу фараона, получает должность начальника над ливийскими наемниками... Счастливым случай правит миром, но глупец уповает на счастливый случай, а умный создает его. Но для того, чтобы создать счастливый случай, тоже нужна удача... Без нее все пойдет прахом. Или же случается так, что достигнешь чего-то – и вскоре лишишься. Приходится начинать сначала. Плох тот воин, который падает и не поднимается снова, но лучше бы обойтись без падений...

Рамсес Второй правил так долго, что всем казалось, что он будет править вечно. Но пришел день, и трон фараона занял Мернептах, которому тогда было уже шестьдесят лет. Надо сказать, что из множества сыновей своих Рамсес Второй выбрал в преемники наихудшего – глупого, недальновидного, нерешительного, слабохарактерного... Начав перечислять недостатки нынешнего фараона, трудно остановиться, потому что недостатков у него великое множество. А достоинство у Мернептаха всего одно – он почтительный сын, при жизни отца относился к нему с великим уважением и до сих пор воздаст ему почести. Вот эта сыновья почтительность и перевесила в глазах Рамсеса Второго все остальные недостатки сына. Так Мернептах из простых писцов при отце своем выдвинулся в военачальники, затем стал командовать всем войском, был назван преемником отца своего, а после его смерти стал фараоном.

Новый фараон начал с того, что подослал убийц ко всем своим братьям, чтобы никто из них не смог бы претендовать на трон. Воля фараона, избравшего себе преемника, священна, но всегда можно сослаться на то, что фараон был введен в заблуждение, или придумать какой-то другой повод и поднять мятеж. Было бы на кого опереться, а уж подходящий повод для мятежа найдется всегда. Никто не ожидал от ограниченного Мернептаха подобной предусмотрительности. Впрочем, из-за своей ограниченности он ее и проявил. Сознал собственное ничтожество, понимал, что любой из двух десятков братьев сможет править не хуже его, а может даже, и лучше, вот и принял меры. И как умело все организовал – умертвил всех братьев в одночасье, чтобы никто из них не смог заподозрить неладное и убежать. Кто-то заснул и не проснулся, кто-то случайно упал на кинжал своего телохранителя (вряд ли такое возможно, но так было объявлено), кто-то утонул в Ниле, кого-то ударил копытом любимый конь, у кого-то кровь пошла горлом... Мернептах глуп, но советников себе подбирает умных и предпочитает возвышать людей с самых низов, таких, кто всегда останется верным своему благодетелю, ибо понимает, что без его покровительства он песчинка, соринка, ничтожнейшее из ничтожеств.

Покончив с братьями, Мернептах заменил большинство сановников и начальников над воинами. Только жрецов не тронул, потому что с жрецами лучше не связываться. Жрецы коварны, умны и сплочены, вне зависимости от того, какому богу они служат. Даже Рамсес Второй уступал жрецам и всячески их задабривал.

В результате перемен Авенир вместо былых пятидесяти тысяч получил под свое начало десять тысяч лучников и был счастлив. Точнее – и делал вид, что счастлив служить божественному фараону, владыке Египта, а сколько у него при этом в подчинении воинов – не столь уж и важно. Со временем появились кое-какие перспективы, но тут к фараону пришел Моисей и попросил отпустить евреев. Фараон разгневался и удалил из войска всех евреев, сказав им: «трудитесь вместе с народом вашим». Авенир, разумеется, не стал делать кирпичи, или пасти скот, или пахать землю, потому что подобные занятия были унижительны для него. Он провел несколько дней в уединении, размышляя о том, что было, и о том, что может быть, а потом явился к Моисею и сказал: «Я с тобой и с моим народом». А что

еще можно было сказать, если звезда евреев при дворе фараона закатилась, а влияние Моисея возрастало с каждым днем? Надо было как можно скорее занять подобающее положение при Моисее, известно же, что пришедших первыми усаживают на самые почетные места, а тем, кто опоздал, приходится довольствоваться тем, что осталось. Авенир же не мог тогда знать, что фараон еще вспомнит о своем верном слуге. Возможно, что фараон и вспомнил о нем именно из-за его близости к Моисею. Удачное стечение обстоятельств – если Авенир поведет себя осмотрительно, то в любом случае, хоть при фараоне, хоть при Моисее, положение его упрочится и он сможет возвыситься.

Лучше бы возвышаться при дворе фараона, там больше возможностей, да и заслуг перед египтянами у Авенира больше, чем перед евреями. С другой стороны, свойство с амореями, пусть даже и отдаленное, может укрепить положение Авенира в Земле Обетованной, иначе именуемой Ханааном, ведь там много амореев, а они, как всем известно, недолюбливают чужаков и сторонятся других племен. Жаль, что от далеких предков Авениру не передалось умение колдовать, которым так славятся амореи. Многого из того, чего приходится добиваться годами, колдуны достигают сразу благодаря своему магическому искусству. Вот если бы Авенир мог призвать на помощь потусторонние силы и с их помощью воздействовать на других, его удел был бы лучше...

Но и так хорошо, главное – не оступиться, не сделать какой-нибудь оплошности, не испортить того, что уже сделал. Он, Авенир, сейчас подобен слепцу, бредущему по кромке обрыва. Один неверный шаг – и можно свалиться в пропасть, глубокую пропасть, выбраться из которой уже не получится. Но если дойти до цели, то...

Когда Авенир думал о том, что есть у него сейчас, сердце щемила обида на тех, кто не мог, не хотел, не собирался оценить его по достоинству. Когда же он начинал думать о том, что будет после, обида уступала место надежде, поэтому Авенир старался больше думать о будущем, нежели о настоящем. Он понимал, что поступает неправильно, но ничего не мог с собой поделать и очень страдал от того, что не с кем ему поделиться ни обидой, ни надеждами, ни планами своими. Жена Авенира, тихая женщина, происходившая из пришедшего в упадок торгового рода, умерла во время родов, и больше

Авенир не женился, потому что для этого не было ни времени, ни желания. К тому же отсутствие жены расширяет возможности мужчины – всегда можно взять жену из того дома, породниться с которым выгодно. Сыновей у Авенира не было, а обе дочери росли под присмотром тетки, сестры их матери, такой же тихой и незаметной. «Ничего, – успокаивал себя Авенир, – как только достигну желаемого, сразу ж возьму себе жену, равную мне достоинством и положением, и она родит мне много сыновей. Час моего торжества впереди...»

О, Авенир, сын Этана, еще возвысится над всеми, и те, кто сейчас смотрит на него с превосходством, будут ползать у ног его, вымаливая милости или пощаду! Но он не станет щадить никого и не будет щедр на милости. Разве кто-то был добр к нему? Разве кто-то ему покровительствовал бескорыстно? Разве кто-то до сих пор сумел оценить по достоинству Авенира, сына Этана? Ни на фараона, ни на Моисея нельзя полагаться. Фараон далеко, и он больше доверяет египтянам, а про евреев вспоминает лишь тогда, когда возникает особая нужда. Моисей близко, но Моисей хитер. Ума у него немного, но хитрости хоть отбавляй. Он не приближает к себе и не возвышает тех, в ком видит достойных соперников, могущих посягнуть на его власть и на его положение. А вот молодых щенков, вроде Осии, сына Нуна, который, как и Авенир, происходит из колена Эфраимова, Моисей отличает и хвалит при каждом удобном случае. Почему он так поступает? Да потому что не видит опасности для себя в таких, как Осия... Осия из породы овец, а он, Авенир, из породы пастухов, и от таких, как Осия, его отделяет пропасть.

Придет время, и все склонятся перед Авениром, сыном Этана! Время придет, непременно придет! Надо только набраться терпения. Недаром же говорится, что умеющий ждать всегда побеждает...

Глава 10

Жажда песков

Живя в Египте, евреи отзывались о выдуманных египтянами богах с пренебрежением, разумеется в том случае, если их не слышали египтяне. Богов себе египтяне навывдумывали так много, что сами в них путались, а порой для пущей простоты объединяли двух богов в одном лице. В Но^[18] чтут Аммона, в Чени^[19] – Анхура, в Иуни^[20] – молятся быку по имени Бех... Глупые, глупые египтяне, не понимающие, что Господь един...

Но вдруг некоторые евреи, из числа тех, кто не блистал умом, начали относиться к египетским идолам серьезно. Настолько серьезно, что боялись их.

– Бог Ра отобрал у нас воду, – говорили они, опасливо косясь на солнце. – Гнев его беспощаден.

Прошло всего три дня после того, как море расступилось перед евреями и поглотило войско фараона. Где были в тот миг все египетские боги во главе с солнцеликим Ра? Почему не помогли они египтянам, которые понастроили множество храмов в их честь и всячески им поклонялись?

Малоумные маловеры не задавались такими вопросами, потому что они были слишком сложны для них. Куда проще распространять слухи...

– Мы должны вернуться в Египет и отдаться под покровительство фараона! Только в этом наше спасение!

– Зачем нам Земля Обетованная, если и в Египте мы жили неплохо?! У нас было все, что нужно. Мы жили в своих домах, и жизнь наша была не такой тяжелой, как сейчас!

– Моисей ведет нас на гибель! У него свои счеты с фараоном, но при чем тут мы?!

– Вернемся же в Египет!

– Вернемся!

– Вернемся!!! Какой бы ни была наша участь в Египте, она все равно лучше смерти от жажды в безводной пустыне!

– Животные наши падут без воды – и куда мы без них?! Сами потащим все наше добро?! А что мы будем есть?!

Так говорили люди, и скоро речи их переросли в ропот, а там и до бунта недалеко.

– Вы так и остались рабами, если не цените величайший из даров – свободу! – отвечали неразумным разумные. – Моисей дал нам свободу, и разве так надо благодарить его?

– Пусть лучше он даст нам воду! – следовал ответ. – Свободой невозможно напиться.

Моисей, обращаясь к народу, сказал так:

– О, народ Израиля! Разве кого-то согнал я с места насильно?! Разве кто-то ушел со мной под принуждением?! Разве не несу я те же тяготы, что и вы?! Разве моя доля лучше вашей?! Сколько глотков оставшейся у нас воды досталось вам, столько же выпил и я, ни глотком больше! Разве меня надлежит упрекать вам?! Разве это я порезал мехи с водой и разбил кувшины?! Фараон Мернептах, да будет проклято его имя за все те беды, которые он учинил нам, готов на все, лишь бы вернуть нас обратно, ибо жаль ему терять таких рабов, как мы. Его слуги, тайно проникшие в наши ряды, чинят нам вред и ни при чем тут солнцеликий бог Ра и прочие боги египтян, которых не существует. Есть один Бог, и Он избрал нас и взял нас под свое покровительство, так будем же достойными избранниками!

– Почему же тогда мы скитаемся по пустыне, если Бог нам покровительствует?! – спросили несколько голосов. – Почему мы терпим невзгоды и лишения, в то время когда другие народы блаженствуют?!

– Потому что нет в нас истинной веры и подлинной верности! – с горечью отвечал Моисей. – Чуть что, мы забываем обо всем, кроме собственной выгоды, и начинаем роптать! Разве так положено вести себя достойным?! Мы должны терпеть и восхвалять Господа за то, что он закаляет испытаниями дух наш! Великие чудеса явил нам Господь, разве этого мало для того, чтобы поверить в его могущество?!

– Дай нам воду! – кричали люди, и под эти крики Моисей продолжал свой путь, удивляясь тому, как отяжелел посох в его руке, как будто напился злобой.

Под эти крики, доносящиеся с разных концов стана, Моисей держал совет со своими приближенными в шатре.

– Воды у нас не осталось, – сказал Аарон. – Уже роздали всю, и неизвестно, как нам быть дальше.

– Завтра мы придем в место, которое называется Мерра, – сказал Элицур, сын Шедеура, начальник колена Рувимова. – Слышал я от торговцев, что там должно быть вдоволь воды. Нам бы потерпеть один день...

– Кто готов терпеть, тот потерпит, – сказал Нахшон, сын Аминадава, глава колена Иегудина. – Кто верен, тот верен всегда, независимо от обстоятельств.

– Если бы все были подобны тебе, Нахшон, – ответил на это Моисей, – то мы бы уже были в Земле Обетованной, поскольку незачем было бы Господу испытывать нас. Но пока что большинство народа нашего некрепко в своей вере и склонно смотреть назад, а не вперед. Только и слышно: «а вот у нас было в Египте» и подобное тому. Оглядываясь назад, не начнешь новую жизнь... Но в чем-то люди правы, когда винят меня и вас, старейшины и начальники, потому что мы должны оберегать народ свой от вреда, причиняемого слугами фараона. Ропщут люди от невзгод или же, напротив, дух их укрепляется – это их дело. Наше же дело – избавиться от шакалов, затаившихся среди нас. Не египетские идолы лишили нас запасов воды, а коварные слуги фараона. Прошу вас – присмотритесь получше к людям, поспрашивайте их, вдруг кто-то что-то знает или о чем-то догадывается.

– Спрашивали и присматривались, – ответил за всех Элишама, сын Аммихуда, начальник колена Эфраимова. – И если бы нашли негодяев, то поступили бы с ними так же, как они поступили с мехами, в которых была вода!

– В египетском войске принято связывать предателей и живьем зарывать в песок так, чтобы только голова оставалась наверху! – сказал военачальник Савей, потрясая в воздухе сжатым кулаком.

Моисею показалось, что гнев Савея преувеличен. Да и зачем трясти кулаком, находясь среди своих? Непрост Савей, ох как непрост, и не только в жене-египтянке тут дело...

– Если вынужден убивать, то убивай без жестокости, – сухо сказал Моисей. – В египетском войске еще и кожу живьем сдирать принято, а ассирийцы привязывают живых людей к лошадям и пускают лошадей вскачь. Мы должны перенимать у других народов хорошее, а не

плохое. И знайте, что там, где можно обойтись без того, чтобы убить, лучше не убивать. Достаточно будет, если мы прогоним тех, кто чинит нам вред!

На широком лице Ахира, сын Энана, начальника колена Иудина, появилась улыбка. Моисей, заметив ее, нахмурился и продолжил:

– Вы сейчас думаете: «Моисей в гневе убил надсмотрщика-египтянина, а нам говорит, что лучше не убивать». Вы думаете, что я неискренен с вами? Знайте же, что это не так – я говорю то, что думаю! Знали бы вы, сколько думал я о том убитом мною египтянине, о его семье, о его детях, которые росли без отца... А что я изменил этим убийством, кроме своей собственной участи? Разве после этого египтяне стали меньше угнетать нас? Разве хоть насколько-то стала легче наша жизнь? Разве тот, кого избивал убитый мною египтянин, проявил признательность за избавление?

– Его зовут Датан, сын Манасии, а жену его зовут Суламифь, – сказал Нафанаил, сын Цуара, начальник колена Иссахарова. – Он помнит то, что ты сделал для него, Моисей, и говорит, что обязан тебе своей жизнью, иначе бы проклятый египтянин мог бы забить его насмерть.

– Ты все сделал и делаешь правильно, Моисей, – сказал Ахир, сын Энана, – а если ты думаешь, что я смеялся над тобой, то ошибаешься. – Я вспомнил свою бабушку, которая говорила те же самые слова, что и ты. Поймает, бывало, курицу и уже готовится свернуть ей шею, но задумается и отпустит, говоря при этом: «Достаточно для нас сегодня и бобовой похлебки, ведь если можно обойтись без того, чтобы убить, то лучше не убивать». Но тех, кто пытается вернуть наш народ под руку фараона, я бы убил на месте!

Людей кое-как удалось успокоить, говоря: «Завтра мы придем туда, где достаточно воды». Взяла свое и усталость, лучшее лекарство от недовольства. Когда глаза начали слипаться, люди сказали себе: «Отложим до завтра» и заснули, а утром, когда восходящее солнце прогоняет ночную тьму, все всегда представляется в более привлекательном свете. «Недолго осталось терпеть нам! Сегодня мы придем к воде!» – кричали верные, и те, в ком не доставало верности, повторяли за ними: «Недолго осталось терпеть нам!»

Моисей и Аарон не спали до рассвета – то молились, то разговаривали.

– Гибель войска фараона воодушевила людей настолько, что я думал: никогда уже не стать нам рабами снова, – говорил Моисей, морщась от неприятного ощущения в пересохшем рту, которое усиливалось при разговоре. – Но стоило только ненадолго остаться без воды, как...

– Не в воде дело, брат мой, – перебил Аарон. – Дело в другом, в том, что чудесное спасение вдохновило людей, а ущерб, нанесенный запасам воды, вверг их в страх. Народ наш натерпелся многого, Моисей, а ты ведь знаешь, что далеко не каждого лишения делают стойким. Вместо того, чтобы сказать себе «ради нашей свободы перенесем и это», люди начинают сомневаться и думают так: «если наш вождь допустил нам такой сильный ущерб, то настолько ли он силен и стоит ли нам следовать за ним?» Люди еще не окрепли духом и...

– И если так пойдет дальше, то они никогда не окрепнут! – перебил на этот раз Моисей. – Еще что-то подобное, и люди пойдут обратно в Египет! Ты же видел, как горели их глаза!

– Видел, – кивнул Аарон. – Но они очень скоро пожалеют о своем опрометчивом решении.

– Что с того? – пожал плечами Моисей. – Что толку жалеть, когда кувшин разбит? Если мы вернемся, то больше не сможем уйти из Египта... Бог отвернется от нас.

– Будем надеяться, что больше ничего подобного не случится, – вздохнул Аарон. – Начальники колен и те, кто командует воинами, уже приняли меры. Теперь наш стан охраняется не хуже, чем дворец фараона.

– Ты помнишь, как мы беспрепятственно прошли к фараону, когда явились к нему в первый раз? – хмыкнул Моисей. – В первую очередь нам надо принять меры к поимке того, кто вредит нам. Только как это сделать? Я поручил Элиуду наблюдение за теми пятью, о ком мы с тобой говорили. Сказал, чтобы он обращал внимание на все, что только может вызвать подозрения – не приходят ли к кому странные гости, не отлучается ли кто-то по ночам и так далее... Элиуд не может одновременно следить за всеми, но он не ограничивается одним лишь наблюдением. Он собирает сведения, слушает, что говорят люди, а все, что узнал, рассказывает мне. Я бы предпочел иметь несколько помощников, но мне не хочется огласки, не хочется сеять взаимные

подозрения среди нас, поэтому приходится обходиться тем, что есть, то есть Элиудом. Кроме того, я сам наблюдаю, сравниваю, обращаю внимание на любые мелочи, связанные с теми, кого мы подозреваем. Даже рыба, плывущая в воде, ненадолго оставляет след за собой. Не может быть так, чтобы человек делал что-то, не оставляя следа. Тем более, что портили мехи и били кувшины несколько человек, один бы не справился...

– Я делаю то же самое – наблюдаю и пытаюсь понять, – вздохнул Аарон. – И пытаюсь узнать что-то от людей, но пока ничего существенного не узнал. Прямо же не спросишь, приходится обвиняками, чтобы не насторожился враг и не обиделись верные. А Элиуду удалось узнать что-то существенное?

– Только одно, что может навести на какие-то мысли – в ту ночь, когда мы остались без воды, лекарь Нафан дважды, около полуночи и незадолго до рассвета, выходил из своего шатра. В первый раз Элиуд пошел за ним, но очень скоро потерял его из виду, а во второй раз не рискнул пойти, потому что подумал – уж не заметил ли Нафан в первый раз слежку? Он остался ждать возле шатра. Нафан отсутствовал довольно долго, дольше, чем в первый раз, и вернулся уже когда рассвело и протрубили трубы, возвещавшие начало нового дня. Примечательно, что оба раза он уходил по собственному почину, поскольку никто не приходил за ним, как обычно приходят за лекарями.

– Женщина? – предположил Аарон.

– У женщин остаются столько, сколько нужно, а потом возвращаются к себе и отдыхают, – возразил Моисей. – Зачем приходиться, уходить и возвращаться в течение одной и той же ночи. Да и не похож наш Нафан на того, кто способен испытывать столь сильную потребность в женской ласке... Насколько мне известно, всем жизненным удовольствиям он предпочитает вкусную еду.

– Или же просто искусно притворяется чревоугодником, – Аарон недоверчиво покачал головой. – Но то, что узнал Элиуд, настораживает. Нафан мог выйти в первый раз, чтобы дать распоряжения своим помощникам, а во второй – чтобы заплатить им за то, что они сделали...

Придя в Мерра, евреи нашли там несколько источников. То были источники, бившие из скалы, откуда вода стекала в сделанные ею за

многие века углубления в камне. Воды было достаточно, но первые же, зачерпнувшие из источника, поморщились и выплюнули воду, сказав:

– Она горчит хуже морской воды!

Бывает так, что от долгого нахождения под солнцем без питья люди лишаются рассудка. Моисей, Аарон и Шелумиил, сын Цуришаддая, начальник колена Симеонова, зачерпнули каждый из разного источника и убедились в том, что вода действительно горчит и горчит сильно.

Изнывавшие от жажды люди пробовали пить горькую воду, пересиливая себя, но толку от этого было мало – их рвало прямо тут же, у источников.

– Мы погибли! – пронеслось среди народа. – Бог Ра сделал эту воду горькой, чтобы мы не смогли ее пить и погибли бы!

Сердце Моисея переполнилось скорбью. Неужели все было напрасно? Неужели Исходу суждено закончиться в самом начале и закончиться столь бесславно, столь позорно?

Скорбь очень скоро превратилась в боль, от которой померкло в глазах, а уши заложило. Моисей не видел происходящего вокруг него и не слышал звуков. Он падал в бездонную непроглядную тьму и не мог ничем воспрепятствовать этому падению, словно был связан по рукам и ногам.

«Сломай ветку и брось в воду!» – вдруг услышал он Голос и сразу же понял, Кто говорит с ним.

Зрение и слух тут же вернулись, боль внутри исчезла, словно ее и не было. Моисей стоял там, где стоял, возле источника, а вокруг волновались люди. Осия, сын Нуна, и еще два десятка воинов встали между людьми и Моисеем, обнажив длинные кинжалы. Моисей не видел их лиц, потому что стояли они к нему спинами, но чувствовал, как напряжены они.

Справа от Моисея, возле источника рос куст растения, которое называли вахх и которое если куда и годилось, то только для костра. Моисей протянул руку, отломал ветку, покрытую мелкими листочками, сорвал один, зачем-то сунул в рот, пожевал и выплюнул – редко когда доводилось пробовать подобную кислятину. Не понимая, зачем он это делает, но понимая, что так надо, Моисей бросил ветку в источник. Ему показалось, что вода на мгновение помутнела и пошла мелкими пузырьками.

Осия, обернувшись через плечо, с недоумением следил за действиями Моисея. Моисей склонился к источнику, зачерпнул воду и попробовал ее снова. Он не стал бы утверждать, что никогда в жизни не пил воды вкуснее, потому что это было бы неправдой, но вода была сносной, такой, которую можно пить без отвращения, и она превосходно утоляла жажду.

Моисей зачерпнул воду еще раз и сказал Осии:

– Попробуй и ты из этого источника.

Осия с готовностью попробовал воду и, еще не успев утолить жажду, обернулся к народу и громко закричал:

– Господь наш явил нам еще одно чудо! Он научил Моисея, как сделать эту воду пригодной для питья! Подходите же, пейте и радуйтесь! И пусть устыдятся те, кто не верил!

Во что не верил или кому не верил, Осия уточнять не стал, потому что и так все было ясно.

До утра у источников царило оживление – люди пили, поили животных, набирали воду в новые, наскоро сделанные мехи и говорили друг другу:

– Ничего не грозит нам, пока нас ведет Моисей! Недалеко уже до Земли Обетованной.

Предложи кто-нибудь сейчас вернуться в Египет, его бы растерзали на месте. Скажи кто, через сколько лет сможет народ Израиля войти в Землю Обетованную, над ним бы посмеялись, как смеются над безумцами – от души, но беззлобно.

Глава 11

Савей, сын Ионы, начальник над воинами

Ничто так не радует сердце мужчины, как расположение любимой жены, если она и в самом деле любима. И ничто так не огорчит и не ранит сердце мужчины, как нерасположение любимой жены.

Взяв в жены Изис, Савей торжествовал и упивался своим везением. Как же! Ему, еврею, пусть и не из последних, но и не из первых, и все же еврею, удалось жениться на красавице из аристократического семейства, мужчины которого традиционно входили в число первых слуг фараона. Где те, кто стоит подле трона и где простой тысячник-еврей, пусть даже храбрый, пусть даже красивый, пусть даже и любящий Изис больше отца и матери. Да, это было так, хоть Савей в том никому не признавался – любовь к родителям не имела ничего общего с любовью к Изис, оба этих чувства даже сравнивать не было смысла, все равно что сравнивать маленький ручеек с великой рекой Нил в пору ее разлива. Это было плохо, и Савей понимал, что это плохо, но ничего не мог с собой поделать. «Я плохой сын, – говорил он себе, – но зато муж из меня будет хороший».

Отец Изис и слышать не хотел о том, чтобы его дочь стала женой какого-то еврея. «Не со всяким из наместников фараона согласился бы я породниться, – говорил он, – и не любому из советников владыки нашего отдал бы я свою дочь! Зачем мне зять-еврей, да еще и начальствующий над тысячей воинов, пусть даже и отборных? Не бывать этому!»

Изис, влюбленная в Савея не меньше, чем он в нее, умела добиваться своего и хорошо понимала, что ни мольбы, ни просьбы, ни уговоры не смягчат сердца ее отца. Он был военачальником фараона из числа самых высокопоставленных, признавал только силу и мог уступить лишь тогда, когда больше никак нельзя было поступить. Поэтому Изис пришла к отцу с острым нубийским кинжалом в руках, с таким, что острее острого и, наткнувшись на препятствие, гнется, но

не ломается, приставила острие его под левую грудь свою и сказала: «Выбирай, что тебе лучше – отдать меня за того, кто мне приятен, или отдать меня Анубису». Какой отец согласится по доброй воле лишиться дочери? Поняв, что Изис не шутит, отец согласился отдать ее Савею и тут же поклялся в этом всеми клятвами, которые потребовала от него дочь. Правда, положенного пиршества устраивать не стал, просто отправил Изис со всем ее имуществом в дом к Савею, и все.

«Подожди! – смеялась Изис, глядя Савея по щеке. – Как только я рожу отцу внука или внучку, он сразу же забудет о своей неприязни к тебе и позовет тебя на пир, где посадит по правую руку от себя и будет угощать самыми вкусными яствами и будет собственноручно наполнять твою чашу!»

Увы, детей у них не было, несмотря на то, что любили они друг друга горячо, а совокуплялись столь страстно, что земля дрожала. Изис, казавшаяся с виду воплощением неприступной невинности, обнаружила столь великую искусность в делах любовных, что Савей только диву давался. Наслаждение, которое дарил ему Изис, было столь велико, что все другие женщины не могли сравниться с нею. Изис не только многим дарил, но и многого требовала, причем, получая желаемое, не переставала восхищаться Савеем и превозносить его до небес. Очень скоро Савей усвоил три вещи: первое – нет на свете лучшей женщины, чем его жена; второе – что нет на свете лучшего мужчины, чем он, и третье – так хорошо, как друг с другом, им ни с кем не будет. На людях Савей был крепок, словно камень, дома же он превращался в мягкую глину, из которой красивые пальцы Изис лепили все, что ей вздумается.

Вскоре после того, как отец Изис умер, она приняла веру Савея и объявила об этом во всеуслышание. Братья тут же отреклись от нее, прислав письмо, начинавшееся со слов: «Лучше бы уж тебя забрал Анубис...» Другая бы рыдала и печалилась, получив такое от родных братьев, а Изис прочитала письмо Савею, затем бросила свиток папируса в огонь и поманила мужа к себе. Папирус горел, а они занимались любовью, и им было хорошо друг с другом. Не произнеся ни одного слова, Изис дала понять Савею, что до братьев ей нет никакого дела, потому что у нее есть любимый муж и никто больше ей не нужен. Она многое умела объяснить без слов – взглядом, улыбкой, жестом или как-то еще. Савей научился определять настроение жены

по самым неуловимым признакам. По тому, насколько Изис выпячивала нижнюю губу или по излому ее брови, он мог судить о том, что она думает.

Когда пришло время уходить из Египта, Изис пыталась улыбаться, но уголки ее губ то и дело загибались вниз, превращая улыбку в гримасу гнева.

– Народ наш уходит, и мы не можем остаться, – сказал жене Савей.

Изис покачала головой, но покачала странно – вроде бы кивнула, соглашаясь, и в то же время вроде бы выразила несогласие.

– Ты не хочешь уходить? – спросил Савей.

– Народ наш уходит, и мы не можем остаться, – повторила за ним Изис. – Обидно только, что это случилось именно сейчас, когда мне почти удалось помириться с братьями. Первым делом после примирения я собиралась попросить их замолвить за тебя слово перед начальником над всем фараоновым войском...

– Это уже ни к чему! – оборвал жену Савей, хотя ему и не хотелось быть грубым с ней. – Мы уходим!

– Мы уходим! – повторила Изис и заплакала, спрятав лицо в ладонях.

Савей попытался ее утешать, но она затряслась, словно в припадке падучей болезни, и он понял, что лучше бы ему оставить жену в покое.

С того дня Изис стала неласкова с мужем. На людях держалась, как подобает, но наедине дичилась – не отвечала на вопросы, старалась увернуться от объятий, а если и допускала до себя, то так, словно подавала милостыню назойливому попрошайке – сама на ласки не отвечала, просто лежала под мужем, подчиняясь его воле. А после смотрела с такой тоской, что хотелось достать кинжал и вонзить его себе прямо в сердце.

– В Земле Обетованной нас ждет счастливая жизнь! – говорил Савей. – Там нам будет лучше!

Он верил в то, что говорил, или почти верил, но с каждым днем вера его ослабевала, а недовольство Изис усиливалось. Она ни единым словом не упрекнула мужа, она не жаловалась на те неудобства, что доставляла ей кочевая жизнь, она не плакала больше, но она постоянно давала понять мужу, как ей плохо, давала понять, что хотела бы

остаться в Египте, давала понять, что не верит в счастливую жизнь в земле Ханаанской. Савею начало казаться, что его жену подменили, настолько новая Изис отличалась от прежней. С одной стороны – та же самая женщина, вплоть до шрама над левой бровью (рана, полученная во время игры в детстве) и родинкой под левой грудью. С другой – суровая и неприступная особа, с колючим, полным ярости взглядом.

Когда войско фараона погибло в морских водах, Ирис немного смягчилась и сказала Савею:

– Во время засухи еда дорожает. Разве не так?

– Так, – ответил Савей, не понимая, к чему клонит жена, но радуясь тому, что она заговорила с ним первая и смотрит не столь уж сурово, можно даже сказать – смотрит приязненно.

– Золото ценится благодаря тому, что его мало, а песок ничего не стоит, потому что его много, – продолжила Изис и, видя, что муж по-прежнему не понимает смысла ее речей, сказала прямо: – Сейчас, когда большая часть войска погибла, каждый воин в цене, каждый военачальник может рассчитывать на многое. Уцелел ли фараон Мернептах, не столь уж и важно, потому что если не будет его, то будет другой фараон. Египет не может остаться без владыки. И любой фараон, старый или новый, с радостью примет тебя и возвысит, как подобает возвышать тех, кто становится опорой правления в трудное время!

– Как ты можешь говорить мне такое?! – ужаснулся Савей. – После того, что случилось, как ты можешь склонять меня к измене моему Богу и моему народу?! Было время, когда я служил фараону, но это время уже прошло. Теперь я служу моему народу...

– Ты служишь ловкому пройдохе Моисею! – огрызнулась Изис, снова чернея лицом. – Поучился бы у него умению использовать все, что происходит, ради своего блага! Сейчас такой благоприятный момент для возвращения на службу к фараону, а ты не спешишь им воспользоваться! Известно ли тебе, муж мой, что говорят жрецы Исиды? Они говорят, что счастливый случай, хотя бы раз в жизни, улыбается каждому, только не каждый способен им воспользоваться! Не будь ослом, который покорно несет все, что на него навьючил хозяин, Савей! Образумься! Опомнись! Здесь, в пустыне, среди соплеменников, ты всего лишь один из многих, а фараон возвысит тебя

неимоверно, поскольку мало у него осталось тех, кто способен начальствовать над воинами!

– Я не предаю своего Бога и свой народ! – со всей решительностью, на которую он был способен, ответил Савей.

– Ты – мой муж, – внезапно уступила Изис, – и решать тебе. Когда-то я ради тебя отказалась и от семьи своей, и от своих богов, но то была добровольная жертва, и я не требую воздаяния. Мне достаточно быть твоей тенью, просто я хотела блага для тебя, муж мой...

В эту ночь, как и в предыдущие ночи, Савей лег на ложе рядом с Изис и приготовился заснуть, но нежная прохладная рука скользнула по его груди, опустилась ниже, а ухо обдало горячим дыханием.

– Я так соскучилась! – призывно простонала Изис. – Возьми же меня...

Эта ночь стала лучшей из всех их ночей. Савей смущался поначалу, потому что ему казалось, что он чем-то виноват перед женой, но Изис избавила его от смущения и подарила ему такое восхитительное наслаждение, какого он не испытывал никогда прежде. «Что за жена у меня?! – восхищался Савей, сжимая стонущую Изис в своих объятиях. – Вот, кажется, что было мне с ней так хорошо, как никогда не бывало и не будет, а в следующий раз она дает мне еще больше радости, чем прежде. Поистине она – как море, которое невозможно вычерпать!»

Савей потерял счет тому, сколько раз входил за эту ночь к Изис, да и незачем было считать, потому что не в счете было дело, а в том, что прежняя Изис, радостная и радующая, вдруг вернулась к нему, а он уже думал, что она исчезла навсегда. Они так и не заснули до рассвета. Обессилев окончательно, Савей положил голову на гладкие шелковистые колени Изис, а она ласково ворошила рукой его густые курчавые волосы и восхищалась тем, что среди них нет ни одного седого, все черны, как покрывало ночи.

– Мой предок, Тутор, основатель нашего рода, умер, когда ему было сто два года, и в волосах его не было седины, – вспомнила она к месту. – Так, во всяком случае, рассказывала мне мать. А еще она рассказывала, как Тутор из простых писцов стал одним из приближенных фараона... забыла я, кто тогда правил, но это неважно. Во время похода на Куш (тогда тоже ходили на Куш войной) фараон

диктовал повеления, а несколько писцов, среди которых был и мой предок, их записывали. Как известно, слова фараона всегда записывает несколько писцов, а не один. Потом они сличают свои записи и исправляют, если кто-то ошибся случайно и исказил смысл сказанного фараоном. Дело было возле шатра фараона. Вдруг налетел порыв сильного ветра и опрокинул все чернильницы. Тогда мой предок схватил нож, которым подрезают папирус, полоснул себя по руке и продолжил писать своей кровью, чтобы фараону не пришлось ждать, пока приготовят новые чернила! Фараон заметил это и сказал: «Вот достойнейший из писцов, достойнее которого нет, ибо исполняет он свой долг не жалея для этого ничего, даже крови своей». В тот же день Тутор стал главным над писцами, и это была всего лишь первая из ступеней, на которую он взошел благодаря своей смекалке и умению пользоваться случаем...

Слова Изис втекали в уши Савей приторно-сладкой патокой и отпечатывались в его душе, расшатывая те опоры, которые были там. Повосхищавшись немного достоинствами своего далекого предка, Изис начала рассказывать о другом своем предке, прапрадеде, потом перешла к деду, а от него – к отцу... Герои всех ее рассказов получали от фараона различные блага благодаря все тому же умению пользоваться случаем. Савей слушал с интересом и радостью, вызванной тем, что у них с Изис все стало совсем, как прежде. Или почти совсем, как прежде, но и это уже замечательно.

Мать Изис умела добиваться от своего мужа всего, чего ей хотелось. «Надо уметь переубеждать мужчин, – смеясь, говорила она дочери. – Подобно тому, как золотое или серебряное кольцо надо расплавить, чтобы сделать из него серьги или, скажем, кулон, так и сердце мужчины надо размягчить наслаждением, а потом уже переубеждать».

Изис хорошо запоминала все, что говорила мать, потому что мать была умна и понапрасну слов на ветер не бросала. Поучала к месту, советовала по делу, делилась тем, чем следовало делиться.

Вчера вечером Савей был суров и даже грозен (от этой его суровости у Изис сразу же сладко заныло внизу живота, а лоно начало истекать влагой). Сегодня же он смотрит на нее взглядом, исполненным любви, преданности и готовности выполнить любое ее желание. Занеси она сейчас над ним кинжал – он не подумает

защищаться и даже не шелохнется, а улыбнется еще шире и скажет: «Убей меня, если хочешь убить! Даже смерть от твоей руки – наслаждение для меня!».

Убивать мужа Изис не собиралась – она, несмотря ни на что, любила его. Но вот направить его на истинный путь, путь, ведущий ко многим благам, она собиралась. Не получилось сделать сразу, так получится постепенно. Время перетирает в песок камни, а не только упрямство. Изис было жаль терять драгоценное время, ведь чем больше пройдет времени, тем больше военачальников соберется возле фараона, и тот, кто мог получить многое, будет вынужден довольствоваться немногим, но все равно еще долго будет у фараона великая нужда в военачальниках. Особенно в военачальниках из числа евреев, ведь еврей, вернувшийся на службу к фараону, втрое ценнее любого египтянина, ибо он проявил неверность, но образумился. Недаром же говорится, что нет вернее того, кто раскаялся и был прощен. Хотя бы потому, что на еще одно прощение ему уже не стоит надеяться...

Изис быстро разобралась в том, что в Земле Обетованной ее муж не получит каких-то особых благ и не возвысится над остальными военачальниками. Моисей не из тех, кто склонен делиться властью, и, кроме того, уже заметно, что Осия, сын Нуна из колена Эфраимова – его любимчик. Достаточно оценить то, с какой приязнью взирает на него Моисей. Вот кто будет командовать еврейским войском. А ведь есть еще начальники над коленами, которые тоже кем-то командуют, есть другие военачальники. Савей может не ждать ничего особенного, потому что ничего особенного он не получит. Стоит ли эта Земля Обетованная тех жертв, которые надо приносить ради нее?

Изис всегда старалась скрывать свое честолюбие, поскольку считалось, что женщине не к лицу быть честолюбивой. Но если уж ей досталось честолюбия на двоих, а ее мужу, судя по его поведению, не досталось нисколько, то что тут можно сделать? Только одно – взять мужа за руку и привести к его благу, к его торжеству. И так привести, чтобы он думал, что это он ведет ее, а не она его. Сколько бы у кого ни было бы честолюбия, но у мужчины никогда не должно создаваться впечатление, что жена им руководит. Это опасно для здоровья мужчин, у них от этого случается оцепенение сердца, от которого они могут умереть.

Глава 12

Ягоды смерти

Проводников было трое – Талмон, Иефам и Фиитон, все из рабов, присоединившихся к Исходу. Талмон и Иефам – хетты, Фиитон – моавитянин. Они пришли к Моисею вместе и предложили свои услуги.

– Мы работали на торговца Хефеманиса, – сказал Талмон, самый старший из всех. – Исходили с караванами весь Египет и те земли, что лежат вокруг него. Мы знаем те пути, по которым идти удобнее всего, а у Иефама к тому же есть способность чують воду и находить ее там, где никто другой не найдет. Мы будем полезными вам.

Моисею понравилось и то, как смотрели на него все трое (с уважением, но без подобострастия, в основе которого всегда кроются ложь и корысть), и то, как Талмон сказал «мы работали на торговца Хефеманиса», а не «мы были рабами», и то, что два хетта и один моавитянин, представители народов, никогда не бывших в особой дружбе между собой, хотят помочь евреям. Поистине все люди есть дети Бога, и нет между ними других различий, кроме тех, что отделяют хорошее от плохого.

Талмон не обманул, все трое действительно умели находить самые удобные пути для передвижения, знали, где лучше всего остановиться для отдыха (а это очень непросто – найти подходящее место для такого количества людей), а Иефам не то знал наперечет все источники в разных местах, не то действительно умел их находить.

Проводники были веселыми и общительными людьми. Рабство не сделало их озлобленными и не вынудило замкнуться в себе. Они быстро сдружились с шедшими впереди воинами и каждый вечер рассказывали им о своих странствиях и тех местах, в которых им довелось побывать. Лучшим рассказчиком по праву считался Фиитон, который перемежал свои рассказы веселыми историями, то ли случившимися с ним или с кем-то из знакомых ему людей на самом деле, то ли выдуманными, но неизменно интересными, историями из тех, которые непременно хочется дослушать до конца.

У каждого отправившегося в Исход были какие-то свои запасы еды, скудные или обильные. Кроме этого, имелись запасы в каждом

колене, созданные общими стараниями и находившиеся под присмотром начальников колен. Общий подсчет припасов вел начальник над писцами Мардохей, сын Лабана.

Проводники ели вместе с воинами, и время от времени кто-то подходил к ним узнать, каким путем предстоит идти завтра, по камням или по песку, достаточно ли будет воды в месте следующего ночлега и много еще чего спрашивали люди. Некоторые же подходили просто поболтать или послушать то, что рассказывали проводники. Те, у кого была возможность или было желание, приносили с собой какое-нибудь угощение, поэтому большой бурдюк со сладким питьем из давленных ягод и меда не вызвал никаких подозрений, а, напротив, был выпит очень быстро, потому что приятное на вкус на отдыхе пьется с удовольствием.

Сидевшие у костра пустили бурдюк по кругу, и очень скоро он опустел и был отложен в сторону, чтобы ждать там своего владельца. За бурдюком его владелец так и не пришел, а у всех, кто пил из него, вскоре начались сильнейшие рези в животе, настолько сильные, что людям казалось, будто внутри у них разожгли огонь и одновременно скребут острыми когтями.

На крики сбежался народ, но помочь несчастным не смогли и не успели, потому что смерть пришла быстро. По скрючившимся от боли телам прошли судороги, после чего жизнь покинула их.

Двенадцать человек сидело у костра совсем недавно – трое проводников и девять воинов из колена Эфраимова. Сейчас же вокруг костра в почти одинаковых позах – спина согнута, руки прижаты к животу, ноги поджаты – лежало двенадцать трупов. На всех лицах, как на безбородых, так и на бородатых, застыла гримаса нестерпимой муки. Фиитон в агонии прокусил нижнюю губу, и кровь тонкой струйкой стекала по ней до тех пор, пока не свернулась. Один из воинов, обезумев от боли, пытался есть песок – набил рот, но проглотить не успел. Самого юного воина, которому на вид было лет пятнадцать, не больше, перед смертью вырвало, но, судя по тому, что лицо его исказилось так же, как и лица остальных, облегчения ему это не принесло.

Когда разные люди, делившие трапезу друг с другом, заболевают одновременно и болеют одинаково, то можно сразу же заподозрить, что причиной тому послужил какой-нибудь яд. Подозрения пали на

мучную похлебку, остатки которой сохранились в котле, но похлебка на вид и на запах (пробовать ее по понятным причинам никто не решился) была совершенно обычной. Неизвестно, кто первый высказался насчет того, что несчастных покарала египетские боги, но очень скоро об этом говорили по всему лагерю.

– Боги Египта разгневались и наслали на нас пожирателя душ Амми, чудовище с головой крокодила и телом льва! Гибель тех, кто шел первыми – это предупреждение всем нам. Если мы не вернемся в Египет, то Амми сожрет всех нас, а нет смерти ужасней, чем эта смерть!

Амми – чудовище, которое, по верованиям египтян, пожирает тех, кого на загробном суде признали грешниками.

Кому-то из прибежавших на крики умирающих приглянулся добротный пустой бурдюк, валявшийся под ногами, и он забрал его. Так бурдюк навсегда затерялся среди других точно таких же бурдюков с мехами. На счастье нового владельца, бурдюк был совершенно пуст, иначе бы, допив остатки, он бы умер точно так же, как умерли все двенадцать.

Уныние охватило народ. Можно было бы удивляться тому, что совсем недавно эти же люди кричали: «Ничего не грозит нам, пока нас ведет Моисей! Недалеко уже до Земли Обетованной!», но Моисей не стал удивляться, потому что уже успел понять, насколько переменчиво настроение толпы и что к унынию она склонна больше, чем к радости. «Рабство сделало их такими», – постоянно напоминал себе Моисей, подавляя раздражение, но раздражение время от времени все же прорывалось наружу. Когда Моисей в сопровождении Аарона, начальника колена Эфраимова, Элишамы, Осии, Элиуда, лекаря Нафана и еще нескольких человек шел к костру, возле которого все еще лежали умершие, ему то и дело хотелось остановиться и обратиться к стенающим и кричащим вслед про чудовище Амми и египетских богов. Хотелось напомнить им, что нет Бога, кроме Единого, что все египетские божества, начиная с солнцеликого обладателя семи душ Ра и заканчивая мерзким Анубисом, есть не что иное, как идола, выдуманные египтянами, что не мифического чудовища египтян надо бояться, а собственного неверия и слабости собственного духа, потому что от неверия и слабости духа и происходят все беды...

много чего хотелось сказать людям, но прежде надо было разобраться в случившемся. Или хотя бы постараться разобраться.

Лекарь Нафан склонился над каждым из двенадцати тел. Щупал рукой, принюхивался, двоих с помощью Осии перевернул на спины и долго всматривался в их лица при свете факела, а потом поднялся на ноги, отряхнул свои одежды и сказал Аарону, наблюдавшему за его действиями:

– Они чем-то отравились. Не иначе, как поели протухшего мяса или еще какой-то испортившейся пищи.

– Я знаю, что такое протухшее мясо, – ответил Аарон. – Если оно протухло сильно, то есть его невозможно, а если только начало портиться, то, поев его, не умирают. Заболит живот, будет расстройство, но никто еще, насколько мне известно, не умирал от несвежего мяса, да еще и столь быстро!

– Возможно, они съели какого-то пустынного зверя, мясо которого оказалось ядовитым, – Нафан пожал плечами, давая понять, что не может с точностью определить причину смерти двенадцати человек на основании данных, полученных при осмотре их тел.

– Думай, прежде чем говорить! – возмутился стоявший неподалеку Осия, услышав эти слова. – Может, хетты с моавитянами и едят все, что им под руку попадается, но наши воины едят только то, что дозволено к употреблению в пищу. К тому же каждый из умерших во время службы у фараона, будь он проклят, по нескольку раз ходил в походы и должен был понимать, как и чем питаются в пустыне!

– А наши проводники многократно сопровождали караваны, – добавил Аарон, – и тоже были опытными людьми.

– Я бы заподозрил другое... – Осия умолк ненадолго, словно собираясь с мыслями, а затем продолжил: – Довелось мне видеть однажды оборванца, который лежал у куста, на котором росли рааль-яар, ягоды, съев которые умираешь. Так вот поза его была точно такой же, как и у всех этих несчастных. Тебе известно о рааль-яар, достойный Нафан?

– Как мне может быть о них неизвестно?! – хмыкнул Нафан. – При помощи сока, выжатого из этих ягод, египтянки избавляются от старых ворчливых людей, потому что симптомы отравления рааль-яар сильно похожи на те, что возникают при внезапном разлитии желчи понутри. А еще мне известно, что ягоды эти безвредны для кошек,

которые могут лакомиться ими без каких-либо последствий. Но покажи мне куст, на котором бы росли эти ягоды? Рааль-яар любит воду и растет там, где ее много, а не в пустыне.

– Они не ели ягоды с куста! – сказал Аарон. – Их кто-то отравил! Угостил заранее приготовленными ягодами, а они их съели.

– Или напоил питьем, приготовленным из этих ягод, – уточнил Осия. – Рааль-яар приметная ягода, цвет у нее своеобразный, не красный и не желтый, а что-то среднее, но очень яркий. Бывалые люди могли узнать ее и отказаться есть... К тому же в котле я вижу остатки похлебки. Ее не успели доест, а ягоды, насколько я понимаю, не едят вместе с похлебкой. А вот промочить пересохшее горло во время еды хорошо. От этого любая еда кажется вкуснее...

Моисей слушал, что говорят его помощники, смотрел на умерших и думал о том, насколько коварен враг, о том, как точно наносит он свои удары, и о том, как много приносит вреда.

Убиты проводники. Без них тяжелее идти по пустыне. Идти нужно, и все будут идти дальше, но такие знающие люди были очень полезны.

Убиты воины. Настоящие, опытные, хорошо обученные воины. Их мало, и вот их стало еще на девять человек меньше. Кто-то бесчувственный мог бы сказать: «всего девять воинов, невелика потеря», но Моисей чувствовал свою ответственность за каждого человека из тех, что пошли за ним, и скорбел по каждому из двенадцати. Они умерли без какой-либо вины, умерли только для того, чтобы своей смертью внести страх в души остальных и вынудить их вернуться в Египет.

Убийца достиг желаемого – на обратном пути, когда Моисей со своими спутниками возвращался в свой шатер, чтобы держать совет, ему со всех сторон кричали обидное, а некоторые так и заявляли: «Веди нас обратно в Египет, пока чудовищный Амми не пожрал нас всех».

– Я поговорю с народом, – сказал Аарон, невольно убыстря шаг. – Поверь, мне удастся найти нужные слова, и те, кто сейчас хочет вернуться в Египет, передумают делать это. Они поймут, что поступили так сгоряча, успокоятся и устыдятся...

– До следующего удара нашего врага успокоятся они, – горько улыбнулся Моисей. – Я все понимаю, брат мой, и сам призываю к

терпению, но кто бы знал, насколько тонко подчас мое терпение и как близко ему до отчаяния.

– Что ты говоришь, брат мой? – Аарон на ходу всплеснул руками. – Если твое терпение иссякнет, то что же говорить о других? Ты тот, кого избрал Господь и с кем он говорил. Все остальные, и я в том числе, подражаем тебе, следуем твоему примеру, идем за тобой. Тебе ли терять терпение?

Они шли впереди всех и говорили негромко, поэтому их спутники не слышали разговора.

– Вот и я говорю себе те же самые слова, – ответил брату Моисей. – Но терпение мое, тем не менее, порой иссякает. Вот почему не кричат они: «Проклятый слуга фараона вредит нам! Поймаем его и убьем!» Чуть что, люди заговаривают о возвращении в рабство... Разве так можно? Как будто не они совсем недавно радовались тому, что фараон наконец-то отпустил нас и мы можем уйти? Какой Амми, пожиратель душ грешников? Какой Аннубис? Как можно в них верить? Сердце мое не на месте от всего происходящего... И люди волнуются, брат. Давай сделаем так – ты сначала поговори с народом, а потом мы соберемся на совет в моем шатре. Так будет лучше.

– Так будет лучше! – повторил Аарон.

Пока он говорил с народом, Моисей уединился в шатре с Элиудом.

– Сегодня вечером, сразу же, как мы остановились или вскоре после того, кто-то угостил погибших чем-то отравленным, – сказал Моисей. – Я склоняюсь к тому, чтобы принять мнение Осии, сына Нуна – скорее всего, это было питье. Поспрашивай тех, чьи костры были рядом...

Элиуд кивнул, давая понять, что он все понял и в подробных объяснениях не нуждается.

– А потом постарайся разузнать, где были все пятеро наших подозреваемых в это время, – дал следующее поручение Моисей. – Обрати особое внимание на Нафана. Он лекарь и должен уметь разбираться в ядах и противоядиях, но почему-то он, увидев тела, заговорил об испорченной пище и каких-то пустынных зверях, которых несчастные люди могли съесть, а про ядовитые ягоды сказал Осия. Кроме того, когда прибежали сказать мне о том, что случилось, я сразу же вышел из шатра и пошел туда...

– Я пошел следом, – снова кивнул Элиуд, – а по пути к нам присоединялись другие. Нафан же присоединился последним, когда мы прошли добрую половину пути. Лицо у него было покрасневшее, и дышал он прерывисто, потому что возвращался от пациента, увидел нас издали и долго бежал за нами...

Моисей нахмурился и склонил голову набок.

– Так он сказал мне, – поправился понятливый помощник. – Но это нетрудно будет проверить, потому что Нафан назвал имя пациента. Это Иссахар, сын Эфраима из колена Рувимова. Я проверю. А если...

– Если что? – спросил Моисей, видя, что Элиуд хочет то-то сказать, но не решается.

– Если бы я знал, в какое время Нафан точно будет отсутствовать в своем шатре, то я бы проник туда и поискал. Осторожно, чтобы Нафан ничего не заметил. У него всего один помощник, но он стар и глух, пока не закричать ему в ухо, он ничего не услышит. Такой мне не помешает, я пройду у него за спиной незамеченным.

– Что ты надеешься найти? – спросил Моисей, выражая вопросом не только интерес, но и согласие.

– Что-нибудь интересное, – пожал широкими плечами Элиуд. – Запас ягод, например. Я так понимаю, что если хочешь отравить кого-то, используя рааль-яар, то надо иметь при себе ягоды, пусть даже подсушенные, чтобы лучше хранились, а не выжатый сок. Соки бродят, а от брожения могут утратиться свойства, да и вкус станет таким неприятным, что никто не сможет пить такое пойло. К тому же у Нафана могут оказаться письма...

– Я приглашу его на совет, – решил Моисей. – Советоваться мы будем долго, и этого времени тебе должно будет хватить. Только будь осторожен, превратись в тень. Больше всего я боюсь обидеть подозрениями невинного человека...

– Если Нафан вдруг застанет меня в своем шатре, то я скажу, что забрался к нему в поисках сушеных скорпионов, – сказал Элиуд, улыбаясь во весь рот. – Он поверит.

– Зачем тебе сушеные скорпионы? – удивился Моисей. – Какой в них прок?

– Порошок из сушеных скорпионов лечит мужскую слабость, – улыбка стала меньше, но глаза Элиуда смотрели так же весело. – Я

скажу, что мне было стыдно признаться в таком расстройстве, вот я и решил разжиться скорпионами тайком...

– Ты думаешь, что Нафан тебе поверит? – усомнился Моисей. – Какой-то надуманный повод. Лекарю можно рассказать о любой болезни. Лекари умеют хранить тайны и не рассказывают всем и каждому о болезнях своих пациентов.

– Два года назад один из старших писцов, ведавший арендаторами земель фараона, по имени Унсос, решил жениться на дочери главного судьи Мен-нефера. Брак уже почти сладился, была назначена дата пиршества, как вдруг лекарь, услугами которого пользовался Унсос, рассказал судье, что его будущий зять болен проказой. Он сказал, что болезнь еще не распространилась по телу Унсоса и у него было всего лишь небольшое пятнышко на бедре, которое ему удавалось скрывать под одеждой. Судья вознегодовал и не отдал свою дочь за Унсоса.

– Наверное, в этом случае лекарь поступил правильно, – рассудил Моисей. – Нельзя прокаженному жениться на здоровой девушке. Будет двое больных вместо одного.

– Так-то оно так, – согласился Элиуд, – только никто так и не узнал, болен ли Унсос на самом деле. Примерно через полгода после этого Унсоса уличили в том, что он брал с арендаторов мзду за снижение арендной платы и казнили по приказу фараона. Вполне возможно, что лекарь и соврал. Но для моей лжи история с Унсосом подходит превосходно. Если сослаться на него, то Нафан точно поверит мне... Но до этого не дойдет, потому что совет – дело долгое, а я буду действовать быстро.

– Смотри, – покачал головой Моисей. – Лекари возят с собой столько всяких снадобий, порошков и всякой всячины...

– Запасы Нафана меня не интересуют, – лицо Элиуда стало серьезным и даже строгим. – Я загляну только в тайники и буду интересоваться тем, что спрятано от посторонних глаз. В шатре и в повозках таких мест немного...

Нафан принял приглашение на совет как должное. Сидел на подушках, задрал подбородок кверху, спину держал прямой, а щеки, и без того толстые, раздувались от важности. Сам фараон во время торжественных приемов не выглядел столь величественно, как лекарь Нафан. Говорить он ничего не говорил, явно опасаясь сказать невпопад, только кивал степенно, когда все остальные выражали

одобрение. Нахшон, сын Аминадава, начальник колена Иегуды, и Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова, между которыми сидел Нафан, косились на него удивленно, не понимая, что ему тут делать.

Сидели тесно, потому что помимо Аарона, старейшин и нескольких военачальников, Моисей пригласил не только Нафана, но и остальных подозреваемых – военачальников Авенира и Савея, казначея Манассию и начальника над писцами Мардохея. Никакой определенной цели у него не было, просто захотелось понаблюдать за тем, как они будут вести себя, ведь один из них, скорее всего, был виновником сегодняшнего происшествия, а вину трудно скрыть, она нет-нет, но проступает через любую маску.

Однако неведомый враг умел превосходно владеть собой. Ни Нафан, ни Авенир, ни Савей, ни Мардохей, ни Манассия ничем себя не выдали. Нафан просидел все время с непроницаемо-важным видом, Авенир и Савей, как и положено начальникам над воинами, время от времени вставляли энергичные замечания насчет того, что надо решительно пресекать слухи и панические настроения. Лицо Манассии оставалось бесстрастным до тех пор, пока Ахир, сын Энана, начальник колена Иудина, не отпустил колкость в его адрес, заподозрив казначея в том, что тот спит с открытыми глазами. Манассия растянул в усмешке тонкие губы и ответил, что привык больше слушать, чем говорить, и снова застыл, словно изваяние. Мардохей реагировал на происходящее более живо – цокал языком, качал головой, хлопал себя ладонями по коленям и делал все это крайне естественно. Моисей поймал себя на мысли о том, что немного странно ведут себя всего два человека – Аарон, который еще не отошел от общения с народом, и Осия. Аарон говорил излишне горячо, словно выступал перед толпой, а не перед узким кругом сподвижников. Осия же подозрительно косился на всех, за исключением Моисея, Аарона и двух начальников колен – Нахшона и Элишамы. Моисей понимал, что подобная чрезмерная подозрительность вызвана молодостью Осии (молодость не признает других цветов, кроме черного и белого), но при иных обстоятельствах подобное поведение могло бы показаться подозрительным. Виновный в чем-то плохом нередко не просто таится, а старается переложить свою вину на других. Но кого угодно мог бы заподозрить Моисей, только не брата своего Аарона и не пылкого

преданного ему и своему народу Осию, чья пылкость, перебродив, должна была превратиться в стойкость, твердость характера. Эта твердость в сочетании с острым умом и умением увлечь людей и повести их за собой – задатки незаурядного, выдающегося человека. «Вот он – лучший из военачальников нашего времени», – думал Моисей, глядя на Осию, и обещал себе, что при первой же возможности предоставит тому возможность проявить себя.

Говорили о том, что надо быть бдительными, и обсудили меры, которые должны были способствовать усилению бдительности.

Говорили о том, что брожение умов и людскую неверность можно преодолеть только убеждением, а не силой. Любое приложение силы, любое противопоставление одной части народа другой его части приведет к расколу и различным междоусобицам. Может дойти и до открытой схватки между теми, кто верен, и теми, кто колеблется и думает о возвращении в Египет. Мнение Моисея по этому поводу полностью совпадало с мнением Аарона, который сказал:

– Мы ответственны за наш народ перед Господом нашим, а для тех, на кого свыше возложена ответственность, нет хуже греха, чем пренебрежение собственными обязанностями. Проще всего сказать: «кто не с нами – уходите», и тогда ряды наши начнут таять с каждым днем. Мы будем подобны пастуху, который не ищет заблудившихся овец и не поджидает отставших от стада, а все гонит и гонит стадо вперед. Много ли останется у него овец? Наверяд ли. С другой стороны, нам нельзя уподобляться свирепым псам, которые бегают вокруг стада, и рычанием своим пугают овец, заставляя их сбиваться в кучу. Каждый из нас, каждый из нашего народа должен входить в Землю Обетованную с радостью и должен идти туда с надеждой и верой. При помощи страха не привести людей к счастливой жизни. Мы должны убеждать, объяснять, должны находить такие слова и говорить их так веско, чтобы каждое из них доходило не только до ушей слушателей, но и до их сердец. Если хотя бы малая часть нашего народа, хотя бы один из нас по доброй воле вернется в рабство к фараону, то как нам тогда держать ответ перед Господом? Ряды наши должны множиться, а не убывать, и мы должны избавиться от сомнений, прежде чем достигнем Земли Обетованной. Если на это уйдут не месяцы, а годы, то так тому и быть!

«Сорок лет, – тихо шепнул кто-то на ухо Моисею. – Сорок лет пройдет, и войдут не все».

Моисей резко обернулся на шепот и встретился с удивленным взглядом Авидана, сын Гидеона, начальника колена Вениаминова, сидевшего по левую руку от него. Моисей решил, что ему послышалось. Какие сорок лет? Через сорок лет евреи уже освоятся в Земле Обетованной и сделают ее настоящим раем земным на зависть всем другим народам...

Элиуд скользнул в шатер еще до конца совета и тихо сел на ближайшую ко входу подушку. По взгляду его Моисей догадался, что он явился не с пустыми руками. Когда совет закончился и все разошлись, Элиуд выглянул за полог, закрывающий вход, желая убедиться, что возле шатра никто не подслушивает, а затем молча извлек из-за пазухи и протянул Моисею на раскрытой ладони овальную золотую пластину с выдавленным на ней изображением скарабея, жука, которого египтяне считали священным. Это же надо – поклоняться жуку, питающемуся навозом! На это способны только египтяне! Они даже выдумали себе особого божка с головой скарабея по имени Хепри.

– Это было спрятано в повозке Нафана, – сообщил Элиуд в ответ на вопрошающий взгляд Моисея. – В углу, в щели между досками. Если специально не искать, то никогда не найдешь.

Подобные пластины с изображением скарабея Моисею довелось видеть несколько раз. Назывались они «данукет», и их предъявитель пользовался правом беспрепятственного прохода к фараону в любое время – хоть днем, хоть ночью.

– Интересно, полагаются ли данукет придворным врачам фараона? – подумал вслух Моисей. – С одной стороны – это разумно, с другой – врач является к фараону не по своему желанию, а только когда его позовут...

– А тому, кого позвали, данукет не требуется, – поддакнул Элиуд, убирая свою находку обратно за пазуху. – К тому же эти штуки наперечет, ими не принято разбрасываться. Если покидаешь придворную службу, то данукет надо вернуть. Больше ничего интересного я не нашел, хоть и искал хорошо. Кстати, Иссахар действительно болен. У него лихорадка, он лежит, укрывшись десятью одеялами, и стучит зубами так, что слышно на пятьдесят шагов вокруг

его шатра. Нафан не солгал, он был у него сегодня. Но когда именно пришел и сколько времени провел там, мне не удалось узнать...

– Ты и так сделал много, Элиуд, – сказал Моисей. – Верни данукет туда, откуда взял, и пригляди за Нафаном. За другими четверья тоже продолжай приглядывать, потому что данукет – это еще не доказательство вины, но больше внимания удели Нафану. Мне кажется, что он того заслуживает...

Элиуд кивнул и вышел из шатра, оставив Моисея с его вечными спутницами – думами. Если половина ночи прошла в делах и заботах, то другая половина пройдет в думах. Когда же спать? Утром, пока еще прохладно, сидя на спине коня. Конь ступает плавно, мерно, и это убаюкивает. При небольшой сноровке можно немного подремать, и этого хватит.

«Дойду до Земли Обетованной и тогда уж выплюсь», – думал Моисей, ободряя себя.

Глава 13

Нафан, сын Потифара, лекарь

Отца звали египетским именем Потифар, что означало – посвященный богу Солнца Ра, но сына он назвал еврейским именем Нафан, а когда сыну исполнилось пятнадцать лет, сказал ему:

– Мой отец хотел, чтобы я стал египтянином, потому что доля египтян казалась ему лучше, чем доля евреев. Я верил отцу своему и старался следовать его заветам, но потом понял, что кошке невозможно стать уткой, так и еврею невозможно стать египтянином. Как ни старайся, какие усилия ни прилагай, все равно для египтян ты останешься чужаком.

Отец был лекарем, и вся египетская знать лечилась у него. Но вспоминали о нем только тогда, когда в нем возникала нужда. На пиры его египтяне не приглашали и равным себе не считали. Нафан понимал, почему так происходило, и удивлялся тому, что этого не понимает отец. Мало носить египетское имя, одеваться, как египтянин, вести себя, как египтянин... Надо еще и молиться египетским богам. Только так можно стать своим среди египтян, ведь их боги и все, что с ними связано, играют огромную роль в их жизни. Для каждой профессии есть свой бог, для каждого случая есть свой бог, для каждой потребности есть свой бог, у каждого города, у каждого места есть свой бог-покровитель. Отец притворялся египтянином, нет, не притворялся, а хотел стать египтянином, но не почитал их богов, а следовательно, не пользовался расположением многочисленных и весьма влиятельных жрецов. О, если бы жрецы благоволили отцу, то жизнь его могла бы сложиться иначе. Одного лекарского умения мало, пусть даже это умение и таково, что египтяне говорили: «Никто не может вернуть человека от Анубиса, кроме Потифара»

Отец умел лечить любую болезнь, будь то чахотка, лихорадка, короста, чесотка, оцепенение сердца, боль в животе, почечуй, проказа, водянка, расслабление членов, язвы или гноящиеся раны... Только безумие, проказа и слепота были неподвластны ему, но все знают, что эти болезни неизлечимы – они насылаются свыше за какие-то прегрешения, и ни один лекарь не в силах справиться с ними.

Умер отец рано, когда Нафану не исполнилось и двадцати лет. Побывал у очередного пациента, главного сборщика податей, только что вернувшегося из поездки в южные области, и заразился от него лихорадкой. Домой приехал еще в своем уме, но к полуночи впал в беспамятство, а к полудню умер. Примечательно, что главный сборщик податей быстро выздоровел. Нафан подозревал, что то была не простая лихорадка, а проклятье жгучей смерти, перешедшее с пациента на отца и с ним же похороненное.

Сам Нафан к тому времени уже был сведущ в лекарском искусстве (отец не любил, когда его дело называли ремеслом, ставя, таким образом, лекарей на одну ступень с гончарами и кожевниками). Он был сведущ настолько, что сумел не только удержать при себе большую часть отцовских пациентов, но и существенно приумножить их число.

Отец был умен, но не понимал многого из того, что бросалось в глаза. Или просто не хотел понимать? Подобно всем лекарям, время от времени он терпел неудачи, но опрометчиво считал их следствием каких-то собственных оплошностей. Нафан не совершал подобных ошибок. Если кто-то из его пациентов умирал (нечасто, но случалось такое), он разводил руками, вздыхал, выражая свою скорбь и говорил: «Увы, я бессилен против Анубиса. Если он забирает, я не могу не отдать». Родственники умершего вздыхали и начинали готовиться к прощанию с умершим. Никто не упрекал Нафана и не хулил его умения, потому что понимали – перед Анубисом бессильны все, даже фараон смертен, хотя принято считать обратное.

Правильное поведение вкупе с регулярными посещениями храмов Ра, Анубиса, Исида и Тота (не поклоняющийся богу мудрости никогда не станет мудрым в глазах египтян, ибо мудростью наделяет Тот и никто более) помогли Нафану возвыситься. Сам фараон Мернептах услышал о нем и сделал своим придворным врачом.

С Мернептахом вышло удачно. Став фараоном, он приказал отравить трех врачей, пользовавших его престарелого отца Рамсеса II, и жреца Изида, снабжавшего покойного фараона настоями, дарующими бодрость. Повеление было тайным, но, тем не менее, о нем знали все придворные и объясняли так: «Новый фараон (молодым шестидесятилетнего Мернептаха назвать было нельзя) затаил злобу на тех, кто слишком усердно продлевал срок правления его отца».

Мернептаха можно было понять – ждешь, ждешь, ждешь, а отец все никак не уступает тебе трон, и начинает казаться, что правление Рамсеса II поистине будет вечным. Жизненные соки наследника давно перебрадили, молодость с ее рвением осталась позади, да и зрелые годы уже близки к концу, скоро придет старость, а отец все сидит и сидит на своем троне. Как тут не иметь зла на тех, кто продлевает его жизнь?

Расправившись с лекарями, Мернептах оказался в затруднительном положении. Сразу после убийства высокопоставленного жреца он побоялся приближать к себе лекарей из числа жрецов, опасаясь, что они могут отомстить ему за смерть своего собрата. Среди лекарей, не входивших в число жрецов, самым искусным был Нафан, так что выбор фараона пал на него закономерно.

Нафан быстро завоевал расположение фараона, настолько быстро, что тот не успел подобрать других придворных лекарей и Нафан остался единственным. О таком пациенте, как Мернептах, можно было только мечтать. Мнительность его была поистине огромна, и чуть ли не каждый день фараон выискивал у себя новые болезни. А если не придумывал ничего нового, то жаловался на боль в животе, что было неудивительно для такого обжоры, как он. Нафан внимательно выслушивал божественного пациента и уходил готовить лекарство. Придуманную болезнь можно было лечить чем угодно, с одним только условием – отвар или настой должен быть горьким на вкус, ведь в представлении египтян лекарство есть яд для болезни, а яд не может быть приятным на вкус (О, насколько они ошибаются, думая так, ведь существует множество безвкусных и несколько весьма приятных на вкус ядов, но о них известно лишь посвященным!) Дачу лекарства Нафан сопровождал утешительными речами, каковые для мнительного владыки были ценнее всего. Приняв лекарство и выслушав лекаря, уверявшего, что недомогание скоро пройдет, фараон засыпал и просыпался в хорошем самочувствии. Крепкий сон – превосходный целитель для всех, а для мнительных и беспокойных в особенности. В каждое приготовленное для фараона лекарство Нафан добавлял немного настоя из травы, навевающей сон.

Довольный фараон осыпал своего любимого лекаря дарами, высшие сановники Египта считали за честь лечиться у Нафана, его наперебой приглашали на пиры, перед ним заискивали, его

расположения искали. Некоторые обращались к нему не как к лекарю, а как к влиятельной особе, способной оказать содействие в том или ином деле. Нафан охотно оказывал подобные услуги, поскольку они хорошо вознаграждались, а ведь только глупец будет отказываться от того блага, которое само приходит к нему в руки. Тем более, что все сановники были рады услужить Нафану, поскольку через него узнавали они о том, в каком расположении духа находится фараон. Отец Мернептаха, Рамсес II, был прирожденным правителем, и те решения, которые он принимал, зависели не от его настроения, а от того, как выйдет больше пользы для Египта. Мернептах же вершил дела, не столько думая о пользе для себя и своей страны, сколько поддаваясь своему настроению. Пребывая в дурном расположении духа, он карал там, где надо было вознаграждать, и не соглашался ни с чем, сколько бы пользы оно ни приносило. Если же настроение фараона было хорошим, то он прощал любую вину, вплоть до измены, и на все просьбы отвечал согласием. Настроение фараона было переменчивым (недаром же он то соглашался отпустить евреев, то снова говорил Моисею «я передумал»), и только самые близкие к трону, в число которых входил и Нафан, могли ответить на вопрос о том, стоит ли сейчас представлять перед владыкой или лучше немного погодить.

Вот это содействие в делах, невинное и никому не приносящее вреда, и стало причиной удаления Нафана от трона. Верховный жрец бога Ра Римос, главный казначей Варусах и советник Матту, одноглазый горбун с душой скорпиона и повадками змеи, убоялись того, что влияние Нафана превзойдет их влияние, и начали наговаривать на него фараону.

Враги были искушены в интригах и клевете. Они умело использовали против Нафана все обстоятельства, начиная с его еврейского происхождения и заканчивая тем, что у него нет жены. Нафан имел намерение жениться на египтянке из знатного семейства и давно мог сделать это, но все откладывал, говоря себе: «Пусть положение мое упрочится еще крепче, и тогда...» Потом он корил себя за такую оплошность, ведь влиятельная родня могла бы стать ему поддержкой и опорой. А если бы он взял в жены дочь главного казначея Варусаха (мог бы это сделать, если бы пожелал), то наиболее рьяный враг его стал бы его лучшим другом. Возможно, что Варусах

так сильно и взъярился из-за того, что ему не удалось сделать лекаря фараона (единственного лекаря фараона!) своим зятем. Но тогда Нафан в самых смелых заветных мечтах своих грезил о какой-нибудь из многочисленных дочерей фараона, и надо сказать, что дерзкие мысли его на этом не останавливались. Вполне могло сложиться так, что Мернептах полюбит своего зятя, умеющего готовить хорошие лекарства, больше, чем кого-то из сыновей своих, и назначит его наследником...

Мечты были такими дерзкими и такими приятными, что аж дух захватывало. «Умный достигает блага на деле, а глупец в мечтах», – говорят египтяне, и они тысячекратно правы. Вместо того чтобы мечтать о несбыточном, надо было обезопасить себя от наветов, а Нафан этого не сделал. Он считал свое положение возле фараона прочным и продолжал считать так даже тогда, когда Моисей начал досаждать фараону, требуя, чтобы тот отпустил евреев в пустыню для совершения молитв и принесения жертв. «Где Моисей и где я?» – думал Нафан. Он сторонился своих соотечественников, общался с египтянами, посещал храмы египетских богов и считал, что он больше египтянин, нежели еврей.

Но настал день, и Нафан услышал от фараона: «Поистине нет верных среди евреев, и не помнят они никакого добра». Это случилось после того, как сильный град уничтожил урожаи по всему Египту, а то немного, что осталось на полях, пожрала налетевшая саранча. Нафан пал ниц перед владыкой и стал уверять его в своей преданности ему лично и всему египетскому, но в ответ услышал язвительное: «Сбрил бы сначала бороду, а потом бы уже представлялся египтянином! Поди прочь с глаз моих!»

Если фараон гонит тебя прочь, то медлить нельзя, ибо медлительные в исполнении повелений владыки попадают в руки палача. И оставаться поблизости тоже нельзя, ведь сколько раз случалось так, что вздорный и переменчивый в решениях Мернептах сначала прогонял кого-то из приближенных, а потом посылал к нему воинов, чтобы те убили его. Вот и пришлось Нафану возвращаться к своему народу и менять покровительство фараона на покровительство Моисея («Ох, неравноценная это замена, – думал Нафан, сокрушаясь, – все равно, что сменять золотой слиток на кусок позеленевшей меди»). Хорошо еще, что бороду Нафан не сбрил, что

теперь можно было преподнести как выражение верности еврейскому народу и еврейским традициям.

На самом же деле Нафан носил бороду, хоть она и изрядно мешала ему во время жизни среди египтян, не по каким-то высшим соображениям, а по весьма простой причине. Дело в том, что подбородок Нафана был сильно скошен кзади, а скошенный подбородок есть не что иное, как признак недостатка ума и чрезмерного сластолюбия. К тому же лицо со скошенным подбородком (особенно если он сочетается с крупным, похожим на птичий клюв носом) смотрится смешно, как-то по-птичьи, легкомысленно смотрится, а лекарь не может позволить себе выглядеть подобным образом. Лекарь должен внушать почтение, иначе он ничего не сможет заработать и будет вынужден просить милостыню. Вот и носил Нафан бороду, и, как оказалось, носил не зря. Воистину неисповедима Высшая воля, и не дано человеку знать, в чем заключены его несчастья, а в чем – его благо.

Так или иначе, но Нафан был принят своим народом и занял положение, подобающее его знаниям и умениям. Увы, положение это не шло ни в какое сравнение с тем, что имел Нафан в Египте, но что толку жалеть об утраченном? Надо радоваться тому, что имеешь. В конце концов, он – Нафан, сын Потифара, один из лучших лекарей среди евреев. Да что там «один из лучших»! Самый лучший! Разве что сестру Моисея Мариам почитают больше, но она повитуха и сестра самого вождя. К тому же Мариам – повитуха, а не целительница, и если кому-то даст она мазь от ран или настойку для поддержания сил, так это ничего не значит. Все равно по серьезным поводам обращаются к нему, Нафану. По приходе в Землю Обетованную он сумеет обеспечить себе достойное положение и на сей раз будет начеку, чтобы никакие завистники не смогли бы причинить ему вреда.

Это в худшем случае, а в лучшем он сможет вернуться в Египет и снова занять место придворного лекаря фараона. Провидение ждалось над Нафаном, как над безвинно пострадавшим, и еще до начала Исхода послало ему шанс вернуть себе былое величие... Римос, верховный жрец бога Ра, один из троих главных недоброжелателей, накануне Исхода прислал письмо, в котором называл Нафана «возлюбленным братом» и «достоинейшим из слуг фараона». Никто не ожидал, что Мернептах все же отпустит евреев, но Римос предвидел

такой исход событий и постарался приобрести себе если не друга, то союзника среди евреев. С учетом того, сколько зла причинил Нафану Римос, говорить о дружбе между ними не следовало, но любые враги могут стать союзниками, если обстоятельства изменятся.

Иногда Нафан думал, что предвидение Римоса простиралось гораздо дальше. Римос мог намеренно способствовать удалению Нафана из дворца, зная, что вскоре фараон будет вынужден отпустить евреев, что евреи уйдут навсегда и что преследование их может быть затруднительно. Римос мог строить козни против Нафана не из-за нерасположения или зависти, а для того, чтобы Нафан смог бы вернуться к евреям и уйти с ними. Римос не интриговал, а дальновидно готовил себе союзника в еврейском стане и обеспечил ему необходимую репутацию. Жрецы искушены в интригах и обладают даром предвидения, а верховный жрец бога Ра по праву считается умнейшим среди них.

«Какая разница, чего именно добивался Римос, – говорил себе Нафан, когда от дум начинала болеть голова. – Суть в том, что я могу уйти, а могу вернуться, и в любом случае мне будет благо. Что же касается Римоса, то когда-нибудь придет время рассчитаться с ним за все...»

Но для того, чтобы рассчитаться с Римосом и остальными врагами, следовало вернуть себе былое положение при фараоне, а для этого многое предстояло сделать.

Иногда Нафану хотелось оставить все, как есть. Иногда ему хотелось повернуть все вспять. Но в любом случае фараон в его глазах был предпочтительнее Моисея хотя бы тем, что с фараоном можно было породниться, а с Моисеем нет, потому что у фараона много дочерей, а у Моисея нет ни одной.

Таково свойство мечтаний – они не оставляют человека даже тогда, когда для них не остается никаких оснований. Нафан был прогнан фараоном, Нафан ушел из Египта вместе со своими соотечественниками, но мысли о возможности стать сначала зятем, а затем преемником фараона не покидали его. Даже если бы Римос не прислал письмо, Нафан все равно бы продолжал мечтать об этом.

«Состояние можно утратить, – говорят египтяне, – а вот заблуждения никогда».

Римос требовал многого, но награда, обещанная им в случае успеха, стоила тех усилий, которые надо было приложить. С другой стороны, в случае неудачи Нафан не оставался ни с чем. Он сохранял свое положение среди евреев, и это положение позволяло ему жить, не бедствуя. Участь лекаря отличается в лучшую сторону от участи землепашца или воина. Не приходится чрезмерно трудиться, поливая землю не только водой, но и своим потом. Не приходится рисковать жизнью и ходить в походы. Главное – это уметь произвести впечатление и дать страждущему то, что он хочет. Одни хотят ласкового слова, другие – покоя и сладостей, третьи же – горьких снадобий, способных вывернуть наизнанку не только желудок, но и саму душу. Смысл лечения заключается в том, чтобы пациент был доволен лекарем, тогда число пациентов будет прибывать, а доходы умножатся. «Лечи, сын мой, не хворь, а ее обладателя», – наставлял отец. Нафан запомнил это наставление. С болезнью тоже надо считаться, потому что лихорадка лечится совсем не так, как вздутие живота, но в первую очередь хороший лекарь оценивает не то, с какой болезнью он имеет дело, а с каким пациентом. Взять, к примеру, Моисея и Аарона, этих двух неугомонных братьев, возмутителей спокойствия и проклятье еврейского народа. По Моисею сразу видно, что его надо лечить горькими снадобьями, чтобы помучился как следует. А Аарону будет достаточно покоя и чего-то приятного, вроде меда, смешанного с душистыми травами. Хотя, будь на то воля Нафана, он бы с превеликим удовольствием напоил обоих братьев настойкой листьев сичрона, чтобы они уснули и больше никогда не проснулись. Не нравится им, что евреи находятся в услужении у египтян и делают для них кирпичи? Так уж устроен мир – один служит другому, один делает кирпичи, другой строит из них дома, а третьи живут в этих домах и помыкают остальными. Разве в Земле Обетованной никому не придется пасти скот, делать кирпичи или рыть каналы? Или там эти работы станут выполнять рабы из числа хеттов или амалекитян? Пусть кто-то попробует сначала покорить этих амалекитян... Может, Моисей того хочет? Нет, Нафан был уверен, что Моисей не хочет ни с кем воевать. Он хочет стать царем евреев. Закономерное, в общем-то, желание для приемного сына дочери фараона. Впрочем, у Моисея была реальная возможность стать фараоном. Проявил бы себя с хорошей стороны, подольстился бы к

Рамсесу II и мог бы стать его наследником вместо Мернептаха. А мог бы и с Мернептахом, который приходится ему дядюшкой (подумать только!) поладить, вместо того чтобы убивать египтян и спасаться бегством. Поговаривают, что Моисею и во время его скитаний улыбнулась удача – какое-то время он был мужем дочери правителя страны Куш. Но Моисей и это счастье упустил между пальцев, подобно тому как упускают воду. Теперь вот решил утвердить свою власть над евреями! Должно быть, он уже понял, во что ввязался, но из-за непомерной гордыни своей не может отступить от намеченного. Нет худшей доли среди правителей, чем управлять евреями, народом, который вечно недоволен тем, что он имеет. Живя в Египте, евреи мечтают покинуть его, покинув же, мечтают вернуться. И так будет всегда. Они и в Земле Обетованной скажут Моисею: «В Египте мы жили лучше» или «В пустыне, когда мы шли сюда, мы испытывали меньше лишений». При всей своей кажущейся мудрости, которая есть не что иное, как ложная видимость, Моисей глуп и не отличает выгодного от невыгодного. Такие, как Моисей, всегда остаются ни с чем, а такие, как Нафан, всегда соблюдают свою выгоду. Почему? Потому что знают, как надо играть в игру под названием «жизнь», чтобы всегда выигрывать. Жизнь – сложная игра, это вам не сенет^[21], хотя и в сенете есть свои тонкости и свои уловки.

«Благословенна игра, играя в которую нельзя проиграть!» – думал Нафан, намеренно упуская из виду третий исход, при котором евреи могут узнать о его делах и поступить с ним соответственно. Нафан был трусливым от природы и потому нуждался в постоянном ободрении и постоянной поддержке. А кто мог сейчас ободрять и поддерживать его, как не он сам?

Глава 14

Отравленная стрела

Это было чудо, еще одно чудо – вспомнить про жену с сыновьями и тотчас же увидеть их подле себя.

– Как вам удалось не сбиться с пути в пустыне? – спрашивал Моисей у тестя. – И как вы вообще отважились на такое?

Это было рискованное предприятие – отправиться вчетвером в дальнюю дорогу. С двумя повозками, на которых уместилось самое ценное из имущества, и без охраны. А если бы кто-то из слуг фараона захотел бы причинить им зло? Нет же у мужчины места уязвимее, чем его семья. От одной только мысли о том, что с женой и сыновьями могла случиться беда, у Моисея замирало сердце и холодело внутри.

– Сбиться? – сдержанно удивлялся Иофор, оглаживая свою длинную белую бороду. – Как можно сбиться с пути, если днем вы поднимаете до неба клубы пыли, видные отовсюду, а ночью от многочисленных костров светлеет небо над вашим станом. Что же касается отваги, то отваги нам не занимать! Разве трое мужчин не смогут при необходимости защитить себя и одну женщину?

Разговор шел в шатре, с глазу на глаз, поэтому Моисей позволил себе улыбнуться. Трое мужчин? Лучше сказать – один почтенный старец, никогда в жизни, должно быть, не бравший в руки копья, и двое юнцов, отчаянных в своей отваге, но мало что умеющих.

– Мы положились на Того, на Кого только и следует полагаться, – улыбнулся в ответ Иофор, – и благополучно добрались к тебе. А копьё мне без надобности, потому что я могу так огреть своим посохом, что на ногах не устоишь!

Посох у тестя был внушительный – толстый, узловатый, стершийся внизу от долгого употребления, но все еще длинный. Посох странника, посох патриарха.

– А у Гирсама и Элезара есть увесистые дубинки, тугие луки и острые кинжалы, – продолжал тесть. – Мы добрались благополучно, и единственным, кто потревожил нас в пути, был обезумевший верблюд, не иначе как сбежавший из вашего стана. Истошно ревя, он промчался

между нашими повозками, перепугал наших ослов и едва не сбил меня с ног. Вот и все наши неприятности.

– Пусть больше их не будет совсем, – ответил Моисей традиционным пожеланием мадианитян, зная, что тестю будет приятно услышать это.

В шатер вошел Элиуд. Поклонился Иофору, несмотря на то, что уже приветствовал его, заодно поклонился и Моисею, хотя это не было принято, Моисей вообще не любил поклонов, напоминавших ему египетские порядки. У египтян поклоны были не данью вежливости или почтения, а целой наукой – в зависимости от положения твоего и того, кому ты кланяешься, поклоны разнились от едва заметного до простирания ниц и замирания в такой позе на двадцать ударов сердца. Даже фараону приходилось кланяться статуям и изображениям богов и один раз в год простираться ниц перед статуей Ра в храме, сооруженном, то есть – высеченном в скале^[22] в честь его отца, Рамсеса II.

И не вздумай кто поклониться несообразным поклоном – в лучшем случае прослывешь невежей, в худшем – лишишься головы. Случай с одним из чиновников, которому внезапно возникшая боль в спине помешала распростереться перед фараоном, стал легендой. Несчастный был казнен за непочтительность, потому что никакая боль, никакая болезнь не может служить оправданием тому, кто дерзает кланяться божественному владыке не так, как положено.

Моисей давно, еще в юности, понял, что слабость Египта заключена в тех условностях и надуманных правилах, которыми опутали себя египтяне. Правила бывают разумными и неразумными, нужными и ненужными. Если правило не облегчает жизнь, а усложняет ее, то какой в нем прок?

– Люди собрались и ждут, – сказал Элиуд.

За время, прошедшее с начала выхода из Египта, случилось много разного, как великого, так и малого, но тоже важного для тех, кого это касается. У людей появились претензии друг к другу (как же без этого?). Кто-то успел умереть в пути, и наследники не могли полюбовно поделить имущество, кто-то объявил чужого верблюда своим, кто-то успел не только заключить брачный уговор, но и расторгнуть его, что привело к спорам... «Где нет людей – там царит покой», – гласит египетская поговорка. Евреи же говорят: «для спора

нужны двое». У людей скопились дела, требующие постороннего вмешательства. Раньше их разбирали судьи и чиновники фараона, теперь же Моисей решил выделять для этого время на длительных стоянках. Сегодня он собрался вершить суд в первый раз.

– Можно мне посмотреть, как ты будешь судить? – спросил Иофор.

– Конечно! – ответил Моисей и добавил: – Возможно, мне понадобится совет.

– Что может понимать в делах евреев мадианитянин? – скромно сказал Иофор. – Это всего лишь любопытство. В моем возрасте есть много преимуществ, но и недостатки имеются. Чем старше я становлюсь, тем меньше развлечений мне доступно...

Для удобства и для того, чтобы подчеркнуть величие творящего суд, стараниями Элиуда был устроен высокий помост из дерева. На помосте стояло сиденье с подлокотниками, похожее на трон фараона, но меньше размерами и ничем не украшенное. В этом не было ни намека, ни глумления. Дело в том, что трон фараонов с прямой спинкой и удобными подлокотниками как нельзя лучше подходит для долгого сидения на нем. Некоторые торжественные церемонии во дворце фараона начинаются на рассвете и заканчиваются уже при свете звезд, и почти все это время фараону приходится сидеть на своем троне с золотыми регалиями в виде посоха и бича в руках. Тут уж волей-неволей пожелаешь удобного сиденья.

Сиденье Моисея было попроще трона, но тоже удобным. Моисей сел в него и очень скоро забыл о том, на чем он сидит, а разве это не высшее проявление удобства, когда забываешь о том, чем пользуешься.

– Как ты станешь слушать людей? – спросил вчера вечером Аарон. – Первыми выслушаешь тех, у кого дело важнее, или же пусть они разобьются по коленам и предстанут перед тобой по старшинству колен?

– Пусть приходят и говорят, – немного поразмыслив, решил Моисей. – Кто пришел раньше, пусть говорит раньше. Незачем придумывать новые церемонии для простого дела, ведь мы же не египтяне.

Решение было опрометчивым, необдуманым. Моисей предполагал, что к нему придет десяток-другой человек, но люди пошли нескончаемым потоком и не было потоку конца. Уходил один –

на его место вставало трое и начинали отталкивать друг друга, а сзади напирали нетерпеливые. Вначале Моисей старался вникать в каждую подробность, затем, поняв, что не успеет рассудить всех, ожидающих его суда, старался ухватить лишь самую суть, чтобы оставаться в пределах справедливости, а под конец уже и суть схватывал не совсем ясно... Спасло его то, что люди приходили далеко не с самыми каверзными проблемами, большую часть которых можно было решить полюбовно.

– Его осел опрокинул мою повозку, и я не могу получить с него за ущерб...

– Он взял у меня один бат зерна и заплатил только половину...

– Он склонил к блуду мою сестру, а теперь не хочет взять ее в жены...

Самым несуразным было дело гончара из колена Рувимова и его покупателя из того же колена. Гончар вез с собой какое-то количество горшков и кувшинов, потихоньку распродал свой запас. Покупатель пришел к нему за кувшином, выбрал подходящий, но в момент передачи от гончара к покупателю кувшин упал на землю и разбился. Один передавал, другой принимал, по всему выходило, что вина здесь присутствует общая и гончар вправе рассчитывать не более чем на возмещение части стоимости кувшина. Кувшин стоил недорого, гораздо дороже обе стороны ценили свою обиду. Толстый краснолицый покупатель клялся всеми мыслимыми клятвами, что ничего не заплатит «этому потомку паршивого шакала», а худой, но весьма настырный и настроенный по-боевому гончар потрясал кулаками и призывал на голову своего противника такие страшные напасти, что слушать было не в состоянии.

– Возмести гончару стоимость глины, из которой сделан кувшин, а напрасный труд пусть будет его убытком, – сказал покупателю Моисей.

– Да подавится он моей платой, как привык давиться навозом – своей любимой едой! – воскликнул покупатель, гневно сверкая глазами.

– Да протухнет твое семя и иссякнет твой род! – возопил гончар. – Это ты питаешься навозом, сын собаки и гиены!

Моисей трижды звучно хлопнул в ладоши, призывая спорщиков умолкнуть, и сказал:

– Решение мое изменилось. Покупатель ничего не должен гончару, потому что оба они оскорбляют друг друга, но гончар еще и проклинает его. Обида покупателя больше, поэтому он не должен платить за глину.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся покупатель.

– Люди! Я разорен! – громче прежнего завопил гончар, дергая себя за бороду. – Где справедливость?!

Элиуд, наблюдавший за порядком, угадал настроение Моисея и при помощи тычков и пинков сопроводил настырного гончара восвояси.

Окончательно выбившись из сил, Моисей поднялся на ноги и громко объявил, что на сегодня он закончил. Солнце давно уже село, и повсюду горели костры и факелы, но Моисей, занятый делами, только сейчас заметил, что уже близится ночь.

Иофор все это время просидел на скамье рядом с помостом. Когда Моисей спустился вниз, тесть сочувственно посмотрел на него и сказал:

– Я мог бы дать тебе совет, который окажется полезен.

– Пойдем в шатер и поговорим там, – пригласил Моисей, зная по опыту, что совет Иофора выльется в обсуждение.

Иофор имел привычку советовать не прямо, потому что такой совет нередко мог показаться обидным, а начинать рассуждать издалека и постепенно подходить к сути, не столько советуя, сколько рассуждая.

От длительного сидения ноги Моисея затекли. Когда он откинул полог и вошел в шатер, то споткнулся на ровном месте и чуть было не упал, но не удивился этому, потому что появилась другая причина для удивления. Из глубины шатра раздался резкий звук, нечто среднее между щелчком и хлопком, и тут же слева от пошатнувшегося Моисея коротко дунуло ветерком.

Тело среагировало быстрее разума. Моисей прыгнул туда, откуда раздался звук, так как понял, что в него стреляли из лука. Он намеревался схватить стрелка и подмять его под себя, но вместо тела врага вытянутые вперед руки ухватили пустоту. Моисей упал на низенький столик, за которым имел обыкновение читать или писать, и перевернул его. Что-то тяжелое свалилось со столика на ковер.

– Господь милосердный! – воскликнул за спиной Иофор. – Что случилось?!

Моисей ничего не ответил, потому что не знал, что ответить. Он поднялся на ноги, взял то, что упало на ковер, и начал рассматривать при скудном свете лампы, которую оставлял в шатре для того, чтобы зажигать от нее другие, не утруждая себя всякий раз добыванием огня.

Снаружи слышались крики, но Моисей не обратил на них внимания.

Иофор подошел и тоже стал рассматривать находку, которая была похожа на игрушечный лук, укрепленный на тяжелой деревянной колоде. По центру колоды был выдолблен желоб, одним концом упиравшийся в середину лука, выемка на которой служила как бы его продолжением. На другом конце желоба было просверлено косое отверстие, в которое можно было просунуть мизинец.

– А это зачем? – Иофор наклонился и подобрал круглую деревянную палочку, от которой ко входу в шатер тянулась тонкая веревка. Он дернул за веревку но та не подалась. Тогда Иофор, не выпуская находки из рук, прошел к входу и склонился там, отвязывая веревку. Когда отвязал, подошел к Моисею и протянул ему палочку.

Моисей взял палочку и, подчиняясь внезапно пришедшему наитию, вставил ее сверху в отверстие на колоде. Палочка вошла до конца. Моисей пощупал веревку и почувствовал, что она скользит между пальцев. Хорошая, крепкая веревка, сплетенная из конского волоса. И длинная – шесть раз обернулась вокруг локтя...

После недолгого раздумья Моисей все понял. Он вставил палочку с другого, нижнего конца колоды, натянул тетиву, оказавшуюся очень тугой, и зацепил ее за выступающий конец палочки. Затем поставил стол примерно на то место, на котором тот стоял, установил на нем колоду так, чтобы лук был обращен ко входу, и пошел туда, отпуская на ходу веревку. У входа он протянул веревку между двумя шестами, поддерживающими шатер и ограничивающими вход. Протянул низко, на ладонь от земли, и закрепил свободный конец веревки, обвязав его вокруг шеста.

Крики снаружи перешли в громкое, неразборчивое обсуждение чего-то.

– Жреческая придумка, – сказал Иофор, тоже понявший назначение устройства. – Египтяне любят такие вещи.

Моисей выпрямился и, не выходя из шатра, наступил левой ногой на веревку. Привязанный конец остался на своем месте, а вот палочка выскользнула из отверстия, одновременно спустив тетиву. Раздался уже знакомый звук. Моисей оценил путь, по которому могла полететь стрела, если бы она была вложена в желоб. Выходило так, что она бы вонзилась в грудь человеку, входящему в шатер. Или же в лицо, если бы тот решил пригнуться, не откидывая полог до конца.

Мерзкая задумка. Мерзкое устройство. Моисею вдруг стало душно. Не страшно от того, что его собирались убить, а именно душно. Не хотелось находиться в шатре, где недавно побывал враг, и дышать тем воздухом, которым дышал он.

Откинув полог, Моисей вышел наружу и узнал о причине криков и последовавшего за ними громкого разговора. Оказалось, что одна из лошадей, привязанных неподалеку, была поражена упавшей с неба стрелой. Стрела падала на излете и не причинила лошади никакого вреда, всего лишь слегка оцарапала ей шею, так, что выступило несколько капель крови. Лошадь заржала, к ней подбежал хозяин – сотник Ур и из колена Эфраимова и начал ее успокаивать одновременно обсуждая с теми, кто был рядом, такое странное явление, как падение стрелы. Стрела пошла по рукам, люди с любопытством ее рассматривали и говорили о том, что она не может быть вражеской, потому что до края стана расстояние в несколько полетов стрелы. Скорее всего, ее кто-то неумный выпустил забавы ради или же кто-то примерялся к новому луку, а рука его вдруг сорвалась.

Сотник, весьма дороживший своей лошадью, сказал, что оставит стрелу у себя и попытается найти ее владельца, чтобы высказать ему все, что он о нем думает. Воины различают стрелы точно так же, как различают лица людей. У каждой стрелы свои особые признаки, потому что каждый человек на свой лад стругает дерево, на свой лад крепит наконечник и на свой лад привязывает оперение.

Лошадь успокоилась, постояла недолго и вдруг захрипела, упала, подергала ногами и сдохла. Сотник впал в крайнее расстройство и громко кричал, недоумевая, как такое вообще могло случиться, чтобы совершенно здоровая, правильно напоенная и правильно накормленная лошадь вдруг взяла и умерла. Кто-то из рассматривающих стрелу

обратил внимание на то, что ее наконечник был смазан черной смолой, и догадался, что это яд...

Известие о покушении на Моисея переполошило многих, но переполох этот был особого свойства. Люди ходили, не привлекая к себе внимания, и разговаривали шепотом, чтобы по лагерю снова не поползли зловещие слухи. Сотник Ур и так и не узнал, откуда взялась стрела, поразившая его четвероногого друга.

Жена и сыновья Моисея, узнав о случившемся, начали обнимать его и громко хвалить Господа, но Иофор строго цыкнул на них и увел в свой шатер, где они долго и тихо молились.

Устройство для стрельбы Аарон унес к себе, завернув в полотно. Сказал, что хочет поподробнее изучить его. Моисей не возражал, только напомнил брату об осторожности. Мало ли какой неприятный сюрприз могли приготовить коварные жрецы для того, кто решит проникнуть в их тайны.

– Как тебе повезло! – радовался Аарон. – Господь спас тебя, брат мой! Если бы ты не пошатнулся при входе, то лежал бы сейчас мертвым, и все бы говорили, что это рука Анубиса поразила тебя!

– Хотелось бы узнать, кому принадлежит эта стрела и что на ней за яд, – сказал Моисей.

– Кому принадлежит стрела, мы вряд ли узнаем, – вздохнул Аарон, мгновенно сменив радостное выражение лица на печальное. – Никто не возьмет для такого дела стрелу, которая поможет найти его. Что же касается яда, то яд этот довольно хорошо известен. Он готовится из высушенных в тени змеиных плевков, смешанных со смолой. Это очень дорогой яд, брат мой, и не каждому он по карману. Обычно им смазывают острия своих кинжалов наемные убийцы, чтобы поражать свою жертву наверняка, с одного удара. Они могут позволить себе это, потому что их черное ремесло хорошо оплачивается. Но я никогда не слышал о том, чтобы наемные убийцы пользовались какими-то хитроумными приспособлениями. Тут не обошлось без египетских жрецов...

– Ни одно дело в Египте не обходится без жрецов, – кивнул Моисей. – Интересно, что еще они приготовили для меня?

Спать Моисей решил у жены, в ее шатре. Он изначально и собирался спать там, решив, что теперь, когда он воссоединился с семьей, у него будет семейный шатер, место для отдыха и общения с

домочадцами, и будет шатер для приема посетителей и проведения советов. На самом же деле семейных шатров, в которых Моисею всегда были рады, получилось целых три – шатер жены, шатер тестя и шатер, в котором расположились сыновья.

– Я так рад вашему приезду, – сказал Моисей жене, когда они легли.

Моисей многое хотел еще сказать, но силы покинули его, и он заснул крепким сном. Ципора долго не спала – лежала рядом, смотрела на спящего мужа, ощущала тепло его тела и слушала его ровное дыхание. Она никак не могла свыкнуться с тем, что ее муж стал вождем еврейского народа. Ципора всегда знала, что Моисей человек незаурядный, обладающий множеством талантов и достоинств, но никогда не представляла его в столь великой роли.

Осия привел к шатру, где спал Моисей, четверых воинов. Расставил их вокруг шатра, а сам уселся у входа с обнаженным кинжалом в руках. Вскоре к нему присоединился Элиуд, сказавший, что не может и не хочет спать в эту ночь. Так до утра охраняли они своего вождя...

– Я так и не получил обещанного совета, – напомнил Моисей на следующее утро Иофору.

Они увиделись возле шатра Иофора. Моисей с женой и сыновьями пришел поприветствовать тестя и узнать, как ему спалось после вчерашних волнений. Иофор, услышав знакомые голоса, вышел им навстречу. Жена и сыновья скоро ушли, а Моисей задержался.

– Совета? – удивился тот, но сразу вспомнил. – Ах, да! Я думаю, что твое время слишком ценно для того, чтобы тратить его на решение незначительных споров. Твое предназначение быть посредником между народом и Богом, ты должен учить людей тому, как им следует жить и как поступать, а не решать судьбы разбитых кувшинов и сбежавших ослов. Да и невозможно в одиночку судить целый народ, это не дело, а мучение, как для тебя, так и для людей. Нужны помощники.

– Вообще-то раньше то, что не касалось судей фараона, решали начальники колен, – ответил Моисей. – Но я думал, что сейчас, во время похода, споров будет немного, и ошибся. Я часто ошибаюсь, если ты еще не успел заметить.

– Начальники колен тоже могут погрязнуть во всех этих дрязгах, – покачал головой Иофор. – Людей в каждом колене много, чем дальше они будут идти, тем большие тяготы перетерпят и больше будут страдать. А тяготы со страданиями ожесточают сердце и порождают раздоры. Разве не так?

– Так, – согласился Моисей и спросил: – Как же ты посоветуешь мне поступить?

– Выбери из народа достойных людей, таких, кто богобоязнен, правдив и неподкупен и поставь их начальниками над людьми. Самых достойных поставь начальствовать над тысячей человек, других над сотней, кого-то над полусотней, а кого-то над десятком. Пусть они постоянно будут с народом, это поможет им поддерживать порядок и справедливо разбирать тяжбы между людьми. То, с чем не справится начальник над десятью, решит начальник над полусотней. То, с чем не справится начальник над полусотней, решит начальник над сотней, а более сложные дела и споры решит начальник над тысячей. Самое же сложное достанется тебе, но его будет мало, и оно тебя не изнурит. Сделай так, и твое бремя станет легче, а в народе установится порядок. Начальникам над коленами поручи надзирать за тем, чтобы судьи в их коленах вершили дела справедливо и не обижали людей.

Разговор прервал Аарон, подошедший к Моисею в сопровождении Элиуда и двух молодых мужчин, похожих друг на друга, словно близнецы. Оба были высоки ростом, на полголовы выше не обделенного ростом Моисея, а шириной плеч едва ли не вдвое превосходили широкоплечего Элиуда. Бороды у молодых были короткими, но держались они степенно, как зрелые мужи. Из оружия при них были длинные копья с черными древками (Моисею не доводилось видеть такие) и длинные кинжалы.

– Это Амосия, сын Варака, и Иеффай, сын Охозии, – представил молодых Аарон. – Оба они из достойных семей колена Эфраимова и стоят дюжины воинов.

На похвалу молодцы никак не отреагировали. Поклонились Моисею и стали по бокам от него.

Моисей недоуменно посмотрел на Аарона.

– Амосия и Иеффай будут охранять тебя, – пояснил Аарон. – Когда один спит, другой будет бодрствовать. Кроме этого Осия

выделил два десятка воинов, которые станут посменно нести караул возле твоего коня или возле твоего шатра...

– Стоит ли так утруждать людей? – возразил Моисей. – Я уповаю на Господа...

– Все мы уповаем, – ответил Аарон, – но это не означает, что мы не должны ничего предпринимать для нашего блага. Господь вознаграждает деятельных и предусмотрительных, а ленивых и легкомысленных карает.

Аарон говорил не в обычной своей мягкой манере, а твердо и строго, давая понять, что возражений он не потерпит.

– Благодарю тебя за мудрый совет, Иофор, – поблагодарил Моисей, поняв, что отказаться от охраны не удастся, и в сопровождении двух молодцев направился туда, где были привязаны лошади.

Глава 15

Манассия, сын Элона, казначей

Моя жена варит такую гороховую похлебку, что язык от восхищения прилипает к нёбу, и умеет зажарить ягненка так, что мясо его тает во рту, но никто же не обязывает меня питаться только этими блюдами», – отвечал Манассия друзьям, упрекавшим его в чрезмерном сладострастии.

Друзья упрекали легко, без осуждения, с примесью зависти. Сами бы хотели стать завсегдатаями в храме Хатхор и вкусить в полной мере ласк искуснейших в любви жриц, но жадность мешала им. За свои ласки жрицы рогатой богини требуют столько золота или серебра, что свет в глазах меркнет, а на сердце ложится тяжесть. Одна ночь с жрицей Хатхор стоит в десять-двенадцать раз дороже ночи, проведенной с обычной блудницей, но что может дать мужчине обычная женщина, неискусная и неискушенная? Станцует возбуждающий похоть танец, тряся грудями и вращая животом, а потом ляжет и позволит делать с собой что угодно. Жрица богини любви не позволяет мужчине делать с собой что угодно, она сама делает с ним то, что угодно ей, и удовольствие от этого неимоверное, ни с чем не сравнимое. Это удовольствие невозможно передать словами, его нужно испытать. Тому, кто не испытал этого, не понять разницы между жрицей Хатхор и обычной женщиной...

Когда упрекали друзья, Манассия отшучивался. Когда упрекала жена, он отмалчивался, не желая обижать ее еще больше сравнениями. К жене он привык так, как привыкают к обжитому уютному жилищу, все недостатки и достоинства которого давно известны и у которого достоинств гораздо больше, чем недостатков. Черепахе нужен панцирь, а человеку нужен дом, а в доме должна быть женщина, которая хранит тепло очага и рождает детей. Без звонкого детского смеха дом не дом.

Жена Манассии попалась хорошая, из тех, кто поворчит немного, да успокоится, не тая в душе зла. Он по-своему любил ее, то есть – испытывал к ней приязнь и старался быть с ней добрым. Мужчины устроены так, что любят разнообразие, женщины же превыше всего

ценят постоянство. Бог так придумал или само собой сложилось – не столь уж и важно, важно то, что это так, этого не изменить, и с этим надо считаться. Можно прожить жизнь с одной женщиной, к которой ты привык, но невозможно всю жизнь делить ложе только с ней и ни с кем больше, потому что привычка убивает любовное наслаждение. Кроме того, жена Манассии была не из любвеобильных, пышущих страстью. Ласки ее были скромны и настолько однообразны, что наскучили Манассии еще в первый месяц совместной жизни. Манассии хотелось улетать в небо и падать с невероятной высоты, чтобы взлететь снова, хотелось переполняться наслаждением так, чтобы умирать и воскресать заново, ему хотелось любить самой полной мерой, на пределе своих возможностей, а вместо всего этого ему предлагалось податливое, но весьма скупое на ласки тело жены, и удовлетвориться этим он не мог и не хотел.

В храме Хатхор можно было выбирать любую из жриц, а еще для самых отличившихся перед богиней (то есть для завсегдатаев из числа приносивших храму большой доход) имелось нечто особое, стоившее очень дорого. Четверо жриц привязывали обнаженного мужчину за руки и ноги к ложу из эбенового дерева в помещении, не имеющем окон, затем гасили светильники, сбрасывали с себя одежды и начинали ублажать его вчетвером. Привязывание к ложу было чем-то вроде ритуального жертвоприношения богине Хатхор, и считалось, что это она вселяется в четверых жриц своих для того, чтобы заняться любовью со смертным, иначе говоря – принять жертву.

Не было ничего сладостней этого «жертвоприношения». Жаль только, что подобное удовольствие доставалось Манассии нечасто – два-три раза в год, потому что воплощение богини Хатхор в своих жриц могло иметь место только в редкие благоприятные дни, а желающих вкусить «божественных» ласк было много.

Покидая Египет, Манассия радовался и грустил одновременно. Радовался своему высокому положению (в Египте он был всего лишь писцом, ведущим учет кирпичам из глины и соломы, которые делали для фараона евреи) и грустил оттого, что больше никогда не переступит порога храма богини Хатхор и не вкусит ласк ее жриц.

Жена была рада этому, и глаза ее сверкали торжеством. Она надеялась, что теперь муж будет принадлежать ей и только ей одной. Глупая женщина, уповающая на то, на что уповать не стоит, ибо тот,

кто вкусил различных вкусных сладостей, будет до конца дней своих есть простой хлеб если не с отвращением, то без удовольствия. Любовь к наслаждениям – одно из основных свойств человеческих.

Казначей – беспокойная должность, и дел у Манассии было много. Дела отвлекали от дум, но еще во время подготовки к Исходу тоска по наслаждениям становилась такой острой, что превращалась в боль. Манассия готов был удовольствоваться ласками обычных, в меру искушенных женщин, но он понимал, что даже эта скромная радость может оказаться недоступной ему, потому что в пустыне вокруг него постоянно будут находиться люди. Люди будут ехать или идти рядом, люди будут приходить с делами и просьбами, люди будут разбивать шатры по соседству... Огромная толпа пойдет по пустыне, и он, Манассия, станет частью этой толпы.

При желании можно было бы ненадолго уединиться с кем-то из женщин, желавших добиться расположения казначея, в шатре или в повозке днем, но и это недолгое уединение постоянно бы нарушалось... А ночью женатому мужчине положено делить ложе с женой, и это правило Манассия всегда соблюдал неукоснительно. Хотя бы потому, что рядом с женой ему очень хорошо и покойно спалось. Есть женщины, рядом с которыми испытываешь прилив сил и возбуждение, и есть женщины, чье присутствие располагает к покою. Жена была из вторых.

Было и еще одно обстоятельство, вынуждавшее Манассию блюсти внешние приличия. Его высокое положение полностью зависело от расположения Моисея, а Моисей был из тех, кого принято называть праведниками. Вряд ли бы он доверил казну человеку с плохой репутацией. Какие-то слухи про Манассию, конечно же, ходили, но слухи распространяют про всех. Нет человека, про которого кто-то чего-то бы да не сказал. Но очень важно то, как ведет себя человек. Если он ведет себя достойно, соблюдая все положенные правила и приличия, то слухам много веры не будет – мало ли кто что выдумает. Если же поведение человека сообразно порочащим его слухам, если поведение подтверждает, а не опровергает их, то все скажут: «да, он таков, как про него говорят». Кузнецу или гончару можно жить, как угодно, в согласии со своей натурой, потому что людей интересуют, крепок ли выкованный кинжал и нет ли трещин в новом кувшине. Им нет никакого дела до того, с кем делит ложе кузнец и каким

наслаждениям предпочитает предаваться гончар. Но казначей должен всегда помнить о своем достоинстве. Любой сановник должен помнить о своем достоинстве. Даже фараон, который волен творить все, что ему вздумается, должен помнить о своем достоинстве и не должен выставлять напоказ то, что вызывает осуждение или порицание. Иначе скажут люди: «Наши беды (а бед всегда хватает) происходят от того, что нами правит несправедливый фараон» – и взбунтуются. Но фараону легко достигать желаемого. Он может сколько угодно пребывать в уединении, которое никто не осмелится нарушить по собственному почину. Много дней в году фараон не появляется на людях. Считается, что он молится богам о благоденствии и процветании Египта, но кто знает, чем он на самом деле занимается. Разве у фараона нет какой-нибудь постыдной тайной страсти? У любого человека есть такая страсть...

Из любого положения можно найти выход, если хорошенько подумать. В ночь выхода из Египта Манассия сказал жене, что сильно беспокоится о сохранности казны, которую денно и нощно охранял отряд воинов, но не хочет оскорблять охрану своим беспокойством, поэтому время от времени по ночам будет вынужден отлучаться для того, чтобы тайком проверить, все ли в порядке с казной.

– Это продлится недолго, – сказал он. – Как только я удостоверюсь, что воины несут охрану должным образом, так смогу спать спокойно.

Тайные проверки казны – хорошая придумка. Во-первых, объясняет, почему Манассия уходит из шатра, завернувшись в простую темно-серую накидку, незаметную в ночи и не привлекающую к себе внимания. Во-вторых, жена никому не расскажет о ночных отлучках мужа, поскольку понимает, что об этом нельзя рассказывать. В-третьих, отсутствовать можно подолгу, потому что никто не может сказать, сколько времени нужно человеку для того, чтобы убедиться в добросовестности охраняющих казну...

Женщин, подходящих для утех, Манассия присмотрел заранее, во время подготовки к Исходу. Выбирал он осмотрительно и вдумчиво. Выбирал только из вдов, чтобы не было проблем ни с отцами, ни с мужьями, выбирал таких, у кого в глазах сверкали плутовские искорки, то есть – охочих до наслаждений определенного рода. И каждую собирался навещать не более двух-трех раз, чтобы утехы не переросли

в привязанность. Думал, что соблюдать это условие будет легко, потому что ни одна из обычных женщин, будь она хоть блудницей из блудниц, не может сравниться с последней из жриц богини Хатхор... Что толку сравнивать? Это все равно, что сравнивать воду из зловонного источника с парным молоком. Но когда нет под рукой молока, будешь пить что угодно, даже воду, которая противно пузырится, горчит на вкус и отвратительно пахнет...

В первую ночевку Исхода Манассия возвращался в свой шатер по затихшему спящему стану, но вдруг услышал знакомый звук, от которого сердце сразу же затрепетало в груди, а по телу разлилась приятная истома. То было мягкое прищелкивание языком «тц-тц-тц», повторенное дважды. Так жрицы Хатхор дразнили мужчин, распаяя в них страсть – ускользали из объятий, отбегали и издавали эти звуки, в которых были заключены призыв и обещание блаженства. Жрицы были резвы и проворны, а тело смазывали маслом для того, чтобы ускользать без труда. Поймать жрицу и овладеть ею можно было только тогда, когда она сама этого хотела.

«Мне померещилось», – подумал Манассия, останавливаясь и напрягая слух.

– Тц-тц-тц, – раздалось совсем близко, за спиной, и чьи-то мягкие нежные руки закрыли глаза Манассии. – Богиня помнит о тебе, ведь ты один из самых рьяных ее почитателей...

Манассия узнал голос. Еще не веря своему счастью, он обернулся и увидел перед собой жрицу по имени Ифа, одну из самых любимых, страстную и неутомимую в любовных играх.

– Как ты здесь очутилась?! – удивленно воскликнул он.

– Меня послала богиня, – прошептала Ифа и прильнула к Манассии своим крепким, горячим телом. – Богиня помнит о тебе.

Одну руку она запустила Манассии в волосы, а другой погладила через одежды его напрягшийся уд. Совсем недавно Манассия был с женщиной, и вкус ее еще не успел улетучиться с его губ. Манассия излил семя трижды и ушел обессиленным и опустошенным от ласк, но сейчас он почувствовал в себе такой жар и такую похоть, словно не касался женщины целый год. Не отдавая себе отчета в том, что он делает, Манассия подхватил легкую, словно пушинка, женщину на руки и понес туда, где несколько поставленных рядом повозок образовывали что-то наподобие закутка.

– Пусти меня! – противилась Ифа, но сопротивление ее было притворным, таким, от которого пыл страсти разгорается еще сильнее. – О-о-о...

Манассия овладел ею по-звериному, жестоко и сильно. Ифа билась под ним подобно выброшенной на берег рыбе, стонала, всхлипывала и молила пощадить ее. Мольбы эти тоже были притворством, частью игры, приправой, придающей блюду изысканный вкус. Получив желаемое наслаждение, обессиленный Манассия продолжал сжимать Ифу в объятиях, боясь, что она внезапно исчезнет подобно тому, как исчезают все наваждения.

– Пусти, – прошептала Ифа, высвобождаясь. – Дай отдышаться, мучитель мой...

– Это ты моя мучительница, – ответил Манассия. – Почему ты не приходила раньше, пока я был в Египте, и зачем ты пришла сегодня?

Жрицы Хатхор ничего не делают без выгоды для себя. Если они дают наслаждение, то непременно потребуют чего-то взамен. Манассия был умным человеком и прекрасно понимал, что ради заработка Ифе незачем было отправляться к нему в пустыню. В храме Хатхор всегда достаточно жаждущих ласк жриц богини, а Ифа среди прочих жриц пользовалась особым спросом. Нет, ей нужно что-то другое...

– А почему ты не приходил, пока еще был в Египте? – Ифа капризно выпятила нижнюю губу и ткнула Манассию в грудь тонким пальчиком.

Тело у нее было восхитительное – тонкое, изящное, без единого изъяна. Манассии казалось, что тело Ифы в ночной темноте испускает слабое свечение. А может, и не казалось – у жриц Хатхор есть великое множество разных уловок, предназначенных для обольщения и разжигания страсти.

– Я был очень занят, – коротко ответил Манассия. О том, что став казначеем при Моисее, он остерегался посещать храм Хатхор, потому что боялся за свою жизнь, Манассия предпочел умолчать. Основания для подобных опасений имелись – египетские жрецы, вне зависимости от того, кому они служат, представляют собой крепко спаянную касту, а еще они не останавливаются ни перед чем, когда речь идет о защите их интересов, их власти. Моисей, говоря о едином Боге, покушался на эту власть, выступал против жрецов. Ни ему, ни его сподвижникам не

стоило появляться в египетских храмах. Манассия опасался, что его могут принести в жертву Хатхор на самом деле. Говорили, что это происходит так – жрица отдается мужчине, а когда тот достигает вершины своего наслаждения, душит его удавкой, сплетенной из воловьих жил. Говорили также, что удушение в момент излития семени многократно, невероятно увеличивает наслаждение, только непонятно откуда стало известно об этом, потому что мертвые не рассказывают о своих впечатлениях.

Иногда, в последние дни перед Исходом, Манассию так сильно тянуло в храм Хатхор, что он даже готов был рискнуть жизнью, но благоразумие, в конце концов, одерживало верх над искушением.

– Может, ты и сейчас шел куда-то по делу, а я отвлекла тебя? – улыбнулась Ифа. – Прости, если помешала...

– Разве ты можешь помешать?! – воскликнул Манассия и тут же осекся, потому что когда прячешься ночью за повозками, лучше не привлекать к себе внимания, особенно если одежды твои в беспорядке и рядом с тобой полуобнаженная женщина.

Ифа пришла в накидке, под которой ничего не было, и сейчас не спешила запахнуть ее, давая Манассии возможность наслаждаться созерцанием ее совершенного тела при свете луны.

– Ты хочешь, чтобы я пришла еще? – спросила Ифа. – И хочешь ли ты, чтобы я пришла не одна?

Что она подразумевает, говоря «не одна», уточнять не было смысла. И так ясно, что речь идет о других жрицах Хатхор. При мысли об удовольствии, которое ему доведется испытать, во рту у Манассии пересохло и язык его прилип к небу. А может, то было следствие испуга, потому что Манассия был человеком умным. Он понимал, что никто не станет ублажать его бескорыстно. Он помнил, сколько стоили услуги жриц Хатхор в храме, и прекрасно представлял, что здесь, в пустыне, цена вырастет неимоверно. «Уж не думают ли они, что я стану расплачиваться с ними из казны, которую мне доверили?», – испугался он.

Особой честностью Манассия не отличался, он всего лишь умел создать о себе впечатление. Но только глупец мог надеяться на то, что траты из скудной еврейской казны не будут замечены очень скоро. И только глупец мог бы, допустив подобное, рассчитывать на снисхождение. Хотя, если явятся три или четыре жрицы Хатхор, если

сбросят они свои одежды, протянут руки и скажут: «отдай нам все, что только можешь отдать за нашу любовь», то устоять будет невозможно...

– Мне не нужна твоя казна, – сказала Ифа. – И богине она тоже не нужна, у нее достаточно драгоценных подношений...

Или она умела читать мысли, или Манассия подумал вслух и не заметил этого.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, – продолжала Ифа. – Ты же не откажешься выполнить мою маленькую просьбу?

– Не откажусь, ведь я – твой раб, – прошептал Манассия, потому что слова эти были не из тех, которые говорят громко.

– Ты – мой любимый, услада моего тела и радость души моей, – проворковала Ифа. – Нет никого, кто бы был так мне дорог, как ты! День разлуки с тобой кажется мне годом!

Манассия знал, что она лжет, но все равно ему было приятно слышать такое. Сила чар жриц Хатхор в том, что к каждому мужчине они относятся как к самому любимому, самому желанному, самому красивому, пусть даже он будет плешив, горбат, тучен и осыпан отвратительными бородавками.

Просьба оказалась совсем не «маленькой», и Манассия прекрасно понимал, что одной подобной просьбой дело не закончится, но, тем не менее, он пообещал исполнить все в точности.

– Приходи скорее, – попросил он на прощанье. – Я буду очень ждать.

– Я приду сразу же после того, как дело будет сделано, – пообещала Ифис, растворяясь в ночи.

Глава 16

Нашествие змей

Если между людьми и кошками заложена приязнь (людям хочется гладить кошек, а кошкам хочется тереться о ноги людей), то между людьми и змеями бытует взаимная нелюбовь. Увидев змею, люди стараются обойти ее стороной, а змеи быстро уползают от людей. Если же разойтись не удастся, то люди пытаются убить змею камнем, палкой, копьем или чем-то еще, а змея старается ужалить.

Стан начинал просыпаться незадолго до рассвета. Проснувшиеся первыми будили остальных, приговаривая:

– Вставайте, вставайте, пора.

Когда же, приветствуя восход солнца и возвещая начало нового дня, трубили серебряные трубы, просыпались все.

Молились, наскоро завтракали и быстро поднимались в дорогу, если предстояло идти, или же принимались за дела, если стояли на месте. Кочевая жизнь приучает дорожить временем, а еще она приучает к предусмотрительности. Если есть свободный час, то используй его с пользой – осмотри повозку, проверь ось, на которую насажены колеса, почини сандалии, которые от долгого хождения по песку или камням то и дело требуют починки, осмотри копыта верблюдов, лошадей и ослов, проверь, не порвались ли вьюки... Тот, кто хорошо подготовится в дорогу, избавляет себя от непредвиденных остановок в пути.

Сегодня, в день стоянки, стан был разбужен громкими криками, донесшимися с южного края, оттуда, где расположились люди из колена Вениаминова.

– Змеи!

– Сколько же змей!

– Змеи пожрут нас!

– Помогите!

Кричали долго. Иногда эти крики разрывали пронзительные вопли ужаленных.

На южный край лагеря ночью напоззли змеи. Много змей, очень много змей, причем ядовитых змей – кобр и гадюк. Змеи были

повсюду – в шатрах, в повозках, в проходах. Пока люди спали, змеи вели себя смиренно, тем более что по ночам они вообще смиренны настолько, что их можно даже назвать миролюбивыми, но вот кто-то спросонок наступил на змею и вскрикнул, и это совпало по времени с восходом солнца... Люди переполошились, змеи переполошились, и длился этот переполох долго. В конце концов люди победили змей, и те из них, кто выжил, вернулись в пустыню, но за победу над змеями пришлось заплатить сотней человеческих жизней. Точнее – ста четырьмя жизнями, именно столько умерло от укусов.

Сразу же по всему лагерю заговорили о том, что змей наслали египетские боги и что это было всего лишь предупреждение, а кара будет гораздо страшнее – змеи наползут и с юга, и с севера, и с запада, и с востока, и будет их в тысячу раз больше.

– Я уверен, что змеи наползли не случайно! – сказал Моисей Аарону, вернувшись из южной части стана. – Их подманили намеренно. Не знаю как, но подманили! Может, разожгли один за другим костры, может, раскидали перед лагерем дохлых мышей или ящериц, может еще как-то привлекли... И сделано это было тихо и с осторожностью, так, что воины, охранявшие запасы, ничего не заметили.

– Трудно заметить змею ночью, – сказал Аарон. – Но ты прав, брат мой, это нашествие змей случилось неспроста.

Они стояли на возвышении, неподалеку от того места, где находился шатер Моисея. Здесь ощущался ветерок, который еще хранил остатки утренней прохлады. Амосия, сын Варака, и Иеффай, сын Охозии, телохранители, к постоянному присутствию которых подле себя Моисей уже успел привыкнуть, стояли чуть поодаль, в трех шагах, и непрестанно озирались по сторонам. В правых руках у них были копья, с которыми они никогда не расставались. Когда Моисей высказал удивление по поводу постоянного ношения копий, молодцы переглянулись и устроили для него небольшое представление – бой на копьях. Оказалось, что они не только разят копьями, но и умеют драться ими, как палками, и делают это весьма успешно.

– Топор или длинный кинжал не так удобны для защиты, – пояснил по окончании шуточного поединка Амосия. – Копье длинное, им удобнее. Древки наших копий сделаны из черного дерева, что

привозят из страны Куш. Оно тяжеловато, но прочностью не уступает железу.

«Тяжеловато» было сказано из скромности. Моисей, крепкий мужчина в расцвете жизненных сил, взял копье Амосии в руку и понял, что не смог бы долго махать таким тяжеленным копьем.

– Египтяне верят в то, что солнцеликий бог Ра каждую ночь сражается с гигантским змеем Апопом, олицетворением зла, и побеждает его, – продолжал Аарон. – Потому жрецы Ра весьма сведущи в обращении со змеями различных пород. Сведущи настолько, что умеют подчинять этих тварей своей воле. Я сам был свидетелем того, как на храмовом празднестве сотня, если не больше, черных гадюк извивалась вокруг жреца Ра в такт движениям его руки. Это было самое ужасное и самое отвратительное зрелище из тех, что мне довелось видеть!

– И обрати внимание на то, как скоро начали распространяться слухи! – Моисей многозначительно покачал головой. – Наш стан огромен, но уже повсюду говорят о том, что змей наслали египетские боги!

Это действительно было так – начальники всех колен прислали гонцов с одним и тем же сообщением: «Люди взволнованы, говорят, что змей наслали боги египтян и что это только начало, дальше будет хуже».

– Несколько человек одновременно начали распространять один слух, – понимающе кивнул Аарон и помечтал: – Эх, если бы удалось схватить хотя бы одного из них! Мы наблюдаем, брат мой, у нас есть те, кого можно заподозрить, но что толку от наших наблюдений, если враг действует без помех? Элиуду удалось узнать что-то полезное?

– Кроме той находки в повозке Нафана – больше ничего полезного он не узнал и не нашел, – ответил Моисей. – Он в последние дни больше думает о моей безопасности, чем о поимке врага. Бедный Элиуд, если он не сидит у моего шатра, то ходит по стану, собирая свежие сведения о наших подозреваемых. Он осунулся, и лицо у него потемнело от усталости...

– Все мы немного осунулись в пути, и у всех нас лица загорели сильнее прежнего, – улыбнулся Аарон. – Элиуд молод, а молодости свойственно быстро восстанавливать силы. Думай лучше не о нем, Моисей, а о себе.

– Я думаю обо всех, кто идет с нами, иначе я не могу, – просто, без какой либо рисовки ответил Моисей.

Обернувшись на топот копыт, Моисей с Аароном увидели скачущего к ним Осию и по выражению его лица, а также по тому, как быстро он мчался, поняли, что сейчас услышат еще одну плохую новость. Осадив коня шагах в десяти от холмика, Осия спешился и подбежал к Моисею и Аарону.

– Сто пятьдесят семей из колена Вениаминова сговорившись, снялись и ушли в Египет, – тихо, так, чтобы не было слышно кругом, сказал он. – Другие стыдили их, но они все равно ушли. Идут медленно, догнать их не составит труда.

– Ты говоришь, что их пытались остановить? – переспросил Моисей.

– Да, – кивнул Осия, сердито играя желваками. – Сам Авидан просил их одуматься и бросил у них на пути свой посох, но это не помогло. Они плевались в ответ и все же ушли.

– Тогда незачем догонять их! – решил Моисей, переглянувшись с Аароном. – Пусть идут. Еврейский народ – свободный народ, тем, кто добровольно возвращается в рабство, с нами не по пути!

– Некоторые кричали им вслед: «Встретимся в Египте» – еще тише, почти шепотом, сказал Осия.

– Мы никого не удерживаем насильно! – твердо сказал Моисей. – Еще не хватало, чтобы люди говорили: «Раньше нас не отпускал фараон, а теперь нас не отпускает Моисей». Предупреди немедля всех начальников колен и всех начальников над воинами, что тем, кто желает уйти, не следует чинить препятствий! Пусть уходят!

– Исполню! – кивнул Осия и побежал к своему коню.

– Господи! – взмолился Моисей, глядя на синее безоблачное небо. – Пошли мне мудрости, достаточной для скорейшего разоблачения нашего врага! Раз уже находятся среди нас такие, кто решает вернуться и уходит, то медлить нельзя! Еще одна или две неприятности, и дух народа будет сломлен!

– Народ, дух которого так легко сломить, не заслуживает другой доли, кроме рабской, – сказал Аарон. – И лучше вспоминать не змей, которые напоззли к нам сегодня, а вспоминать море, поглотившее войско фараона. Разве после этого можно пасть духом?

– Но падают же, – Моисей вздохнул, вложив в этот вздох все свое сочувствие заблудшим и свою скорбь по ним. – Но возвращаются же некоторые в Египет...

– Несколько паршивых овец найдется в любом стаде! – ответил Аарон. – Будь они прокляты за свое отступничество, другого я им не скажу! Ты знаешь, брат, что я человек мирный и кровожадность с жестокостью мне чужды, но сейчас я скажу так – пусть удел вернувшихся станет таким тяжелым, чтобы они по десять раз на дню проклинали свое отступничество! Пусть все змеи пустыни выползут им навстречу и жалят без конца, потому что они предали не только свой народ, но и Господа нашего! Они – как гной, который должен вытечь, чтобы рана затянулась!

Тут Моисея неожиданно посетила мысль, показавшаяся ему весьма дельной...

Поздно вечером, когда весь стан уже спал, Моисей беседовал с Элиудом. Амосия спал, а Иеффай, чей черед был дежурить, ходил вокруг шатра и смотрел не только за тем, чтобы никто не вошел внутрь, но и за тем, чтобы никто не вздумал подслушивать.

– В мою голову пришла хорошая мысль, – начал Моисей. – Кажется, я придумал, как нам разоблачить нашего врага.

– Как? – загорелся Элиуд, от возбуждения вскакивая на ноги.

Моисей жестом попросил его сесть на ковер и продолжил:

– Завтра выбери подходящее время для того, чтобы встретиться с Нафаном, Авениром, Савеем, Манассией и Мардохеем. Поговори с каждым наедине. Скажи, что ты недоволен мною, ругай меня самыми последними словами, называй лгуном, негодяем...

– Я не смогу! – воскликнул Элиуд, отшатываясь и меняясь в лице. – Язык мой не повернется сказать такое! Не повернется!

– Должен повернуться! – ответил Моисей, смягчая твердость своих слов взглядом – он понимал, как чувствует себя сейчас его молодой помощник. – Ты сможешь, Элиуд, я верю. Сначала поругай меня в уме, потом сделай это вслух, когда тебя никто не будет слышать, так и привыкнешь. Старайся как следует, потому что ты должен быть убедительным, чтобы тебе поверили, но и не переусердствуй... Не смотри на меня так, Элиуд! Мне некому поручить это, кроме тебя, так что придется тебе выполнить мое

поручение. Отругай меня как следует и скажи, что хочешь убить меня...

– Убить! – ахнул Элиуд.

– Да – убить, – повторил Моисей. – Ты хочешь убить меня, потому что уверен, что я обманщик, ведущий народ на гибель. И для этого дела тебе нужен надежный помощник, который...

– Но ведь каждый спросит: «А почему ты пришел ко мне с таким делом?» – забывшись, перебил Моисея Элиуд. – Что я смогу ответить?!

– Ты ответишь следующее: «Ты знаешь, почему я пришел именно к тебе, и я это знаю, так что обойдемся без объяснений». В подробности не вдавайся. Говорить будешь веско, так, чтобы было ясно, что тебе известно многое из того, чего не знают другие. Невинный сочтет, что ты хочешь принудить его к помощи обманом, а предатель непременно захочет выпросить у тебя все, но отложит это на будущее. В первую очередь ему надо будет все хорошенько обдумать. Возможно, что он захочет испытать тебя.

– Как?

– Этого я предугадать не могу. Может, начнет выпрашивать какие-то сведения или же попросит украсть золото из казны... Соглашайся сделать все, что бы он ни попросил, только скажи, что тебе понадобится немного времени – один или два дня для того, чтобы дождаться подходящего момента.

– А если спросят: «Какая помощь нужна тебе, если ты находишься рядом с Моисеем?», что тогда мне отвечать?

Моисей подумал и об этом.

– Отвечай: «Моисей хитер и осторожен, его охраняют два дюжих молодца, которые неотлучно пребывают рядом. Я же должен действовать наверняка, потому что второй попытки у меня не будет. Помощник мне нужен для того, чтобы завершить начатое мною, если вдруг я не смогу довести задуманное до конца».

Недоуменно-растерянное выражение лица помощника сменилось задумчивым. «Элиуд справится, – подумал Моисей. – Предатель должен поверить ему. Многие считают меня обманщиком, и почему бы пылкому Элиуду не поверить в это? Он молод, храбр, нетерпелив, придерживается справедливости, так почему бы ему не захотеть покарать обманщика собственноручно?»

– Никто из пятерых не поверит мне, – сказал Элиуд с горечью и сожалением. – И в первую очередь не поверит Нафан...

– С Нафаном еще не все ясно, – заметил Моисей. – То, что ты нашел у него, еще не подтверждает, что он предатель. Скажу больше – может статься и так, что никто из пятерых не окажется предателем, потому что мы заподозрили тех, кого легче всего было заподозрить, но это еще не означает, что мы не можем ошибаться...

– Предателем может быть только тот, кто таит в душе недоброе или имеет какую-то вескую причину для предательства, – сказал Элиуд. – Ошибиться может любой, но мне сдается, что подозревать Нафана или Савея куда правильнее, чем подозревать кого-то из начальников колен или же Осию, сына Нуна.

– Я думаю так же. Но вернемся к моей задумке. Предатель не сможет отказаться от такой удачи. Он уже пытался убить меня, но неудачно, а тут приходит мой помощник и просит помочь ему расправиться со мной. Но и так вот сразу он навряд ли согласится иметь с тобой дело. Скорее всего, он изобразит негодование и прогонит тебя, но сделает это только для того, чтобы выиграть время, присмотреться к тебе и составить свой план. Предатель не придет ко мне и не выдаст тебя, а честный человек, верный своему народу – придет. В этом-то и скрыта вся суть затеи – кто не донесет на тебя, тот и есть предатель.

– Понятно, – кивнул Элиуд. – Предатель не выдаст меня, а все остальные выдадут. Как все просто и как умно! Только мудрый Моисей мог придумать такое!

– Ничего мудрого в этом нет, – нахмурился Моисей, не любивший лести и славословий, даже если они исходили от чистого сердца. – Просто удачная мысль вовремя пришла в голову. Был бы я по-настоящему мудрым, так давно бы уже понял, кто именно нам вредит.

– Те, кто придет донести на меня, сильно удивятся, увидев, что я не наказан и остаюсь на своем месте, – продолжил рассуждать Элиуд после кратковременного молчания. – Пойдут слухи, которые непременно дойдут до предателя и насторожат его...

– Я подумал и об этом, – улыбнулся Моисей, которому понравилось такое вдумчивое отношение Элиуда. – Каждого, кто придет ко мне, чтобы донести на тебя, я поблагодарю и попрошу хранить молчание. Я скажу, что предпочитаю знать, от кого исходит

опасность, нежели теряться в догадках, поэтому пока что оставлю тебя в покое и стану наблюдать за тобой.

– Да, это правильно, – одобрил Элиуд, он имел право одобрять или возражать, потому что сейчас они с Моисеем разговаривали на равных. – Заодно можно узнать, есть ли у меня сообщники!

– Вот именно! Долго выжидать не придется – день, самое большее два, потому что с сообщениями такой важности приходят, не откладывая. А когда предатель будет разоблачен, мы все объясним людям.

– У этой замечательной задумки есть один недостаток... – не очень уверенно сказал Элиуд и умолк.

– Какой же? – заинтересовался Моисей, которому план казался совершенным, не имеющим недостатков и изъянов.

Элиуд помолчал немного, морща лоб, хмуря брови и теребя свою бороду, а потом сказал:

– Трусливый тоже не придет с доносом! Побойся моей мести или мести моих сообщников. Авенира или Савея в трусости заподозрить сложно, они воины, не раз доказавшие свою отвагу, но что касается Манассии, Мардохея и Нафана, то их храбрецами не назовешь.

Да, действительно, трусость Моисей в расчет не брал, как-то не подумал он о том, что страх при таких обстоятельствах может пересилить чувство долга. А ведь может, очень даже может...

– Ты прав, Элиуд, – признал Моисей. – Трусливый тоже может не прийти с доносом... Впрочем, нет – придет и трусливый! Придет, потому что побойся быть причисленным к твоим сообщникам. Не забывай еще и о том, что каждый из тех, кого мы подозреваем – человек, занимающий высокое положение и дорожащий им. Нет, все, кто невиновен, придут ко мне – кто-то сразу, кто-то немного погодя, но придут все. Тот, кто убоится мести, придет незаметно для окружающих, в том числе и для тебя...

– В любом случае эта хитрость поможет нам сократить число подозреваемых! – сверкнул глазами Элиуд. – Одного легко разоблачить, а вот пятерых трудно. Особенно если все делается тайно. Пока я интересуюсь Нафаном, Авенир или Манассия могут спокойно устроить какую-то пакость... Люди начали коситься на меня – одни считают меня бездельником, который шляется по всему стану, не зная, чем себя занять, а другие – распутником, который каждый день

подыскивает себе новую женщину. Если я соберусь жениться всерьез, то ни один достойный человек не отдаст за меня свою дочь. Скажут: «Вот Элиуд, распутный бездельник, из которого не получится хорошего мужа!»

– Не беспокойся, – улыбнулся Моисей. – Я поручусь за тебя и скажу: «Вот Элиуд, достойнейший из достойных! Он моя правая рука, и не мог я желать помощника лучше!» Ты сможешь взять себе жену, какую захочешь.

– Благодарю! – поклонился Элиуд. – Время идет и я начинаю задумываться о женитьбе. Не знаю только, стоит ли делать это до тех пор, пока мы не освоимся в Земле Обетованной...

– Если хочешь жениться сегодня – сделай это сегодня, – убежденно сказал Моисей. – Если не хочешь, то не принуждай себя. Но не связывай женитьбу с какими-то другими событиями. Кто знает, когда мы придем в Землю Обетованную и сколько времени придется нам осваиваться там?

– Я был уверен, что Моисею это известно.

– Это известно только Господу нашему и никому больше, – Моисей встал, сразу же поднялся и Элиуд. – Иди и действуй, как мы договорились, только помни о том, что притворство твое должно быть таким, чтобы его принимали за искренность.

– Я буду стараться, – пообещал Элиуд. – Но я не искушен в притворстве, я же воин, а воинам пристало полагаться не на коварство и обман, а на копье и кинжал.

– В жизни приходится учиться многому, и никогда не знаешь, чему еще придется научиться, – Моисей вздохнул, вспомнив о тех спокойных и счастливых днях, когда он жил в доме своего тестя, пас его овец и был доволен своей судьбой. – Иди, и пусть хранит тебя Господь!

Глава 17

Мардохей, сын Лабана, начальник над писцами

Наивные верят в то, что после смерти обретут они какие-то блага, недоступные им при жизни. Умные же знают, что после смерти нет ничего, только тьма, беспросветная всепоглощающая тьма, в которой нет ничего. Царство Анубиса? Только глупцы могут верить в то, что есть Анубис, бог с человеческим телом и шакальей головой. Нет никакого Анубиса, и никакого царства его тем более нет. Человек рождается из семени и после смерти обращается в прах, вот и все. Мы живем здесь и сейчас, прошлое уже прошло, а будущее еще не наступило.

А что из этого следует? А то, что не следует отказывать себе в удовольствиях, ибо жизнь человеческая быстротечна и может прерваться в любой момент. Болезнь, сглаз, кинжал в руке грабителя... А тем, кто находится вблизи фараона, да еще вблизи такого вздорного ублюдка, как Мернептах, надо каждую минуту быть готовым к смерти.

Мардохей служил помощником главного сборщика податей и за время своей службы видел четырех начальников. Из них только один умер своей смертью от разлития желчи. Трое были казнены по приказу фараона. Главный сборщик податей – опасная должность. Пребывая на ней, трудно удержаться от того, чтобы не запустить руку в казну фараона. Запустив раз, запустишь и второй, и третий, а там начнешь считать казну владыки своей собственной казной и станешь обращаться к ней при всякой нужде. Рано или поздно это вскроется, и за преступное расточительство придется платить жизнью. Фараоны не склонны делиться своим богатством с подданными. Они вообще не склонны делиться ничем и ни с кем.

Живем здесь и сейчас, поэтому надо по мере сил наслаждаться жизнью. Иногда, при удачном стечении обстоятельств, и Мардохею удавалось попользоваться из фараоновой казны. Это случалось в те дни, когда главный сборщик податей брал оттуда помногу, не считая, потому что уже видел свой печальный конец и не хотел отказывать

себе в чем-то напоследок. Но такое случалось редко, а потребность в деньгах у Мардохея всегда была велика, ибо он любил дорогие одежды, драгоценности, а еще любил вкусно поесть и много тратил на непотребных женщин самого высокого разряда, из тех, ласки которых упоительны, но стоят дорого. Хорошо еще, что у Мардохея не было семьи, а то бы денег ему требовалось вдвое больше. Жены и дети обходятся недешево, а радости от них никакой, одни заботы.

Помимо любви к роскоши, Мардохей отличался еще и честолюбием, а все знают, что нет лучшего способа обзаводиться нужными связями и поддерживать их, как устройство пиров и развлечений. Люди испытывают признательность за то, что ты пригласил их, они приводят своих друзей и знакомят их с тобой, среди этих друзей может оказаться много полезных людей... А еще люди оценят по достоинству твою щедрость и скажут: «Мардохей из числа достойных людей, с ним можно иметь дело!»

Но золотые и серебряные слитки имеют обыкновение заканчиваться неожиданно. В преддверии срочных расходов ты обращаешься к своей мощне и видишь, что там пусто. Приходится занимать... Египтяне дают в долг неохотно и просят оставить в залог что-то ценное, стоимостью превышающее заем по меньшей мере в два раза. Сидонские же ростовщики дают в долг без залога, у них лучшим залогом служит жизнь должника, и другого залога им не требуется. Не заплатишь в срок и за поистине безумные проценты (а куда деваться?), начнут расти еще более огромные, а в конечный срок, дольше которого ростовщик ждать не намерен, явится к тебе посланец от него и скажет: «Твое время истекло». Понимай эти слова как хочешь. Хочешь, как то, что пришла пора заплатить весь долг с процентами, хочешь – как то, что пришла пора тебе умирать. Людям свойственно ценить свою жизнь, и все знают, что сидонцы никому не спускают, поэтому им платят из последнего, платят, изыскивая любую возможность, платят, если хотят жить. Иначе явится к тебе глухонемой и безжалостный душитель, накинёт на шею тонкую красную веревку и удушит. Слава у сидонцев плохая, и без крайней нужды с ними предпочитают не связываться. Слава у сидонцев не просто плохая, а настолько плохая, что фараоны, обращаясь к ним за средствами (и у фараонов случается великая нужда в золоте), поручают ведение переговоров и заключение уговора кому-то из своих приближенных, чтобы тот оказался в ответе

перед ростовщиками, если долг не удастся вернуть вовремя. Потому что все знают – сидонцы безжалостны и не делают ни для кого исключений. Если фараон не вернет им долг, то душитель, способный проходить через любые преграды, словно бесплотная тень, придет и к фараону.

В первый раз Мардохей занял у сидонцев немного и отдал вовремя. Во второй – попросил отсрочки и увяз навсегда, потому что каждая отсрочка ведет к утраиванию процентов, а долг при этом начинает расти быстрее, чем живот у беременной женщины.

Мардохей превосходно считал в уме и память имел превосходную. Каждое утро, проснувшись, он начинал день с того, что говорил себе: «Мой долг сидонцам вырос до таких-то пределов». Затем он думал о том, сможет ли сегодня предпринять что-то для сокращения этого долга... Так и жил.

В последнее время, то есть незадолго до Исхода, Мардохей надеялся на большой поход фараонова войска, при подготовке которого из казны выделяется много средств. Для того чтобы казна не опустела, народ облагается внеочередными податями, при сборе которых непременно возникает некоторая неразбериха, поскольку хорошо отлаженный процесс взимания податей не терпит ничего внеочередного. Во время этой неразберихи и можно урвать немного из казны фараона так, что никто не заметит. Какие-то крохи, чего их замечать? А то, что для фараона крохи, для Мардохея – избавление от веревки душителя.

К огромному сожалению Мардохея, внеочередные подати предстояло собирать без его участия, так как фараон, разгневавшись на Моисея с Аароном, а через них и на всех евреев, ведь они говорили от имени всех и старались для всех, приказал заменить служащих ему евреев на египтян. Только для воинов из колена Эфраимова было сделано небольшое послабление, потому что воинами они были хорошими, но и им начали чинить притеснения, от которых они сами, по своей собственной воле, оставляли службу в войске фараона.

Мардохей происходил из колена Данова, славящегося своим умом, отец и дед его были почтенными людьми, да и на Моисея он произвел превосходное впечатление своими способностями. Благодаря всем этим обстоятельствам Мардохей стал начальником над всеми писцами и благодаря этой должности был в курсе всего, что касалось жизни

народа Израилева. Сам он надеялся стать казначеем и поправить свои дела, но судьба распорядилась иначе. Казначеем при Моисее стал Манассия, сын Элона, так же, как и Мардохей, происходивший из достойных представителей колена Данова. Они даже были в дальнем родстве – прабабка Манассии со стороны отца приходилась теткой деду Мардохея, отцу его матери. Про такое родство в шутку говорят: «Его коза моей овце соседка» и никакого значения ему не придают. Мардохей и не надеялся, что Манассия может ссудить его средствами, взяв их из казны. Для родного брата такое еще можно сделать, но для столь дальнего родственника – навряд ли.

Посланец от сидонцев явился в первый день Исхода, когда люди сделали остановку для того, чтобы помолиться и пообедать. Мардохей в одиночестве сидел в повозке (он не любил есть на людях, находя это некрасивым, и не любил смотреть на жующих) и ел лепешку, в которую был вложен кусок соленого сыра. Мардохей любил соленое, совсем как женщина, находящаяся в тягости.

Незванный гость уселся, скрестив ноги, напротив Мардохея. Пахло от посланца сидонцев скверно – давно не знавшим мытья телом и прогорклым бараньим жиром, да и выглядел он неопрятно – волосы свалялись, борода клочьями, пыльная одежда в заплатках и прорехах. Бедный странник – лучшая личина для путешествия в одиночку, потому что ни у кого не может возникнуть желания ограбить бедняка и, вообще, обращать на него внимание. Но взгляд у пришедшего был властный, и держался он уверенно, даже слишком – вошел и сел, не спрашивая позволения, не попросил прощения за то, что прервал трапезу.

Мардохей сразу понял, кто перед ним. Нутром почувствовал.

То, что посланец пришел не таясь, днем и не показал первым делом веревку, внушало надежду. Посланец сказал, что долг можно покрыть не только деньгами, но и услугами. «Сидонские ростовщики щедро платят за ценные сведения, – сказал он, – и тем, кто выполняет их поручения, они тоже хорошо платят». Мардохей сначала обрадовался такой возможности, потому что уже готов был проститься с жизнью и вдруг получил надежду, но узнав, что от него требуется, радоваться перестал.

«Зачем вам это? – спросил он (посланец, судя по выговору и манерам, тоже был из сидонцев и не из простых). – Какую выгоду

преследуете вы, помогая фараону?»

«Твое дело исполнять, а не спрашивать! – грубо ответил сидонец, но тут же смягчился и пояснил: – Ваш народ может составить нам конкуренцию, ибо вы умны, расчетливы и умеете наживать состояния. Обретя свободу, вы очень скоро распространите свое влияние на соседние народы. Лучше будет, если все останется, как прежде. Постоянство – великое благо, и нет в мире ничего ценнее его»

«Постоянство не может быть благом для тех, кого угнетают! – возразил Мардохей, возмущившись. – Даже рабы имеют надежду на изменение своей участи и меняют ее при первой же возможности! Как могу я предать свой народ и помогать врагам его?! То, что лучше для вас, совсем не лучше для нас!»

Сидонец взмахнул руками и рассмеялся гнусным скрипучим смехом. Смеялся он громко, не стесняясь, запрокидывая голову и хлопая себя ладонями по толстому животу (дородность – свойство сидонцев), а когда насмеялся вдоволь, то сунул правую руку за пазуху, достал оттуда красную, как кровь, веревку и помахал ею перед лицом остолбеневшего от ужаса Мардохея.

«Твое время истекло, – сказал он, улыбаясь улыбкой, от которой кровь стыла в жилах. – Срок платежа пришел, и больше никто не намерен давать тебе отсрочку. Расплатись, а чем расплачиваться – жизнью, золотом или услугами, выбирай сам. Такова вторая твоя привилегия...»

«А к-к-какова п-п-первая?» – заикаясь, хотя никогда до сих пор не заикался, спросил Мардохей.

«К тебе послали меня, человека, с которым можно договориться, а не глухонемого, умеющего только душить!» – улыбка сидонца стала еще шире, а взгляд налился тяжестью.

Мардохей ощутил страх, точнее не страх, а ужас. То был холод, мгновенно разлившийся по жилам, тяжелый холод. Несмотря на полуденный зной, Мардохея зазнобило и он начал стучать зубами.

Сидонец недобро усмехнулся, перехватил веревку за концы и посмотрел на худую длинную шею Мардохея, словно примериваясь. Мардохей понял, что еще мгновение и выбирать уже будет поздно.

«Я расплачусь услугами», – быстро сказал он, проклиная в уме тот день, когда его угораздило связаться с проклятыми сидонскими

ростовщиками, которые не выручают из беды, а ввергают в еще худшую беду.

До поры до времени сидонцы улыбочивы, сладкоречивы, и это располагает к ним, заставляет забыть об осторожности. «Бери, сколько требуется», – говорят сидонцы, и берешь, не задумываясь. «Отдашь при возможности», – говорят они, и создается впечатление, что эти добрые люди способны ждать чуть ли не вечно. Добрые люди? Если бы только знать, на что способны эти «добрые» люди. Но так уж устроен человек, что глядя на злоключения ближнего своего, говорит он: «Это меня не коснется» и искренне верит в это до тех пор, пока провидение позволяет ему верить.

«Или жизнью», – усмехнулся сидонец, убирая веревку за пазуху.

Теперь он смотрел на Мардохея дружелюбно, даже с приязнью. Мардохей слегка воспрянул духом и только сейчас понял, как ему повезло. Живая собака лучше мертвого льва. Жизнь – самое ценное, что есть у человека, и ею никогда не стоит расплачиваться по долгам. Чем угодно, но только не жизнью...

«Вот что ты должен сделать...»

Мардохей слушал, стараясь запомнить не только суть, но и каждое сказанное слово, так сильно подчинил его своей воле проклятый сидонец. Запомнить было несложно, потому что выражался сидонец кратко и ясно.

Закончив, сидонец хлопнул вздрогнувшего от такой неучтивости Мардохея по плечу, вылез из повозки и ушел. Оставшись в одиночестве, Мардохей сразу же почувствовал себя лучше. Озноб прекратился, онемевшие от ужаса члены снова стали повиноваться.

Мардохея почему-то потянуло на воспоминания, причем на самые далекие, уже почти стершиеся из памяти. Вот он, совсем еще ребенок, бежит к своей матери, а та стоит, раскинув руки в стороны, и смеется. Маленький Мардохей подбегает и хочет уже обнять мать, но вдруг видит в правой руке ее красную веревку с уже готовой петлей...

Когда снова тронулись в путь, стало полегче, потому что шум, суета и дорога отвлекли от воспоминаний и вообще от дум. Мардохей приободрился и изо всех сил старался вести себя, как обычно, чтобы никто – ни Моисей, ни Аарон, ни остроглазый Осия, сын Нуна, или кто-то еще не догадался бы о том, что он таит в себе.

Мардохею повезло – никто ни о чем не догадался. Все были слишком возбуждены в этот знаменательный день ухода из Египта, ухода из рабства в свободную жизнь.

«Я попал в рабство, – думал вечером Мардохей, отдыхая в своем шатре. – Да-да, в рабство, надо иметь смелость называть вещи своими именами. Долг мой велик, и мне уже дали понять, что расплачиваться придется долго. Проклятые сидонцы не выпустят меня из своих цепких лап. Они поняли мою слабость и будут пользоваться ею вечно. Плохо то, что в пустыне нельзя убежать незаметно – все мы на виду друг у друга. Если люди дойдут до Земли Обетованной и осядут там – мне конец. Сидонцы не простят мне этого. Я буду задушен, как не сумевший расплатиться. Бр-р-р! Выхода нет – надо приложить все старания для того, чтобы вернуть еврейский народ в Египет... А потом я исчезну, обращу все, что имею и смогу заиметь, в драгоценные камни, которые легко унести, и исчезну. Моисей долго жил в стране Куш и даже был мужем царской дочери, почему бы мне не осесть там под чужим именем? Можно податься к амалекитянам или мадаитянам, а можно сделать умнее всего – сбрить бороду и поселиться в Сидоне, выдавая себя за торговца из Верхнего Египта. Представляться египтянином для меня не составит труда, а мои заимодавцы никогда не подумают, что я могу оказаться настолько дерзким и поселюсь у них под носом. К тому же в Сидоне находятся в обороте большие средства, и оттого жизнь там богатая, благоприятная для торговли. Я не только смогу прокормиться там торговлей, но и умножу свое состояние. А там (чего ведь только не случается в жизни?), может, и сам стану ростовщиком... Вот это будет лихо! Только сначала надо отвести от себя угрозу...»

Если бы Мардохей был глуп, то он мог бы пуститься в бега прямо сейчас. Но Мардохей был умен и понимал, что для достойной жизни на чужбине нужны средства, а золота или серебра много с собой не унесешь. Да и не удастся сбежать, потому что проклятые сидонцы непременно приставили к нему соглядатая или соглядатаев с наказом убить при уклонении от расплаты. Нет, бежать можно только по возвращении в Египет. Подготовиться должным образом, покинуть дом якобы для двух- или трехдневной деловой поездки и не вернуться обратно...

На душе у Мардохея было погано, как у любого, кто сознает, что поступает очень плохо, но не может поступить иначе. Мардохей был не самым лучшим сыном еврейского народа, но мысль о том, что он собирается сделать, сильно угнетала его. Он так хотел, чтобы евреи получили свободу.

Но жить хотелось еще сильнее, сильнее всего, и не было такой цены, которую бы не заплатил Мардохей за то, чтобы сохранить свою жизнь.

Глава 18

Тайные письма

В предрассветный час темнота сгущается, а сон приобретает наибольшую власть над человеком, поэтому это время как нельзя лучше подходит для тайных дел. Для того, чтобы слиться с ночью, Сапху закутался в черный плащ, а сандалии привязал к ногам веревками, чтобы задники их не хлопали при ходьбе.

Сапху волновался. Сердце его стучало часто-часто, пальцы слегка подрагивали, а по хребту словно тянуло сквозняком. «Все будет хорошо, – повторял он, успокаивая себя, – все будет хорошо...»

Если бы можно было уйти пешком, то и беспокоиться нечего – вышел на край лагеря, прошел чуть дальше, потом еще чуть и ушел. Но хозяин сказал: «Укради коня», потому что пешком идти долго, а с хозяином не поспоришь. Очень серьезный человек, достаточно один раз взглянуть ему в глаза, чтобы понять это. И еще он колдун. Вон как ловко устроил со змеями. Велел моавитянину поймать несколько гадов, а остальным велел поить их молоком и кормить мясом ящериц на южной окраине лагеря. Все боялись змей, но хозяина послушаться не посмели, потому что он страшнее любой самой страшной змеи. Превозмогли свой страх, каждый взял мешок со своей змеей, бурдючок с молоком, ящерицу и пошел в то место, которое было ему назначено. Хозяин сказал, что он заговорил пойманных змей и они не причинят вреда тому, кто их кормит, но они скажут остальным змеям, что здесь хорошо и что надо им идти сюда.

Сапху налил своей змее молока в подобранный по дороге черепок, преодолевая отвращение, порубил ножом на куски ящерицу, положил куски рядом с черепком, а сам сел рядом на корточки и охранял змею. Подумать только – человек охранял покой змеи и подливал ей молока! «Когда приползут другие, то уходите вглубь лагеря», – сказал хозяин. Сапху так и сделал – как только увидел, что к его подопечной приползли еще пятеро, тихо поднялся на ноги и ушел, пятясь назад. Хорошо, что змеи не обратили на него внимания, ведь все они были ядовитыми. Один укус – и можно проститься с жизнью! Утром эти

гады перекусили кучу народа, Сапху своими глазами видел трупы и радовался тому, как счастливо он избежал подобной участи...

Сегодняшнее поручение было много проще предыдущего. Всего-то украсть хорошего коня (плохой конь только помехой будет), отвезти письмо во дворец, передать его в руки чиновника по имени Парсев, дождаться ответа и привезти ответ хозяину. Письмо было написано не на папирусе, а на полотне и нашито на рубахе Сапху обратной стороной кверху, будто заплатка. Так не потеряешь и не отберет никто, потому что не поймет, что это письмо, а не заплатка. «Если вдруг попадешься, когда будешь красть коня, – предупредил хозяин, – то прикинься обычным вором. Тебя побьют, но не до смерти и отпустят». Хозяину хорошо говорить «не до смерти», а на деле получиться может по-разному.

Дождавшись, пока сторож, оставленный при лошадях, положит копье, привалится спиной к повозке и начнет похрапывать, Сапху тенью скользнул к оглобле, выполнявшей роль коновязи. Первым делом он протянул облюбованному коню лакомство – горсть сушеных фиников для того, чтобы успокоить и задобрить его. Кто мог знать, что, съев финики, конь громко заржет, требуя добавки?

Ржание разбудило остальных лошадей и сторожа.

– Вор! – еще не успев разлепить тяжелые веки, завопил сторож.

Он схватил копье и выставил его перед собой так, словно украсть собирались не коня, а его самого. Сапху к этому моменту уже успел перерезать веревку, которой был привязан «его» конь, и собрался вскочить ему на спину.

– Вор! Здесь вор! – еще громче крикнул сторож.

Судя по всему, он был трусом, потому что не пытался остановить Сапху, а только кричал.

Вскочив коню на спину, Сапху схватил его обеими руками за уши и сильно потянул на себя. Одновременно он что есть силы сжал ногами бока животного, давая ему понять, что надо повиноваться. Конь взбрыкнул разок, но больше попыток сбросить седока не делал, вместо этого рванул вперед и поскакал по лагерю.

«Пронесло!» – с облегчением подумал Сапху, вжимаясь в конскую спину.

Только бы отъехать немного в пустыню и не упасть, а там уже можно будет остановиться, перевести дух, поймать болтающиеся под

мордой коня поводья или же смастерить новые из обернутой вокруг пояса веревки. Главное, чтобы не было погони, но какая может быть погоня – пока они проснутся, пока протрут глаза и поймут, что случилось, пока до них дойдет, в какую сторону надо скакать, Сапху будет уже далеко. Недаром же он взял себе прозвище Сапху, что означает «везунчик».

Спасительница-пустыня была уже совсем рядом, когда наперерез коню выскочил коренастый мужчина с бичом в руке. Он оглушительно крикнул: «Эй!» и не менее оглушительно щелкнул бичом в воздухе. Конь не то испугался, не то удивился и резко остановился. Сапху выбросило вперед, он перелетел через конскую голову, через мужчину с бичом и упал, да так неудачно, что свернул себе шею и сразу умер.

Борода у Сапху была очень короткой, можно сказать, что не было у него никакой бороды, а черты лица больше походили на египетские, чем на еврейские. Люди подумали, что это египетский шпион, обросший во время пребывания в пустыне. Им не пришло на ум, что перед ними один из египтян, примкнувших к евреям в самом начале Исхода. Да и как могло прийти на ум такое, ведь тот, кто обратился к истинному Богу и ушел с народом Израилевым, не станет вредить ему.

Труп Сапху тщательно обыскали. Среди обыскивающих был один остроглазый шорник, который обратил внимание на заплату, нашитую кое-как, очень небрежно и притом нашитую в такое место, где не было дыры. Заплату оторвали и увидели на ней странные значки, не имеющие ничего общего с иероглифами, а похожие на выстроившихся в ряды жучков. Нетрудно было догадаться, что заплатка есть не что иное, как письмо, которое гонец вез из лагеря в Египет. Люди передали письмо своему старейшине Элиаву, сыну Хелона (дело происходило в колене Завулоновом), а тот привез его Моисею.

Это случилось на следующий день после нашествия змей. Моисей уже сидел на коне, готовясь выступить в путь. Известие о поимке вражеского гонца одновременно обрадовало и огорчило его. Обрадовало потому, что впервые врагу был нанесен ущерб, а огорчило, потому что гонец попался не живым, а мертвым. Был бы жив, мог бы рассказать о том, кто дал ему письмо и куда он его вез.

Еще бы понять, что тут написано. Моисей показал письмо брату, Аарон долго рассматривал его, а потом сказал:

– Это тайнопись, придуманная жрецами богини Маат^[23]. Она представляет собой нечто среднее между иероглифами и нашим письмом. Вот эти крупные значки – иероглифы, а черточки рядом – буквы...

– Ты можешь прочесть, что здесь написано? – спросил Моисей.

– Могу, но не сразу, – ответил Аарон, убирая письмо за пазуху. – Мне надо будет сосредоточиться и подумать, а сидя на коне, это невозможно. Как только мы остановимся на обед, я займусь письмом. Пока что могу сказать лишь то, что написано оно не фараону, а кому-то из его слуг, потому что фараона жрецы Маат изображают при помощи уаджета^[24], Хранящего Ока, а в этом письме нет ничего похожего на уаджет.

– Вряд ли фараон будет лично переписываться со своими соглядатаями, – хмыкнул Моисей. – У фараона для каждого дела есть особые чиновники и не один. Меня всегда удивляло то, какое количество бездельников околачивается во дворце и сколько всего уходит на их содержание. Взять хотя бы опахала. Ими спокойно мог бы ведать один человек, но существуют хранители малых опахал и хранители больших опахал, и каждому из них положен писец и помощник.

– Неужели? – не поверил Аарон, менее сведущий в дворцовых порядках. – Писец и помощник?

– Любому чиновнику полагается писец и помощник, – подтвердил Моисей. – Народ наш работал, не разгибая спины, а все эти дармоеды проводили время в приятной праздности. Думаю, что теперь, поскольку мы ушли из Египта, фараону придется сократить свои расходы...

Аарону удалось прочесть послание, написанное жреческой тайнописью. Моисей еще не закончил обедать в кругу семьи и двоих своих телохранителей, как появился брат. Гирсам и Элезар подвинулись, освобождая место для дяди, а Ципора принесла и поставила перед Аароном глиняную миску с вареными бобами и куском вяленого мяса. У мадианитян не было принято есть всем из общего котла или общей миски, и даже в походных условиях жена Моисея старалась соблюдать это правило.

– Прочел? – коротко спросил Моисей, не желая посвящать домашних в свои дела.

– Да, – кратко ответил Аарон и покосился на Иофора.

Моисей понял, что брату нужна какая-то помощь, совет или что другое.

После дневной трапезы не принято вести беседы, как это делается после трапезы вечерней. Сыновья поели первыми и ушли. Иофор тоже хотел уйти, но Моисей попросил его остаться, а Амосии и Иеффаю поручил присмотреть за тем, чтобы им не мешали разговаривать, ведь обедали они не в шатре (нет смысла разбивать шатры на кратковременной дневной стоянке), а на открытом месте. Амосия отошел налево, Иеффай направо, оба повернулись спинами к Моисею и его собеседникам, оперлись на свои копья и замерли, словно изваяния.

– Послание я прочел, – начал Аарон, – только смысла его не понял. Может, почтенный Иофор и ты догадаетесь, что имел в виду слуга фараона, когда писал: «Саранча нападет, тогда крокодил ударит хвостом и ветер унесет песок обратно». О чем идет речь? Я прикидывал и так, и этак, но смысл постичь не могу.

– Один человек, похожий на египтянина, украл коня и попытался на нем убежать от нас, но упал и свернул себе шею, – пояснил Моисей Иофору. – При нем нашли письмо, написанное тайным жреческим письмом, и вот Аарон прочел его.

– Саранча? – переспросил Иофор. – Что тут непонятного, разве вы не знаете, кого в Египте называют саранчой? Саранча – это кочевники, и сдаётся мне, что речь идет о амалекитянах^[25] и ни о ком другом. «Крокодил ударит хвостом» – это что-то, что будет сделано исподтишка, тайно, но нанесет сильный ущерб. Всем известны повадки крокодилов – ты суешь ему в пасть палку и думаешь, что победил, но в этот миг сильный удар хвоста сбивает тебя с ног и ты понимаешь, что на самом деле победил-то крокодил...

– Ну а «ветер унесет песок обратно» означает: «евреи вернутся в Египет», – сказал Моисей. – Амалекитяне нападут, враг ударит нам в спину...

– Но мы все равно не вернемся в Египет! – сверкнул глазами Аарон. – Можно сказать, что в письме нет ничего ценного. От амалекитян мы и так не ждали ничего хорошего!

– Зато теперь мы знаем, что они нападут непременно и что во время их нападения нам надо быть настороже и смотреть не только

вперед, но и назад, – возразил Моисей. – Они могли бы и не напасть, убоявшись нашего количества, но если сказать им, что не так уж много у нас настоящих воинов, да еще и распалить и алчность рассказами о несметных сокровищах, которые везем мы с собой, то они выйдут на нас всей своей силой.

– А что, мы действительно везем с собой несметные сокровища? – удивился Иофор.

– К сожалению, нет! – рассмеялся Моисей. – Но ведь наврать можно что угодно! Послезавтра мы сделаем дневную остановку и соберемся на совет. Враг не застанет нас врасплох!

Хорошо было смеяться, когда удача на твоей стороне. Пусть пока неизвестно, кто предатель, но зато кое-что известно о его намерениях, и это не может не радовать.

Вечером, вскоре после ужина, к Моисею пришел Элиуд и доложил:

– Я переговорил со всеми пятью. Начал с Нафана. Пришел к нему утром, когда он ел, попросил слугу уйти и сказал все, что было надо. Нафан выслушал меня на удивление спокойно, ни разу не перебил, ничего не переспросил, а когда я закончил, назвал меня сумасбродом и заявил, что впредь не желает иметь со мной никаких дел. Я попробовал настаивать, но Нафан твердил в ответ одно: «Уходи с миром!» Пришлось уйти. Так было с Нафаном. Да, вот еще что – Нафан не спросил, почему я пришел к нему с такой просьбой.

– Ты разговаривал с Нафаном утром? – удивился Моисей. – Знаешь, Элиуд, а он до сих пор не пришел ко мне. И ни один из пяти не пришел. Признаться честно, я думал, что тебе так и не удалось пока еще ни с кем переговорить, а ты, оказывается, разговаривал со всеми...

Теперь настал черед удивляться Элиуду.

– Ни один не пришел?! – ахнул он. – Как же так? Неужели я был недостаточно убедителен?! Но я так старался...

– Расскажи по порядку, – попросил Моисей и спохватился: – А ты не голоден?

– Я сыт, – ответил Элиуд. – Ужинал в компании с Мардохеем. Никогда бы не подумал, что такой заморыш, как Мардохей, ест больше меня!

– Не может быть! – не поверил Моисей. – Наверное, ты от волнения потерял аппетит.

– От волнения аппетит мой только разыгрывается, – усмехнулся Элиуд и заговорил о деле. – После Нафана был Авенир, и разговор с ним получился не менее удивительным. На Авенира я наткнулся случайно, искал Савея, а первым нашел его. Разговаривали мы на ходу – ехали рядом и тихо беседовали. Я сказал, что только помощь такого сильного воина, как он, может обеспечить успех моей затее, и сообщил, что я хочу сделать. Авенир выказал удивление, но при этом вел себя очень сдержанно, потому что нас видели люди. Авенир поинтересовался, почему я решил, что он мне поможет. «Разве давал я кому повод усомниться в моей верности?» – спросил он. Я ответил так, как мне было велено. Тогда Авенир спросил, не напился ли я одурманивающего зелья. Я ответил, что разум мой в полном порядке. Авенир усмехнулся и сказал, что ему все ясно. Я спросил, что именно ему ясно, а он ответил: «Моисей решил подражать Рамсесу Второму, который любил испытывать верность своих сановников, подсылая к ним кого-то с подобными предложениями. Иди и скажи ему, что я отказался тебе помогать». Я принялся уверять Авенира в том, что действую по собственному почину, а не по повелению Моисея, но он только качал головой и усмехался...

«Тебе не поверили, – с сожалением подумал Моисей, глядя на своего помощника. – Ни Нафан не поверил, ни Авенир... Поэтому один был так сдержан, а второй вспомнил Рамсеса Второго... Рамсес тут ни при чем, Авенир таким образом передал мне, что разгадал мою хитрость. Означает ли это, что Авенир тот, кого мы ищем? Или же нет? Впрочем, любому умному человеку, догадавшемуся о том, что его испытывают, лучше всего вести себя так, как повел Авенир. Это даже лучше, чем делать вид, что ты поверил, и приходить с доносом. Так кто же такой Авенир? Просто умный человек или очень умный враг?»

Увидев, что Моисей погрузился в думы, Элиуд замолчал.

– Продолжай, – попросил Моисей, очнувшись от задумчивости. – С кем ты говорил после Авенира? Должно быть, нашел Савея?

– Да, – кивнул Элиуд. – Он ехал вместе с Осией и еще несколькими военачальниками. Мне не хотелось подъезжать к ним и просить Савея уединиться для беседы со мной, потому что это неизбежно бы вызвало любопытство у остальных, поэтому я ехал за ними в некотором отдалении и дожидался удобного случая. Случай представился только во время остановки, когда Савей не стал

спешиваться, а направил своего коня в пустыню. Я понял, что ему захотелось по нужде, и поскакал за ним. Вдали от людей очень удобно говорить о тайном. Очень хорошо, что разговор с Савеем произошел там, где нас никто не мог слышать, потому что Савей, узнав, какое у меня дело, начал кричать на меня и даже хотел ударить, но я увернулся и попросил его успокоиться... Возвращались мы порознь, и я был уверен, что Савей сразу же поедет доносить на меня или же прикажет своим воинам схватить и связать меня... Может, он решил донести утром? Но это рискованно. Ведь, опасаясь разоблачения, я могу убежать ночью или же могу проникнуть в шатер Савея и убить его. Я старался вести себя как можно естественней, и Савей мне поверил, иначе бы не стал возмущаться. Но почему он не донес?

– Я бы тоже хотел это знать, – сказал Моисей. – А еще я бы хотел услышать, как ты говорил о том, что хочешь убить меня? Какие слова ты нашел? Каким было выражение твоего лица? Представь, что я – это Савей и повтори то, что ты ему сказал...

Элиуд немного просидел молча с опущенной головой. Когда он поднял голову, Моисей пораился произошедшей с ним перемене – взгляд из спокойного стал настороженным и каким-то возбужденным, что ли. Оглядевшись по сторонам, словно в шатре они были не одни, Элиуд придвинулся ближе к Моисею и тихо сказал:

– Только ты, доблестный Савей, можешь помочь мне в том, что я задумал! Выслушай меня и скажи, что ты об этом думаешь...

Элиуд еще не договорил до конца, а Моисею уже стало ясно, что его помощник прекрасно умеет притворяться. Если не знать заранее, что он лжет, то поверишь всему, сказанному им. Элиуд говорил с уверенностью человека, принявшего трудное решение, и в то же время в голосе его чувствовалась настороженность заговорщика и боль воина, разочаровавшегося в своем начальнике. Время от времени голос его срывался, словно от великого волнения. Превосходно притворялся Элиуд! Если Нафан слушал такое равнодушно, ничем не проявляя своего отношения, то Нафан – еще более искусный притворщик, умеющий превосходно владеть собой. Если Авенир понял, что Элиуд говорит неправду, то его проницательности можно только позавидовать. Странно, но до сих пор Авенир считался не столько проницательным, сколько отважным и решительным военачальником... Савей возмутился, но почему тогда не пришел?

Почему никто не пришел и не донес на Элиуда, который столь искусно притворялся предателем?

Сомнения в убедительности поведения Элиуда исчезли, и на смену им тотчас же явилась мысль, ужасная настолько, что Моисей отогнал ее как бредовую и попросил Элиуда рассказывать дальше.

– Решив, что во время стоянки разговаривать удобнее всего, я начал искать Манассию и нашел его спящим в повозке. Манассия повел себя так, как я и ожидал от него, – Элиуд улыбнулся. – Охал, ахал, то и дело выглядывал из повозки, желая убедиться, что нас не подслушивают, а когда я закончил, начал убеждать меня в том, что в таких делах помощник из него никудышный. Умолял оставить его в покое, клялся, что никому не расскажет о нашем разговоре. Я сделал суровое лицо, сказал, что не ожидал такого ответа, пригрозил убить Манассию, если он проболтается, и ушел. О том, почему я вздумал обратиться за помощью именно к нему, Манассия не спросил. Забыл сказать, что и Савей об этом меня тоже не спрашивал. Спрашивали только Авенир и Мардохей. Разговор с Мардохеем получился самым приятным, потому что я пришел к нему, когда он только сел ужинать, и разделил с ним трапезу. Мы начали с перепелов, и я боялся, что Мардохей подавится куриной костью, узнав, какое у меня к нему дело, но он выслушал меня без удивления и возмущения, а когда я закончил, первым делом спросил, почему я пришел к нему. Я ответил. Мардохей спросил, как я вообще представляю себе его помощь, ведь слабый не может помочь сильному. Я предвидел такой вопрос и сказал ему: « Ты можешь отвлечь внимание Моисея каким-то делом, а я в этот момент нападу на него». Мардохей задумался и думал долго, то и дело отпавляя что-то себе в рот. Надо сказать, что в еде он себе не отказывает – сейчас не время излишеств, и люди питаются скромно, а у Мардохея на ужин кроме перепелов, было вяленое мясо, вареные бобы, сливы в меду и сушеный виноград. И все это в таком количестве, что хватило нам обоим и еще осталось. Роскошная трапеза!

Припасы имеют свойство заканчиваться, и то, что люди взяли с собой, понемногу тратилось и подходило к концу. Еду старались расходовать экономно, и то, что начальник над писцами, одной из обязанностей которого было следить за общими запасами и вести их учет, предавался чревоугодию, настораживало. Одно из двух – или он тайком пользуется от того, что должен беречь, или он знает что-то

такое, что не вынуждает его экономить собственные припасы. Общие запасы невелики в сравнении с общим количеством людей – на несколько дней всего лишь может их хватить. Они сделаны на крайний случай, для того, чтобы с их помощью можно было кое-как перебиться, пока не удастся достичь какого-то благодатного места, где можно достать еды. И все шло к тому, что весьма скоро этими запасами придется воспользоваться.

– Да уж, роскошная, – согласился Моисей, поужинавший похлебкой из ячменной муки с бобами, которую приготовила Ципора. – И что же надумал Мардохей?

– Он сказал, что лучше всего нам будет сделать вид, что этого разговора не было, потому что если кто-то о нем узнает, то нам придется плохо. Я ответил на это, что никто и не узнает, если один из нас не расскажет, и спросил, поможет он мне или нет. Мардохей ответил, что из него в таких делах помощник никудышный, что он умрет от страха, если кого-то убьют у него на глазах. И еще сказал, что ему нравятся такие решительные люди, как я, что он всегда завидовал тем, кто может решить любое дело одним взмахом меча... Он расточал мне столько похвал и так ласково смотрел на меня, что я сразу понял – у него есть какая-то нужда во мне. Только вот какая именно, он так и не сказал. Но это не страсть мужчины к мужчине, потому что он смотрел на меня без вожделения и не делал попыток прикоснуться. Это что-то другое. Я склонен был думать, что он усыпляет мою бдительность, чтобы без помех донести на меня...

– Если ты говорил с ним недавно, то он еще может прийти, – заметил Моисей. – Да и любой еще может прийти ко мне. Сразу не пришли, а за ночь передумают и придут. Ночь – время размышлений, а утро – время принятия решений... Так на чем же вы расстались с Мардохеем?

– На том, что помогать в этом деле он мне не станет, – Элиуд пожал плечами. – Возможно, у него такая манера отказывать – сказать «нет» и наговорить кучу приятных слов. Мардохей обходителен и вежлив, этого у него не отнять...

После ухода Элиуда Моисей решил немного прогуляться. Он шел по стану, сопровождаемый обоими телохранителями, смотрел по сторонам, отвечал на приветствия, наслаждался ночной прохладой, а в голове свербела одна и та же мысль: «А что, если все они – и Авенир,

и Савей, и Манассия, и Мардохей, и Нафан являются предателями? И потому каждый воспринял предложение Элиуда на свой лад, но доносить на него не станет никто? Но если фараону служат два военачальника, казначей, начальник над писцами и известный лекарь, то это же целый заговор! Мощный разветвленный заговор! Кто им управляет? Кто еще в него вовлечен? И кому, кроме брата и сестры, вообще можно доверять? Телохранителям, наверное, можно, ведь они, при желании, могли бы не раз его убить. Телохранителей привел Аарон, а выбрал он их не иначе как по совету достойного Элишамы, начальника колена Эфраимова. В верности Элишамы можно не сомневаться... Да и вообще, если сомневаться во всех подряд, то быстро сойдешь с ума, потому что ни один ум не выдержит такого. Нет, никакой это не заговор, а происки одного хитрого и ловкого человека, у которого может быть несколько помощников... Был бы мощный заговор – давно бы повернули обратно, да и откуда взяться многолюдному заговору в пользу фараона, если в Земле Обетованной всех евреев ждет лучшая участь, нежели чем в Египте? Кому нужен фараон с его вечным притеснением евреев? Ну, может, одному-двум предателям и нужен, но не многим. Сановники и старейшины честолюбивы и отдают себе отчет в том, что избавление от египетского владычества упрочивает их положение... Не может быть многолюдного заговора среди евреев, но тогда почему никто не спешит донести на Элиуда...

Перед тем, как лечь спать, Моисей предупредил воинов, стоявших на страже у его шатра, чтобы они немедленно разбудили его, если ночью придет к нему посетитель. Беспокоился он напрасно, потому что ночью никто к нему не приходил.

И утром никто не пришел к Моисею с доносом на Элиуда.

В течение дня ему довелось увидеть всех пятерых подозреваемых и коротко побеседовать с ними. Все вели себя так, словно Элиуд к ним не приходил, вели так, как вели и раньше. Оставалось только поражаться такому удивительному самообладанию у пятерых совершенно разных людей.

Хитрость не удалась.

Вечером Моисей рассказал о своей затее и о том, что из нее вышло, Аарону.

– Мне хотелось сохранить все в глубокой тайне, брат мой, поэтому я не сказал ничего даже тебе, – повинился он, опасаясь, что брат может обидеться за недоверие. – Думал – вот все получится, тогда и скажу, а ничего не получилось, и я не могу понять – почему так произошло. Я попросил Элиуда повторить то, что он говорил, и увидел, что в это можно было поверить. Я теряюсь в догадках, мысли путаются, и я ничего не могу понять.

– На все воля Божья, – ответил Аарон. – Ему было угодно, чтобы ты увел людей из Египта, и Он сказал об этом тебе и помог тебе. Ему было угодно избавить нас от преследования, и Он утопил фараоново войско в море. Я склонен подозревать, что сейчас Господь испытывает веру и верность своего народа. Твое дело – вести людей, а с предателями все решится в положенное время.

– Мое дело – отвечать за этих людей перед Господом! – напомнил Моисей. – Как я могу смириться с тем, что людей травят, что их оставляют без воды, что на них напускают змей... Я во всем полагаюсь на Господа, но полагаться не означает сидеть сложа руки и ожидать разных благ. Земля родит по воле Господней, но не вспахивается сама собой. Зерно прорастает в земле, но не может попасть в нее без сеятеля! Колос вырастает, но если его не сжать вовремя, то зерно из него просыпается на землю... Трудом мы славим Господа, а не праздностью! И может быть так, что Господь испытывает не народ наш, а меня! Если я достоин стоять во главе и вести за собой, то должен уметь оберегать! Разве не так?!

– Что мы будем делать дальше? – спросил вдруг Аарон.

– Будем считать, что предатель не захотел хватать приманку, которую мы ему подсунули, или же мы подсовывали ее не тому, кому надо, – немного подумав, ответил Моисей. – Значит – нужна другая приманка, и она должна быть такой, чтобы ее видели все, а схватить ее попытался бы только предатель. Мы должны вынудить предателя показать нам свое истинное лицо, проявить свою сущность. У нас есть в запасе день-другой, вдруг кто-то из пяти придет к Элиуду и начнет склонять его к служению фараону. Все же у моей хитрости есть две стороны. С одной стороны, предателем является тот, кто не донесет на Элиуда, с другой – предатель, если, конечно, он не заподозрит обмана, не сможет отказаться от такого помощника, как Элиуд. Долго выжидать он не станет, но день-другой может понадобится ему на

обдумывание и выжидание подходящего момента. У нас с тобой есть один или два дня, Аарон. За это время нам надо придумать, как заставить лисицу вылезти из своей норы.

– Будем думать, – сказал Аарон и, немного поколебавшись, добавил: – Почтенный Нахшон сказал мне, что не осталось почти никого из моавитян, египтян и людей из других народов, которые присоединились к нам ранее. Все ушли, поодиночке или скопом. Меня это известие расстроило...

– А меня обрадовало! – с неожиданной суровостью произнес Моисей. – Если их вдохновляли только мечты о земле, текущей молоком и медом, то пусть уходят! И больше я не хочу ничего слышать о тех, кто оставил нас! Сердце мое и помыслы мои с теми, кто идет дальше!

Глава 19

Смерть предателя

– Настала пора избрать из наших рядов главного военачальника, того, кому будут подчиняться остальные! – объявил Моисей, открывая совет.

Аарон удивленно посмотрел на него – когда ты успел решить это, брат, почему я ничего об этом не знаю?

Когда? Сегодня на рассвете, после очередной бессонной ночи, когда, устав ворочаться с боку на бок, вышел из шатра и понял – пора. Войско без полководца – все равно, что тело без головы. Три дюжины военачальников, каждый из которых действует наособицу, не смогут противостоять ни амалекитянам, ни какому-то другому, мало-мальски серьезному врагу. Пока что все военачальники подчиняются Моисею, но так долго продолжаться не может.

Моисей никогда не командовал воинами и не имел воинского опыта. Кроме того, один человек не может начальствовать над всем, это никому не под силу. Чем больше думал Моисей о том, кому можно поручить командование войском, тем больше убеждался, что лучше Осии, сына Нуна, ему никого не найти.

Осия молод? Ничего, этот недостаток быстро проходит. Зато он умен и никогда не делает, не подумав. Он молод, но может увлечь и повести за собой. Он молод, но среди воинов пользуется уважением.

Осия никогда не командовал большим количеством воинов? Зато Авенир командовал, а что в этом толку? Над войском его не поставить – завистлив, не слишком-то блещет умом, да и верность вызывает сомнения. Не донес же на Элиуда, и Савей не донес. А пришел бы Элиуд с таким предложением к Осии, так тот бы разрубил его надвое, не сходя с места. Осия верный человек, из тех, на кого можно положиться. Он не успел прослужить два-три десятка лет в войске фараона, как другие начальники над воинами из колена Эфраимова, и это к лучшему. Войско фараона действует по одним и тем же правилам, и врагам нетрудно предсказать, как будут наступать египтяне и как они станут обороняться. Настоящий же полководец

должен стать для врага неразрешимой загадкой, чтобы нельзя было понять, откуда он ударит и как станет наступать...

Моисей оглядел собравшихся – военачальников и начальников над коленами. Кроме них присутствовали два родственника – брат Аарон и Кaleb, муж сестры Мариам, торговец скотом, которому приходилось вести дела с амалекитянами и даже бывать у них. Не было лучшего знатока амалекитян среди евреев, чем Кaleb, и потому Моисей пригласил его на совет. Вдруг потребуются какие-то сведения.

Начальники над коленами сидели спокойно, а многие из военачальников встрепенулись, приосанились и застыли с выжидательным выражением на лицах.

– Трудно выбрать одного, самого лучшего, из многих достойных, – продолжил Моисей, – но мне кажется, что я не ошибся. Встань, Осия, пусть все посмотрят на тебя, и если у кого-то есть что сказать против тебя, то пусть он скажет.

– Я?! – изумился Осия, краснея под множеством взоров, большей частью удивленных, а то и откровенно недружелюбных.

– Разве здесь есть другой Осия? – спросил Моисей. – С тобой говорю я, Осия, сын почтенного Нуна! Встань же и приготовься выслушать все, что скажут о тебе люди!

Расчет Моисея был верным. Если просто сказать: «Пусть Осия командует войском», то многие будут недовольны тем, что их не спросили. Если спросить: «достоин ли Осия быть начальником над войском?», то многие сразу же начнут пенять ему на молодость и отсутствие опыта. Но если сделать так, как сделал Моисей, то самолюбие других военачальников не будет ущемлено столь сильно, потому что, с одной стороны, у них будет выбор – высказаться против или одобрить, а с другой, если говоришь «я выбрал, а у кого есть что-то против, пусть скажет», то о молодости или каких-то мелких недостатках речи быть не может. Надо выдвигать только значительные, веские, обоснованные возражения. А таких возражений против Осии быть не может, ибо он ничем себя не запятнал. Вдобавок всем ясно, что в таком случае выступающий против Осии выступает и против него, Моисея.

Один смельчак все же нашелся.

– Войско организовано по принципу старшинства, – пробурчал Авенир. – Старшие командуют младшими, а не наоборот.

Кто-то согласно кивнул, Аарон, наоборот, нахмурился и посмотрел на Авенира с осуждением, но большинство присутствующих никак не отреагировало на эти слова.

– Я не сказал, что выбираю старшего, а сказал, что выбирал лучшего из достойных! – сказал Моисей, возвышая голос. – Пусть самый достойный командует как старшими, так и младшими!

– Осия справится! – поддержал Элишама, сын Аммихуда, начальник колена Эфраимова. – Моисей сделал правильный выбор!

– Моисей не ошибается! – сказал Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова.

– Все люди ошибаются, – возразил Моисей, – и только Господь непогрешим! Смотри же, Осия, если я ошибся в тебе, то вместе будем мы держать ответ перед людьми!

– Могу я сказать слово? – робко спросил шуринок Калев.

– Конечно, – ответил Моисей, немного удивившись, но не подавая виду.

– У амалекитян есть такой обычай, – сказал Калев, – предводители их могут командовать ими только до тех пор, пока не потерпят поражения. Может, и нам установить такое правило?

Моисей еще не успел решить, нравится ему этот обычай амалекитян или нет, как высказался Нахшон, сын Аминадава, глава колена Иегуды.

– Амалекитяне глупы, и обычаи у них глупые! А лошадей, которые оступились однажды, они не забивают тотчас же на мясо?! Если военачальник умен, то поражение, хотя в поражении и нет ничего хорошего, пойдет ему на пользу! Научит лучше думать, научит правильное управлять отрядами и послужит предостережением на будущее! Ну а глупца вообще нельзя ставить над войском! Обычай для начальника над воинами должен быть один! Пока воины повинуются ему и идут за ним, он – начальник! Не стану говорить за других, но мне Осия по душе! Моисей сделал хороший выбор, и если бы спросили меня, то я тоже предложил бы Осию в начальники над всем войском, потому что в его мизинце больше мудрости, чем в некоторых, успевших поседеть, головах!

Бедняга Калев от такой отповеди совсем стушевался – втянул голову в плечи и не глядел ни на кого. Авенир же предпочел сделать

вид, что не понял намека, заключавшегося в последних словах Нахшона, потому что ответить ему было нечего.

«Интересно, что ты будешь делать, если я сейчас расскажу всем, как к тебе приходил Элиуд, что он тебе говорил и что ты так и не донес на «предателя» из моего окружения?» – подумал Моисей, неприязненно глядя на Авенира и не очень-то стараясь скрыть эту неприязнь.

Савей, как ни странно, не вызывал у него подобных чувств. И не потому, что в ответ на просьбу о помощи в плохом деле вознегодовал и хотел ударить Элиуда, а потому что вел себя иначе, вел себя достойно, сдержанно, как и подобает воину. Если бы Савей не был женат на знатной египтянке, то его и подозревать было незачем. Жена во многом может влиять на мужа и ко многому может его принудить, да так, что он будет искренне считать, что сам пожелал того, к чему его принудили. Моисей знал, как это бывает.

Моисей встал и провозгласил:

– Осия, сын Нуна, с сегодняшнего дня ты становишься главным над всеми воинами народа нашего и твои повеления отныне обязательны для всех них! Помни же, что великая власть есть великая ответственность! Не приступай к трапезе, пока не убедишься, что все твои воины сыты, и не ложись спать, пока не убедишься, что твои воины не испытывают ни в чем нужды!

Он обнял Осию и похлопал по спине.

– Я не ожидал... – прошептал Осия.

– Разве я ожидал, когда пас овец, что Господь заговорит со мной? – таким же тихим шепотом ответил ему Моисей. – Выбор пал на тебя, так будь же достоин его!

Никто другой не успел поздравить Осию, потому что снаружи громко закричали: «Беда! Беда! Огонь пожрал наши припасы!» и в шатер вошел Амосия.

– Пришел человек и говорит, что горят наши запасы! – доложил он и добавил: – В той стороне действительно виден дым...

Все вышли из шатра. С той стороны, где стояли повозки с запасом еды, напал черный дым.

– Как могли загореться запасы? – недоумевали люди. – Их же охраняют!

– Огонь вспыхнул сразу с четырех сторон! – стонал какой-то пожилой человек, должно быть тот, что принес весть о пожаре. – Никто не смог ничего сделать!

Некоторые побежали к месту пожара.

– Ты, брат, побудь здесь, – сказал Моисею Аарон. – Зерно просто так не загорится, то злой умысел. Я боюсь, как бы в суматохе и толкотне с тобой не случилось плохого, поэтому не ходи туда. Я пойду, посмотрю, что можно спасти, и сделаю все, что нужно сделать.

– Иди! – ответил Моисей, соглашаясь с доводами брата. Сам он подошел к продолжавшему стенать вестнику и неожиданно узнал в нем того самого еврея из колена Иссахарова по имени Датан, которого он когда-то давно спас от надсмотрщика.

– Датан, ты ли это?! – спросил Моисей, не веря своим глазам. – Разве ты ведаешь припасами?

– Что ты, Моисей! – замахал руками Датан. – Да, я Датан, которого ты спас от побоев и который ежедневно возносит хвалу Господу за это, но кто я такой, чтобы ведать припасами? Я всего лишь чинил покосившуюся повозку – сменил ось да поставил новое колесо вместо треснувшего. Запасами ведает почтенный Мардохей, и он был там сегодня, перед самым пожаром!

– Мардохей был там? – насторожился Моисей. – Зачем?

– Кто я такой, чтобы важный начальник объяснял мне причину своих поступков? – самоуничижение, видимо, было привычкой Датана. – Он пришел, когда я подкладывал под повозку камни, готовясь снимать колесо, а ушел перед самым пожаром, когда я уже закончил и собирал свои инструменты... Мои инструменты! Ох, горе мне, дырявая моя голова! Сотник Каром сказал: «Беги и доложи о случившемся Моисею», вот я и побежал! А свои инструменты забыл, и их уже кто-то украл, так подсказывает мне мое сердце! О-о, я разорен! Где я возьму хороший топор в этой пустыне?! А где я возьму пилу и рубанок?! Горе мне, горе! Впрочем, какой смысл сокрушаться об топоре, если скоро все мы умрем с голоду, потому что наши припасы сгорели! Горе нам, горе нам всем!

Ноги Датана подкосились, он рухнул наземь и стал кататься в пыли, повторяя:

– Горе нам, горе нам всем!

– Подними его, помоги отряхнуться и веди за мной, – сказал Моисей Иеффаю, а сам вошел в шатер, в котором только что проходил совет.

Иеффай передал свое копье Амосии, склонился над стенающим Датаном, поднял его, встряхнул как следует, отчего Датан клацнул зубами и умолк, а потом проводил (точнее – принес) в шатер и бережно опустил на ковер перед Моисеем.

– Раздобудь нам какого-нибудь сладкого питья, – попросил Моисей. – Бедный Датан совсем пал духом, а сладкое улучшает настроение.

Иеффай кивнул и вышел.

– Мое настроение уже ничем не улучшить! – простонал Датан.

– Успокойся! – оборвал его Моисей. – Я прикажу своему помощнику найти тебе инструменты – те, какие у тебя были или похожие на них! Только ты должен мне помочь!

– Жизнь моя да станет подарком для тебя! – завопил Датан, мгновенно переходя от скорби к радости. – Поистине Господь послал тебя мне, Моисей, для того, чтобы я... Чтобы все мы были спасены, вот для чего послал тебя Господь!

Иеффай вернулся с глиняным кувшином в одной руке и двумя глиняными же чашами в другой. Поставил чаши перед Моисеем и Датаном, налил в них питья и посмотрел на Моисея, ожидая дальнейших распоряжений.

– Пусть нам не мешают, – сказал Моисей. – Но если мимо пройдет Элиуд, то пусть зайдет. И Аарона, когда он вернется, пустите ко мне. А остальные пусть ждут.

– Старым друзьям есть о чем поговорить! – важно сказал Датан.

Моисей от изумления едва не свалился с подушки на ковер. «Ну и наглец! – подумал он, глядя на Датана. – Впрочем, он успокоился и освоился в моем обществе, и это к лучшему»

– Расскажи мне, что делал Мардохей сегодня, – попросил Моисей «старого друга». – Он пришел один или с кем-то?

На загорелом дочерна лице Датана последовательно отразились удивление, понимание и готовность услужить.

– Только ничего не придумывай! – поспешно предупредил Моисей. – Говори, как было.

– Конечно, конечно, – забормотал Датан. – Я расскажу все, как было. Почтенный Мардохей пришел один, никто его не сопровождал. Он громко обругал воинов, которые охраняли запасы, за то, что они прячутся в тени под повозкой, а не исполняют свой долг надлежащим образом, рыжий десятник начал оправдываться, говоря, что им и снизу прекрасно все видно... От этого почтенный Мардохей разъярился еще больше и обозвал десятника сыном ослицы и скорпиона, хотя я, например, и представить себе не могу, как скорпион спаривается с ослицей...

Если отбросить все ненужные слова, то получилось вот что – Мардохей пришел, основательно отчитал воинов за небрежность, затем в одиночку ходил между повозками с запасами, проверяя или делая вид, что проверяет, их сохранность, а затем ушел.

– Быстро он уходил или медленно? – уточнил Моисей.

– Почтенный Мардохей легок на ногу, он всегда ходит быстро, – ответил Датан. – Я и спину не успел разогнуть, а он уже был далеко...

Появление Элиуда оказалось как нельзя кстати. Моисей выпроводил Датана, заверив его, что так или иначе без инструментов тот не останется, и рассказал Элиуду то, что удалось узнать.

– Я только что оттуда, – доложил Элиуд. – С утра я подумал, что раз уж Авенир и Савей будут на совете, а начальник над писцами и казначей явно займутся делами, то хорошо будет последить за Нафаном, и все утро ходил кругами вокруг его шатра, до тех пор, пока не убедился, что Нафан сегодня не человек, а всего лишь жалкая тень человека и ни к чему не способен, кроме...

Элиуд поморщился и махнул рукой, давая понять, что остальное неважно, но Моисей спросил:

– Так что же все-таки случилось с Нафаном?

– Он или съел что-то несвежее, или выпил не той воды, которую стоило пить, потому что то и дело выскакивал из шатра и отбегал в сторону и присаживался там. Отбегал недалеко, потому что на то, чтобы бежать далеко, у него сил не было, и сейчас его шатер можно найти с закрытыми глазами, по запаху. Под конец он уже не бежал, а еле-еле шел, шатаясь, и стонал при этом так жалобно, что мне стало его жаль. Лекарь, а не может облегчить свои собственные страдания. Я решил уйти и посмотреть, чем занимается наш казначей, но увидел дым и побежал туда.

– Многое удалось спасти?! – спросил Моисей.

– Почти ничего не удалось, – Элиуд зачем-то посмотрел на свои ладони и отер их о свой кожаный доспех, надетый поверх рубахи. – Почти все сгорело, а что не сгорело, то забросали песком, когда тушили огонь. Сухое дерево повозок горит хорошо, а ведь там было еще и масло. Повозки с припасами ставились одна к другой, ведь чем кучнее они стоят, тем проще их охранять, поэтому огонь распространился быстро...

– Я слышал, что загорелось одновременно с разных сторон? – перебил помощника Моисей.

– Когда я подбежал, уже все горело. Это поджог, – ответил Элиуд, проникнув в суть вопроса. – Сами собой или случайно припасы загореться не могли, потому что костры разводились в отдалении от них и никогда – с наветренной стороны. А днем во время стоянок возле них костров вообще не разводят, потому что едят воины только сменившись с караула, в своем лагере. Это поджог, и я думаю, что знаю, кто виновник...

– Я тоже подозреваю Мардохея, – кивнул Моисей. – Возьми Амосию и сходите за Мардохеем. Я хочу поговорить с ним, прежде чем обвиню его в поджоге.

– Амосию? – удивился Элиуд. – Зачем мне Амосия? Я и сам прекрасно справлюсь! Если Мардохей не захочет идти, то дам ему в ухо, взвалю на плечо и принесу сюда! Амосия пусть занимается своим делом!

– Не надо давать в ухо, – серьезно попросил Моисей, глядя на могучие руки помощника. – А то еще выбьешь из него всю память вместе с разумом. Просто тащи его ко мне, и знаешь что – свяжи-ка ты ему на всякий случай руки, чтобы он не причинил тебе вреда.

Элиуд хмыкнул и многозначительно поиграл бровями, словно интересуясь, какой вред может причинить ему Мардохей.

– Вспомни отравленную стрелу! – нахмурился Моисей, которому не по душе пришлась подобная самонадеянность. – Может, у него есть отравленный кинжал! Одной царапины достаточно для того, чтобы умереть! Будь осторожен!

– Буду! – пообещал Элиуд и ушел.

Он вернулся очень скоро. В шатре еще не успели собраться заново все участники совета – ждали Аарона и старейшин, успокаивавших

людей, взволнованных уничтожением запасов еды, которую и без того приходилось экономить.

Вид у вошедшего Элиуда был до крайности взволнованный – лицо покраснелось, глаза стали больше, крылья носа раздувались, а на скулах так и ходили желваки. «Бежал проклятый предатель!» – подумал Моисей и жестом велел Элиуду выйти из шатра. Чуть позже вышел и сам, причем вышел неторопливо, якобы размять ноги захотелось, и поступил так, чтобы не привлекать ненужного внимания. Когда неприятности сыплются одна за другой, лишняя осторожность не мешает, тем более что Авенир сидел в шатре и настороженно стрелял глазами по сторонам. Непонятно, что именно его взволновало, но что-то явно взволновало. Переживает по поводу порчи запасов? Или что-то другое?

Элиуд стоял шагах в десяти от шатра, повернувшись к нему спиной, и притворялся, что любит привязанными неподалеку лошадьми. Моисей подошел к нему и тихо спросил:

– Успел убежать?

– Да, – ответил Элиуд. – Туда, откуда не возвращаются – закололся кинжалом. Прямо перед моим приходом. Кровь еще не успела свернуться, но жизнь уже покинула его. Я приказал двоим слоняющимся поблизости воинам охранять вход в шатер, никого туда не пуская. Надо вернуться и обыскать его.

– Закололся кинжалом? – переспросил Моисей. – Так умирают воины, а не писцы. Не у каждого достанет смелости и силы всадить себе в грудь кинжал.

– Он укрепил рукоять в ящичке с мытым песком^[26] и упал на острие, – пояснил Элиуд. – Научился, небось, когда служил у фараона. Так убивают себя многие из египтян. Яд не всегда под рукой, в отличие от кинжала. Не понимаю – как он догадался? О том, что кто-то подслушал наш разговор и предупредил его, не может быть и речи, потому что я вышел и пошел к шатру Мардохея очень скорым шагом. Никто бы не успел опередить меня, даже верхом, потому что на лошади пришлось бы ехать в объезд, а я прошел напрямик, между повозками и шатрами. Может, он почувствовал беду?

«Или увидел, как я разговариваю с Датаном и веду его в свой шатер», – подумал Моисей...

Шатер Мардохея и обе повозки с его имуществом Элиуд обыскивал в присутствии Моисея. Самой интересной находкой стал маленький железный ларчик, длиною в ладонь, спрятанный в сундуке с одеждой. Содержимое ларчика было странным – флакон из обожженной глины и глиняной же затычкой, обложенный комочками из нитей, в которых запутались мелкие щепки. Элиуд открыл флакон, понюхал его содержимое, поморщился и протянул флакон Моисею, сказав при этом традиционное египетское присловье:

– Воняет хуже, чем у шакала под хвостом!

Моисей осторожно поднес открытый флакон к носу и подтвердил:

– Да уж, запах отвратительный. Что это такое?

– Не знаю, – покачал головой Элиуд. – Но явно не яд. Яды не бывают такими вонючими, да и Мардохей, будь при нем яд, предпочел бы отравиться, а не падать на кинжал.

Мардохей, перевернутый Элиудом на спину, так и лежал с кинжалом в груди посередине шатра. Моисей еще не решил, как объявить народу о смерти начальника над писцами.

Желая лучше познакомиться с находящейся во флаконе жидкостью, Моисей капнул себе на левую ладонь пару капель. Жидкость оказалась мутноватой, а цвет ее по столь малому количеству определить не удалось.

– Заткни пробкой и спрячь, – распорядился Моисей, возвращая флакон Элиуду. – Это какая-то ценная жидкость иначе бы ее не хранили с такими предосторожностями. Покажу Аарону и Иофору, вдруг они ее узнают.

Вдруг левую ладонь обожгло огнем. Моисей вскрикнул, посмотрел на нее и успел заметить мелькнувший язычок пламени. Если бы он не успел передать флакон Элиуду, то непременно бы выронил его от неожиданности. Кожа в том месте, где была жидкость, покраснела, как от ожога.

– Давай-ка выйдем, – сказал Моисей Элиуду. – И ларчик прихвати с собой.

Отойдя от шатра на четыре шага, Моисей взял у Элиуда ларчик, достал оттуда один комочек ниток и попросил Элиуда вылить на него несколько капель из флакона.

– Смотри, чтобы не попало на одежду, – предупредил он.

Спустя малое время (Элиуд успел закупорить флакон и положить его в ларчик, но сам ларчик еще не закрыл) нитки вспыхнули огнем.

– Вот тебе и ответ! – сказал Моисей. – А я-то все думал, как Мардохей ухитрился незаметно поджечь припасы, да еще в нескольких местах! Факела у него не было, маленькую жаровню с углями незаметно под одеждой не пронесешь, а тут вот, оказывается, что. Поистине неистощимы на выдумки египетские жрецы!

Народу было объявлено, что начальник над писцами Мардохей, сын Лабана покончил с собой, пребывая в расстройстве по поводу гибели припасов, находившихся под его попечением.

Еды почти не оставалось, люди доедали последние из своих запасов.

Глава 20

Два покушения

– Я видела плохой сон, – сказала Ципора, едва только Моисей, разбуженный звуками труб, открыл глаза.

Она уже встала и подметала пучком ветвей ковер, который скоро предстояло свернуть. Сегодня предстояло идти дальше. Полог шатра был откинут, но обзор закрывала чья-то широкая спина – Амосии или Иеффая.

– Если снятся хорошие сны, то должны сниться и плохие, – сказал Моисей, подшучивая над чрезмерной мнительностью жены.

Пару раз на его памяти, еще во время житья у тестя, случалось так, что, увидев во сне что-то неприятное, Ципора весь день не выходила из дома и ни на шаг не отпускала от себя сыновей. И напрасно было объяснять ей, что сны не обязаны сбываться, или спорить, переубеждая. У жены было мало поводов для настойчивости, но если уж она стояла на своем, то переубедить ее было нельзя. Невысокая худенькая женщина с острым носом и улыбчивым лицом (настоящая птичка, редко кому так подходит имя!) превращалась в расставившего ноги гиппопотама, которого и двадцать воинов не сможет сдвинуть с места.

– Мне снилось, что ты тонешь в черной воде, – Ципора прекратила подметать ковер и обернулась к мужу. – Бьешь руками, барахтаешься, но не можешь выплыть. Вода вот-вот поглотит тебя с головой, а я стою на суше и не могу ничего поделать, ничем не могу тебе помочь, потому что ты далеко, а плавать я не умею! Так вот стояла и плакала!

– Я утонул? – поинтересовался Моисей, приподнимаясь на локте.

– Не знаю, – Ципора вздохнула так, как могла вздыхать только она, громко и долго-долго. – Сердце мое переполнилось болью, я вскрикнула и проснулась. Проснулась и увидела, что ты лежишь рядом, услышала твое дыхание, вдохнула запах твоего тела и так обрадовалась, что до рассвета возносила хвалу Господу нашему, который хранит тебя и всех нас! Но будь осторожен сегодня, Моисей! Заклинаю тебя – ради детей наших будь осторожен!

– Успокойся, жена! – попросил Моисей. – Я осторожен и буду осторожным, а все остальное в руке Господней! Ты же знаешь, что я не люблю начинать день с плохого! Разве не твой отец говорит: «Как начнешь день, так его и закончишь»?

– Ты жив и здоров, муж мой! – воскликнула Ципора, у которой на каждое слово находилось в ответ три. – Ты жив и здоров, и разве это не хорошо?! Пусть недруги наши начинают день с плохого, а ты сейчас поешь, сядешь на своего коня и поведешь нас туда, где одни реки текут молоком, а другие медом... Скажи мне, а что они и в самом деле текут молоком и медом?

– Не знаю, – ответил Моисей, забыв о своем раздражении и улыбаясь. – Кто сподобится дойти – тот увидит.

Хорошего начала дня не получилось – за ночь в стане произошло несколько стычек, связанных с продовольствием. Где-то поймали воров и долго их били, в назидание не только им, но и тем, кто соблазнится их примером, кто-то заявлял права на чужой мешок с зерном, кто-то под покровом ночи крал чужих овец, а в колене Рувимовом пропала лошадь, и, как подозревали, украли ее не для того, чтобы на ней ездить.

– Нужда ожесточает сердца, – вздыхал Аарон, – надо что-то решать с пропитанием.

– Мы мало взяли с собой еды из Египта! – кричали некоторые.

– Сколько было у нас, столько мы и взяли! – отвечали рассудительные. – Нельзя же взять больше, чем имеешь! Не могли же мы грабить амбары египтян, тогда бы они ополчились против нас и не дали бы уйти.

– Что нам делать? – спрашивали Моисея.

– Уповать на Господа и учиться у кочевников, которые всю свою жизнь проводят в пустыне и питаются от ее щедрот, если это можно назвать щедростью, – отвечал он.

По поручению Моисея Ахиезер, сын Аммишаддая, начальник колена Данова, занялся организацией поисков пропитания и снабжения им народа. В помощь ему Моисей отрядил сыновей Гирсама и Элеазара, чтобы те были при деле и привыкали заботиться о благе народа. Новым начальником над писцами стал Исаак, сын Нахума из колена Данова, бывший ближайшим помощником Мардохея и сильно

похожий на него внешне. Моисей очень надеялся, что внешним сходством дело и ограничивается.

Иногда начинало казаться, что тайной сетью фараона опутаны все...

– Уныло идем сегодня, – сказал Аарон, когда солнце поднялось наполовину. – Вечером соберу старейшин и пойдем к людям. Мы уже столько всего благополучно пережили, что пора отвыкать от уныния. Не запоешь ли ты, брат мой, песню во славу Господа, чтобы поднять дух людей?

– Сейчас будет лучше, если я восхваляю Господа тихим словом, – возразил Моисей, – иначе все скажут: «Нам грозит голодная смерть, а Моисею нет до этого дела». Славно воспевать хвалу Господу, но нет ничего хуже того, когда один произносит ее, а все остальные молчат.

– Люди ведут себя так, словно у них совсем не осталось скота, который можно съесть, – сказал Аарон.

– Много скота уже съедено, – напомнил Моисей, – а подъедать подчистую нельзя. Если съесть всех козлов и баранов, то не будет приплода, если съесть коз и овец, то не будет ни молока, ни сыра. А где мы станем брать шерсть, если съедем всех коз и овец? Как мы наладим жизнь в Земле Обетованной, если придем туда без скота? Нет, говоря о том, есть ли у нас еда или нет ее у нас, нельзя рассчитывать на то, что осталось от некогда тучных стад наших.

– Ты прав, брат мой, – согласился Аарон. – Не будем доводить до крайностей, но что, если жизнь заставит до них дойти?

– Я уповаю на Господа, – сказал Моисей. – Он не оставит нас до тех пор, пока крепка наша вера.

Дальше ехали молча, думали.

Во время остановки, когда уже сели трапезничать, отлучившийся ненадолго Иеффай, принес глиняный кувшин.

– Чуть не забыл, – сказал он, ставя кувшин перед Моисеем. – Еще утром приходил человек из колена Рувимова и принес сок граната для Моисея. Так и сказал: «созвучное от нашего племени»^[27].

Иеффай хотел было налить сок в чашу, стоявшую перед Моисеем, но Ципора только что налила туда воды, а пустыня совсем не то место, где, не задумываясь, выплескивают воду из чаши, чтобы освободить ее.

– Благодарю, но мне не хочется кислого, – сказал Моисей.

Хотел добавить, что кислого в последнее время хватает ему и без гранатового сока, но не стал. Предводитель, пока он жив, должен вселять в окружающих, будь то весь народ или только близкие люди, уверенность.

Иеффай налил из кувшина желающим – Иофору, ценившему гранат много выше прочих плодов, Амосии, Элиуду, который, если не был чем-то занят, обычно разделял трапезу с Моисеем и его семьей, и себе. Отставив кувшин в сторону, он схватил свою чашу, залпом осушил ее и удовлетворенно сказал:

– Как хорошо!

То были последние слова Иеффая, сына Охозии, воина из колена Эфраимова, чье имя не успело прославиться, потому что, сказав эти слова, он упал замертво и больше уже не поднимался. Ципора, несшая котел с похлебкой, вскрикнула и выронила котел, оставив всех без обеда, но если бы даже она донесла его по назначению, к похлебке все равно бы никто не притронулся, не до похлебки было.

– Я обойду всех гончаров, что идут с нами, но найду того, кто сделал этот кувшин! – кричал Амосия, потрясая зажатым в руке кувшином, содержимое которого было предусмотрительно вылитое. – Гончар вспомнит покупателя и назовет его мне!

По его щекам текли крупные слезы, но он не стеснялся их и не утирал.

– Пусть только попробует он не вспомнить! – вторил Элиуд, потрясая в воздухе своими огромными кулаками. – Я прибью его на месте!

– Бедный парень! – причитала Ципора, хлопая себя по щекам. – Бедный! Бедный! Бедные его родители! Бедная жена, потерявшая мужа в самом расцвете сил! Бедные его дети!

Жены и детей у Иеффая не было, но никто и не думал поправлять Ципору – пусть выражает свое горе, как ей хочется. Кто станет утверждать, что невзятая жена и нерожденные дети не заслуживают оплакивания?

Осия, еще не свыкнувшийся со своим новым положением начальствующего над армией (всего один день прошел), привел к Моисею полсотни воинов и сказал, что они должны неотлучно быть при нем.

– Я лично стану командовать ими! – пообещал он.

– Ты командуешь всеми воинами народа нашего! – напомнил Моисей. – Вот это и исполняй и не ищи себе других забот. А воинов уведи, найди им другое дело. Мне достаточно Амосии и Элиуда, который почти всегда находится при мне.

После случая с отравленной стрелой Осия уже приходил с воинами и охранял ночью покой Моисея, приходили они и на следующий день, но Моисею стало неловко, что люди не спят из-за него, и он сказал Осии, что для охраны достаточно часовых, которые ходят по стану.

– Будьте рядом, если хотите, – сказал Моисей, – но не бодрствуйте понапрасну. Случись что, вас разбудит тревога.

Осия сделал вид, что подчинился, но с тех пор несколько воинов или ехали подле Моисея во время перехода, или разводили костер возле его костра. Моисей смирился с этим, но вот Осия приводит еще пятьдесят человек, да еще и сам собирается быть с ними, пренебрегая всеми своими обязанностями! Это никуда не годится! И что толку в воинах, когда имеешь дело со столь коварным врагом, в арсенале которого и отравленные стрелы, и яд, и самовозгорающаяся жидкость... С врагом, которому даже змеи подвластны! Только Господь может отвести беду! Он и отвел, хвала Ему за это, но почему жертвой стал Иеффай? Какой в том смысл? Воистину непостижим Высший промысел!

И надо же так сложиться обстоятельствам, что погиб тот, кто принял ядовитое питье от неизвестного человека из племени Рувимова. Теперь не опознать принесшего смертоносный дар. Разумеется, Моисей не думал, что кто-то из колена Рувимова мог прийти к нему с отравленным питьем. Элицур, сын Шедеура, учинил в своем колене скорое дознание и подтвердил предположение Моисея. Скорее всего, то был прощальный дар Мардохея, поручившего кому-то из своих сообщников прийти к Моисею под видом человека из племени Рувимова и принести скромный смертоносный дар. Мардохей умер, но сообщник его все равно пришел. А почему пришел? Настолько сильно ненавидел Моисея? Или еще не знал о смерти Мардохея, хояина своего? Эх, да что толку гадать! Мардохей мертв, а Моисей жив, Господь отвел от него смерть, видимо не время еще ему умирать. Только жаль Иеффая, сына Охозии. И запасов еды, которые сжег Мардохей, тоже жаль. Сколько жизней было заключено в этих

запасах! И сколько еще смертей вызовет их гибель! Мало что страшнее голода...

Моисей смотрел на простирающуюся до горизонта пустыню, но видел ровные прямоугольники полей, нарезанные оросительными каналами, и пальмы, не выкорчеванные потому, что росли они вдоль дорог. Каждый год египтяне отвоевывали у пустыни еще немного земли и «оживляли» ее, делали плодородной. Дойдут ли они когда-нибудь сюда? Или первыми сюда придут евреи из Земли Обетованной. Им же тоже придется завоевывать пустыню. Население будет расти (дай-то Бог!), потребуются новые земли, да и вообще живая, плодоносящая земля лучше мертвых песков пустыни.

– Вот видишь! – строго укорила Моисея жена, выбрав время, когда рядом с ними никого не было, ибо хорошая жена не укоряет прилюдно. – Ты не веришь мне и моим снам, не верил и сегодня, и что же? Не выходи сегодня к людям и будь осторожен вдвойне.

– Все уже случилось, Ципора, – улыбнулся Моисей и обнял жену.

– День еще не закончился! – предостерегла жена.

Это оказался такой день, когда правда целиком была на стороне осторожных жен, а не их мужей.

Сегодня не столько шли, сколько топтались на месте – то здесь, то там случались различные досадные происшествия, не очень-то страшные (особенно в сравнении с надвигающимся голодом), но вынуждавшие делать остановки. Если сегодня чьего-то верблюда охватывало вдруг бешенство, то он не спешил убежать в пустыню, а начинал метаться среди народа, пугая других животных, переворачивая повозки, сбивая с ног людей и внося смятение в их мерный ход. Если сегодня кому-то что-то мерещилось, то он не щипал себя за руку, прогоняя наваждение, а громко кричал: «Кочевники! На нас идут кочевники! Вон они! Я их вижу!» Приходилось останавливаться и высылать воинов на прочесывание окрестной пустыни. И не просто останавливаться, а выстраивать оборонительные ряды из повозок, выставляя вперед воинов и так далее... После таких остановок нет смысла продолжать путь, потому что немного удастся пройти до темноты.

Остановились еще до захода солнца. Моисей собрал у себя старейшин, и Осия, как начальник над войском был в числе их.

– Наступает суббота, – объявил он. – Проведем ее в этом месте, а потом пойдем дальше. А пока есть возможность, поговорим о делах наших. Нам надо подумать о том, как упорядочить наши ряды, чтобы мы могли двигаться вперед, не делая остановок в случае каких-то опасений. Не очень хорошо, когда воины идут впереди народа, и совсем нехорошо, что с флангов и с тыла нас не прикрывают дозорные отряды. Амалекитяне уже близко, наши враги постарались как следует для того, чтобы разжечь в них желание напасть на нас, и мы не можем позволить себе беспечности. И не надо ожидать, что они непременно встанут на нашем пути всей своей мощью. Амалекитяне коварны, они могут пропустить нас вперед и ударить нам в тыл своими основными силами, а два отряда нападут с флангов, и что тогда будет?

Все поежились, представив себе такой ход событий.

– Пять тысяч воинов со вчерашнего дня идут позади народа, прикрывая нас сзади, – доложил Осия. – Пяти тысяч достаточно для того, чтобы противостоять любому нападению до тех пор, пока не подойдут и не развернутся основные силы, тем более что воинов туда я выделил отборных, внушающих страх врагу уже одним своим видом.

– Почему я об этом не знаю? – нахмурился Моисей.

– Я подумал, что не стоит беспокоить вождя такими мелочами, и сделал так, как считаю нужным, – ничуть не смутившись, ответил Осия. – А вот как быть с флангами, я еще не решил. – Нельзя растягивать воинов в линию, окружая весь народ, от такого боевого порядка нет пользы. Нет пользы и в том, чтобы разбить наши основные силы на десять-пятнадцать отрядов и рассредоточить их равномерно среди людей, чтобы при нападении с любой стороны и в любом месте какая-то часть могла бы сразу вступить в бой, – Осия поднял правую руку, сжал пальцы в кулак и оглядел присутствующих. – Кулак – это сила, а каждый палец в отдельности легко сломать.

Разжав кулак, он опустил руку. Моисей искоса, так, чтобы это не бросилось в глаза, наблюдал за тем, как старейшины слушали Осию. Хорошо слушали, кивали согласно, потому что Осия говорил по делу.

– Я склоняюсь к тому, чтобы основные силы воинов шли в середине, а вперед хочу выставить тысяч пять или десять, – продолжал Осия. – И дозорные теперь станут объезжать пустыню вокруг нас

постоянно, а не только при тревоге. Амалекитяне не застанут нас врасплох! А если нападут – пожалеют!

Сказав это, Осия так грозно сверкнул глазами, что если у кого и были сомнения в том, что он слишком молод для своей высокой должности, то исчезли.

– Мы не станем полагаться только на воинов, – сказал Моисей, когда Осия сел. – Каждый мужчина – воин, у каждого есть чем разить врага. Старейшины, обсудите с нашим начальствующим над войском свои действия на тот случай, если воинов окажется недостаточно для того, чтобы победить врага. Народ наш – камень, о который разбиваются любые волны!

– Народ наш – кость, которая станет поперек горла каждому, кто попробует поглотить нас! – воскликнул Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова.

– Истинно так! – сказал Моисей. – С Божьей помощью мы ушли от фараона, с Божьей помощью мы преодолели все препятствия, которые нам чинили египтяне, с Божьей помощью мы избавились от предателя, с Божьей помощью победим и амалекитян. Но есть у нас враг более страшный, чем они – голод. Мы надеялись что у нас пока достаточно припасов, и проявили легкомыслие, не думая о том, как будем жить дальше. Все, и я в том числе, успокоились на том, что при разумной бережливости нам достанет припасов на ближайшее время, и это было большой ошибкой, которую сейчас исправляет почтенный Ахиезер. Но я прошу всех начальников над коленами оглядеться по сторонам, посоветоваться со сведущими людьми и подумать насчет того, что мы могли бы получать в пустыне для пропитания. Пока мы не сеем и не собираем урожая, нам придется изыскивать другие возможности. И прошу вас не доводить до того, чтобы мы остались совсем без скота! Немного от стад наших нам необходимо сохранить ради нашего будущего, тем более что таких коз, как наши, не было по всей земле египетской, а каждая наша овца стоит двух египетских или каких-то других!

– Господь не оставит нас! – сказал Аарон, и все согласно кивнули.

– Не оставит, если мы будем достойны Его попечения! – добавил Моисей. – Унывающим и впавшим в отчаяние Господь не поможет, ибо они сами не хотят помочь себе. Но все, кто уповает на Господа, не останутся без Его попечения. Говорите с людьми, убеждайте их,

проникайте словом в их сердца... Я чувствую, что наступает самое тяжелое для нас время!

Моисей помолчал немного, глядя прямо перед собой, а затем огляделся вокруг, встречаясь взглядом с каждым, и продолжил:

– Признаюсь вам – не ожидал я от людей, вышедших из рабства, подобного поведения. Там, в Египте, когда фараон не отпускал нас, мне казалось, что стоит нам только уйти, как единодушие и взаимопонимание укоренится между нами и пойдём мы в Землю Обетованную, славя Господа и во всем помогая друг другу. Ведь только с Божьей помощью и поддерживая друг друга можно преодолевать невзгоды. Не только воины наши, но и весь народ наш должен быть единым кулаком, а не растопыренными пальцами! Не так уж много времени потребовалось нам для того, чтобы убедить фараона отпустить нас и уйти из рабства, но сколько времени потребуется для того, чтобы рабство и все плохое, что связано с ним, ушли от нас?

– Как бы еще узнать, что плохое ушло? – тихо, словно про себя, сказал Пагиил, сын Охрана, начальник колена Асирова.

– Когда люди перестанут говорить по каждому поводу: «Вернемся же в Египет, там нам жилось лучше», а скажут: «Мы преодолели многое, преодолеем и это!», тогда знай, что дух рабства покинул народ! – ответил ему Моисей.

Старейшины расходились озабоченными, чувствовалось, что ночь они проведут без сна, в трудах и раздумьях. Выйдя из шатра последним, как и подобает хозяину, Моисей увидел Элиуда, беседующего с Амосией. В правой руке Элиуд держал двуручную египетскую секиру. В умелых руках секира представляла собой грозное оружие, наверное, самое грозное из всего арсенала воинов, потому что разила наповал. Двуручное оружие иначе разить и не может, потому что у воина нет щита для отражения ударов, нечем воину держать щит, когда обе руки заняты, и если он ударяет, то ударяет как следует.

– Что-то случилось? – спросил Моисей у своего помощника, думая, что тот принес какие-то известия.

– Ничего не случилось, хвала Господу! – ответил Элиуд. – Просто я решил остаться до тех пор, пока у Амосии не появится новый напарник, раз уж достойному Моисею вздумалось отказаться от охраны, которую привел наш новый начальник над войском.

– Предатель разоблачен, его больше нет, и он не угрожает мне, а Господь – первый мой защитник и охранитель, – ответил на мягкий упрек Моисей. – Все сущее подчинено его воле, и надо ли создавать ненужное беспокойство воинам? Пусть лучше охраняют не меня, а наш лагерь.

– Но, тем не менее, я останусь! – ответил Элиуд, и было видно, что он тверд в своем намерении и переубеждать его бесполезно.

– Тогда давайте прогуляемся немного, – пригласил Моисей, беря свой посох. – День был тяжелым.

– День был тяжелым... – хором откликнулись Амосия и Элиуд.

Они пошли неспешным шагом между шатрами, стараясь не производить лишнего шума, потому что многие уже спали, а кто не спал, тот готовился ко сну.

Моисей собирался было сказать про Иеффая, но увидев, какой тоской полны глаза Амосии, изменил свое намерение и заговорил совсем о другом.

– Второй раз мне довелось покидать Египет, – начал он, – и какая же великая разница между первым и вторым разом! Помню, как тогда ночевал я один в пустыне и казалось мне, что...

Откуда-то слева, из-за шатра, метнулась навстречу тень. Моисей еще не успел понять, что происходит, а Амосия уже стоял между ним и тенью с копьем наперевес. Но Элиуд оказался удачливее, потому что его секира остановила тень за мгновение до встречи с копьем Амосии.

Моисей услышал, как упало наземь что-то тяжелое, но что именно, разглядеть не смог, потому что ему мешала спина Амосии.

– Я знаю этого сына паршивой собаки! – негромко сказал Элиуд.

Вокруг было тихо, все спали.

Глава 21

Манна небесная

Нападавший, которого убил Элиуд, оказался слугой лекаря Нафана. Моисей крайне удивился тому, что на них, а точнее, на него напал человек немолодой и к тому же, как сказал Элиуд, плохо слышащий. Но Элиуд показал ему острие кинжала, вынутого из руки нападавшего. Оно было измазано тем же веществом, что и стрела, едва не поразившая Моисея при входе в шатер.

– Ему достаточно было коснуться острием, чтобы убить, – сказал Элиуд, недобро косясь на тело, валявшееся под его ногами. – Напал он внезапно, и эта внезапность могла бы привести его к успеху. Но трудно предположить, чтобы слуга лекаря Нафана был бы одновременно и человеком Мардохея... Будь оно так, Мардохей бы держал этого проклятого при себе.

– Ты хочешь сказать, что это Нафан подослал его? – удивился Моисей.

– Да, именно это я и хочу сказать! – Элиуд наклонился, достал из-за пазухи убитого ножны и осторожно вложил в них кинжал. – И если вспомнить, что я нашел у Нафана...

– Сходите за ним и приведите его ко мне! – распорядился Моисей.

– Нет, – покачал головой Элиуд, нисколько не стесняясь своего неповиновения. – Мы сделаем иначе. Сейчас мы вернемся в шатер и кого-то из встреченных нами по пути пошлем за достойным Аароном и достойным Осией. Мы же с тобой, Амосия, не можем отойти ни на шаг от нашего предводителя до тех пор, пока у него не будет достойной охраны!

– Не можем! – подтвердил Амосия.

Моисею пришлось подчиниться. Обрато возвращались быстрым шагом, Амосия шел впереди, за ним шел Моисей, а Элиуд замыкал шествие. У шатра (не у того, где жила Ципора, а у того, что был предназначен для советов и приемов людей) встретили Гирсама и Элеазара. Моисей отправил одного к Аарону, а другого – к Осии.

– А потом ступайте к матери, и пусть тот из вас, кто придет первый, скажет ей, что у меня все в порядке и что меня задержали

дела, – добавил он.

– А если наш дядя спросит: «Зачем я понадобился?», то что мне ему отвечать? – Элеазар, в отличие от Гирсама, был дотошным малым.

– Иди – и узнаешь! – поспешно сказал Моисей, опасаясь, что Элиуд или Амосия скажут лишнего и это лишнее дойдет до Ципоры.

Пока еще была возможность сохранить второе покушение за день в тайне, и именно так и следовало поступить, чтобы не будоражить людей попусту. «Каков Моисей, если его хотят убить по два раза на дню?» – начнут говорить люди или же скажут: «Горе нам, если убьют Моисея, тогда придется возвращаться в Египет», и ничего хорошего из этих разговоров не выйдет, только плохое.

За Нафаном Осия послал сотника Шомеша во главе двенадцати воинов.

– Надо обыскать его шатер и его повозки, и лучше бы сделать это не в его присутствии, – сказал Моисей.

– Этим я займусь сам! – заявил Аарон, пришедший не один, а вместе с двумя младшими сыновьями, Элеазаром и Итамаром, статными юношами с короткими, еще не густыми бородами.

Обычно старшие сыновья служат примером для младших, но в семье Аарона получилось наоборот. Младшие, Элеазар и Итамар, были достойными и благоразумными людьми, а старшие, Надав и Авиуд (особенно Надав), если чем-то и могли похвастаться, то только своими недостатками, которых у них было великое множество, начиная с себялюбия и заканчивая склонностью к пьянству. «Двое – в наказание, двое – в утешение», – говорил о своих сыновьях Аарон.

Нафан предстал перед Моисеем донельзя растерянным, растрепанным, с трясущимися руками и слезами на глазах. Он стоял на пороге, не решаясь пройти дальше. Шомеш легонько подтолкнул его вперед, но то, что казалось слабым для могучего сотника, стало чрезмерным для Нафана – он полетел вперед и упал на колени.

– По какому праву все люди чинят мне обиды?! – завыл он, то заламывая руки, то дергая себя за бороду и волосы. – Я спал, но меня грубо вытащили из постели, а когда я спросил, в чем дело, этот человек, – Нафан боязливо оглянулся на стоявшего у входа сотника, – велел мне замолчать и сказал нехорошее про моих родителей.

Моисей жестом отпустил сотника и остался наедине с Нафаном. Тотчас же в шатер заглянул Элиуд.

– Заходи и послушай, – пригласил его Моисей.

Элиуд вошел и остался стоять у входа, за спиной Нафана.

– Твой слуга сегодня вечером, совсем недавно, напал на меня с отравленным кинжалом в руках, – сказал Моисей, безуспешно пытаясь поймать взгляд Нафана. – Что ты можешь сказать по этому поводу?

– Кемон напал с кинжалом?! Не может такого быть! – Надо отдать Нафану должное – несмотря на волнение, притворялся он хорошо, если бы Моисей не видел своими глазами трупа своего несостоявшегося убийцы, то мог бы поверить Нафану. – Он перепелу шею свернуть не в состоянии, не то чтобы напасть на человека! Это какая-то ошибка! Кемон не мог ни на кого напасть! Он ушел набрать веток или каких-нибудь щепок про запас, это же сейчас великая ценность, костер нечем разжечь, а я лег спать! Кемон – убийца?! Да пожри меня Анубис, если это так!

– Не надо клясться чужими выдуманнами богами! – рявкнул Моисей. – Анубис тебя не сожрет, потому что нет никакого Анубиса, но я могу приказать бросить тебя собакам!

– Пощади! – Нафан побледнел и простерся ниц.

– Живьем! – добавил Элиуд.

Нафан, не поднимая головы, вздрогнул, словно от сильного пинка.

– Я не стану щадить тех, кто пошел против народа своего и чинит нам препятствия! – в ярости Моисей забыл о том, что намеревался сохранить второе сегодняшнее покушение в тайне. – Рассказывай правду! И начни с того, кто из вас кому подчинялся – ты Мардохею или он тебе?

Не разгибая спины, Нафан поднял голову и посмотрел на Моисея донельзя жалобным взглядом.

«Червь! Мерзкий червь! – подумал Моисей. – Презренный шпион!»

Так и подмывало плюнуть в лицо Нафана, но Моисею удалось сдержаться. Элиуд, судя по тому, что он закусил нижнюю губу, тоже удерживался от какого-то поступка в отношении Нафана.

– Что ты, Моисей, – залепетал он. – Я никому не подчиняюсь, а Мардохея мне приходилось лечить два-три раза, когда у него застаивалась желчь... Я не понимаю, что происходит и в чем меня обвиняют?

– В пособничестве египтянам, – ответил Моисей, дивясь наглости Нафана. – Неужели ты скажешь, что не чинил нам вреда по указанию фараона?

– Будь проклят фараон и все его потомство! – взвизгнул Нафан. – Я не собираюсь не только служить ему, но даже вспоминать о нем! Мы обрели свободу...

– Да! – Моисей воскликнул столь громко, что вздрогнул не только Нафан, но и невозмутимый обычно Элиуд, которого трудно было пронять чем-то или тем более напугать. – Да! Мы обрели свободу, а такие, как ты, тянут нас назад! Для чего ты хранишь у себя данукет, дающий право беспрепятственного прохода к фараону?! Отвечай и говори правду! Время обмана для тебя закончилось, теперь только правдой и раскаянием можешь спастись ты!

– Я ничего не знаю! – завыл Нафан. – Ничего! Данукет у меня был в Египте, но фараон забрал его вместе со своей милостью! Нет у меня никакого данукета!

Моисей переглянулся с Элиудом.

– Я – честный еврей, зарабатывающий на жизнь целительством! Я никому не причинял вреда! – бесновался Нафан, колотя кулаками по ковру. – Будь прокляты оклеветавшие меня! О-о-о! Почему я должен расплачиваться за другие грехи?! Пощадите!..

Моисей понял, что сейчас Нафан ничего полезного не скажет. Надо дать ему время на то, чтобы успокоиться, успокоиться самому, а то ведь не столько хочется разговаривать с предателем, сколько ударить его. Да и хорошо бы узнать, что найдет у Нафана Аарон, чтобы предъявить Нафану доказательства его измены. Нафан нагл, лжив и увертлив, как змея. Ничего, и на змей есть своя сноровка...

– Пусть его свяжут, посадят в крытую повозку и стерегут неусыпно, – распорядился Моисей. – Завтра продолжим.

Элиуд вывел Нафана из шатра, передал воинам и вернулся обратно.

– Отныне я спокоен, – сказал он, – двенадцать воинов, сменяя друг друга утром и вечером, станут охранять покой Моисея. И это воины из числа тех, против которых я поостерегся бы выйти.

Моисей не стал возражать. «Пройдет немного времени, и я попрошу оставить при мне двоих, как это и было, а остальных отошлю, – подумал он. – Но не сегодня...»

Он ждал Аарона, но прежде явилась Ципора в сопровождении обоих сыновей и поинтересовалась, когда Моисей собирается спать сегодня и не нужно ли ему чего. Нетрудно было догадаться, что Ципора, прежде никогда не являвшаяся к нему с подобными вопросами, не утерпела и решила собственными глазами убедиться в том, что с ее мужем все в порядке. Моисей поразился тому, как молниеносно распространяются слухи даже в ночное время, когда их, казалось, было некому распространять, потому что все спят. Однако же вот – по глазам жены видно, что она знает о втором покушении. Беспокойство в ее больших глазах сменяется радостью от того, что все обошлось благополучно, и мелькают укоризненные искорки – говорила же я тебе, чтобы ты был осторожен.

Моисей ответил, что ждет Аарона, а потом можно будет и лечь спать.

– Завтра стоим на месте, будет возможность немного отдохнуть, – добавил он, и Ципора ушла, уводя за собой сыновей.

Находки, сделанные Аароном, неопровержимо доказывали вину Нафана.

Аарон нашел у Нафана данукет, который уже видел Моисей.

Также он нашел письмо от верховного жреца бога Ра Римоса, известного своей близостью к фараону. «Возлюбленный брат мой Нафан, – писал Римос, и это обращение уже говорило о многом, потому что к кому попало верховный жрец бога Ра, главного бога Египта, так не обратится. – Подобно тому, как отец продолжает присматривать за сыновьями, обретшими самостоятельность, наш божественный владыка фараон Мернептах не оставляет и не оставит своим попечением евреев, хоть и не всегда бывают они благодарны ему так, как положено быть благодарными. Тебе, достойнейшему из слуг нашего божественного владыки фараона, поручаю я наблюдение за всем, что происходит среди евреев. Стань глазами, ушами, устами и рукой нашего божественного владыки фараона, говори с верными от его имени, а неверных карай, говоря: «Так велел фараон Мернептах». Рано или поздно раскаяние охватит евреев, и они вернутся в Египет, и тогда ты будешь возвышен и вознагражден по заслугам...»

Нашел Аарон и флакон с ядом, которым были смазаны стрела и кинжал. Флакон хранился с величайшей предосторожностью – он был положен в кожаный мешочек с завязками, набитый овечьей шерстью,

предохраняющей от разбивания, а мешочек хранился в деревянном ларце, тоже выложенном шерстью. Только сильный яд или какую-то опасную жидкость хранят с такими предосторожностями.

Но самой интересной стала четвертая находка – узкая полоска папируса, свернутая в трубочку и покрытая уже знакомой Моисею тайнописью.

– Это письмо было вложено в мешочек с какой-то сушеной травой, – сказал Аарон. – Я бы не нашел его, но Итамар начал щупать все мешки и нашел. Судя по всему, это письмо принес голубь. На таких узких клочках папируса египтяне обычно пишут то, что должны нести птицы.

– Голубь прилетает к нам из Египта? – удивился Моисей, не веря в такую возможность.

– Голуби особой породы, да еще и обученные должным образом, способны преодолевать и большие расстояния, не сбиваясь с пути, – сказал Аарон. – И к тому же они спустятся только к тому, кто подзывает их нужным способом – клекочет или издает еще какие-то звуки.

– Никогда не слышал о чем-то подобном, – сказал Моисей.

– Это способ сообщения между храмами, а жрецы не склонны выдавать свои секреты, – усмехнулся Аарон. – Я узнал о нем случайно, от одного жреца из храма Птаха в Мен-нефере. Он занимался обучением голубей, а также имел привычку напиваться и выбалтывать во хмелю храмовые тайны. Ты хочешь знать, что здесь написано?

Моисей кивнул, догадываясь, что в его руке – самая важная из находок.

– «Скорее отруби голову», вот что там написано, – сказал Аарон. – И я понимаю это так – скорее убей Моисея! Нет у нас другой головы, которую так бы сильно желал отрубить фараон, и ты, брат мой, знаешь это!

«Теперь Нафан признается и расскажет все! – подумал Моисей. – Такие доказательства сломят любое сопротивление, а он ведь не из самых стойких»...

Утром, как только отзвучали трубы, в шатер к Моисею и Ципоре вошел Иофор.

– Поздравляю тебя с благополучным избавлением от очередной беды, Моисей! – возвестил он с порога. – Удалось ли тебе поспать в

эту ночь?

– Только лег, и уже вставать! – ответила Ципора отцу.

Тон ее голоса был ласковым, с привкусом гордости. Она не осуждала и не жаловалась, а говорила: «Вот каков муж мой, Моисей, неутомимый и работающий».

Иофор обнял Моисея, а затем спросил:

– Помнишь ли ты, что вчера минуло ровно шесть недель после исхода из Египта?

– Помню! – ответил Моисей. – Как мне не помнить, если каждый день запечатлен в моем сердце навечно? Сегодня мы молимся и славим Господа за все, что он для нас сделал. Я надеюсь, что это будет благостный день!

Во время молитвы Моисей полностью отрешался от мирской суеты, потому что иначе и невозможно общаться с Богом. Поэтому он не услышал, как подбежал к шатру воин, и не услышал, что говорил тот охранявшему вход Амосии.

Чтобы не терять зря времени, Амосия послал воина за Аароном. Закончив молитву, Моисей вышел из шатра, приветствовать людей, и первое, что он услышал, были слова Амосии:

– Только что туда, где держали Нафана, пришли разъяренные люди. Они кричали: «Смерть изменнику». Людей было так много, что они отгеснили воинов, вытащили Нафана из повозки, в которой он лежал, и забили его до смерти!

– Как же так? – опешил Моисей. – Все случилось ночью, а уже рано утром толпа устроила самосуд над Нафаном? Тут не обошлось без подстрекательства!

Амосия пожал плечами, давая понять, что ему нечего добавить к сказанному.

Моисей прошел в шатер, предназначенный для дел, и сел там, в ожидании новостей. Сегодня, в субботу, он не собирался входить сюда, достаточно и того, что добрая половина ночи прошла в неотложных делах, лучше было бы обойтись без них. Но что поделать – придется заниматься делами. Самосуд не в обычаях еврейского народа, особенно сейчас, когда по совету Иофора поставлены начальники над тысячей человек, над сотней, над полусотней и даже над десятком. Нет, здесь не обошлось без злонамеренного подстрекательства, потому что не могут люди так вот сразу, едва пробудившись ото сна, пойти и

убить. Толпе нужно время для того, чтобы достичь состояния, подобного безумию, состояния, которое отключает разум и превращает людей в диких зверей. Случись нечто подобное ближе к полудню, еще можно было бы верить, что события развивались сами собой. Нет, не все враги выявлены, остался кто-то еще. Сколько же всего врагов?

Вместе с Аароном пришел Осия и рассказал, что виной всему простодушный и недалекий сотник Шомеш, который так вознегодовал на Нафана, предавшего народ свой, что, сопровождая его, громко бранился, несмотря на ночное время. Люди, разбуженные громким голосом Шомеша (сотники тихо разговаривать не умеют, они или шепчут, или говорят громко, во всю мощь своих бычьих глоток), могли собраться, обсудить новость между собой, вознегодовать и рано утром устроить самосуд. Можно было подумать так, но Моисей думал иначе. Не успела начаться суббота^[28], как на него набросился убийца с отравленным ножом. Только вышел утром из шатра – узнал об убийстве лекаря Нафана, хоть и предателя, но все же человека, а с людьми не годится поступать так, как поступили с Нафаном.

Нафан, похожий на один большой кусок окровавленного мяса (всю одежду с него сорвали), лежал возле повозки, и двое воинов охраняли его тело, не понимая, от кого его теперь надлежит охранять, разве что от хищных птиц и зверей. Игра, в которую нельзя проиграть, была проиграна Нафаном, причем проиграна так, что отыграться он уже не мог.

«Что будет дальше?» – сжималось в недобром предчувствии сердце Моисея. Если день начался столь плохо, то чем он должен закончиться? «Уповай на Господа и надейся на лучшее!» – одернул себя Моисей и спросил у Осии, можно ли будет найти тех, кто убил Нафана.

– Навряд ли, – ответил Осия, – я уже думал об этом. Но люди появились так внезапно и напирала на воинов столь рьяно, что те смутились и никого толком не запомнили. А когда все закончилось, люди быстро разбежались кто куда. Я похвалил сотника Шомеша за то, что у него хватило ума приказать воинам отступить, не вступая в стычку с толпой, и отчитал за то, что он не привык делать свое дело молча. Поистине другого такого ворчуна среди воинов не найти!

– Простим ему эту ошибку, – сказал Моисей. – То, что Шомеш не пошел против толпы, доказывает, что он умен. Другой бы, не думая,

затеял бы стычку, и трудно мне представить, что было бы тогда! Нет лучшего подарка для фараона, чем сражение еврейских воинов с еврейским народом! Не удивлюсь, если все это подстроил враг, и не удивлюсь, если именно на это он и рассчитывал!

– Еще один враг?! – изумился Осия.

Аарон посмотрел на Моисея с недоверием, словно хотел спросить: «В своем ли уме ты, брат?».

– Да, еще один враг, – повторил Моисей. – Ему могло быть выгодно избавиться от Нафана. Нафан многое мог нам рассказать. Заодно враг был бы не прочь возмутить наш народ и вовлечь нас в братоубийственную бойню. Если бы воины поразили хотя бы одного из нападавших, то сейчас бы уже кричали по всему стану: «Моисей приказал воинам истребить нас! Горе нам! Пора возвращаться в Египет!» Возьми Шомеша на заметку, Осия, и при первом же удобном случае сделай его тысячником, потому что он этого достоин. Только пусть он запомнит, что иногда лучше помалкивать, нежели говорить.

– Будет ли этому конец? – вздохнул Аарон.

– Конец есть у всего сущего! – раздраженно ответил Моисей, воспринявший слова брата как проявление малодушия. – Давайте помолимся Господу, попросим его сократить наши бедствия и продлить благоденствие наше.

Элиуд, заглянувший в шатер во время молитвы, тихо опустил полог и ждал снаружи. Когда Моисей вышел, он подошел к нему и посмотрел выжидательно, словно испрашивая позволения сказать. Моисей догадался, что дело у помощника не такое уж неотложное, иначе бы он не выжидал, но на всякий случай спросил:

– Что-то безотлагательное?

Элиуд отрицательно покачал головой.

– Тогда отложим до завтра, – сказал Моисей. – Сегодня суббота Господня, день молитвы и покоя. Достаточно с нас и того, что мы уже нарушили, не станем усугублять нарушения.

Было очень непривычно идти по стану в окружении воинов.

– Я чувствую себя неловко, – сказал Моисей Аарону. – Спереди идут два воина, сзади четверо и еще по одному по бокам. И все наготове, напряжены, как натянутая тетива. Уж днем-то можно обойтись без этого, а то я чувствую себя пойманным преступником.

– Столько всего случилось в последнее время, что я постоянно жду подвоха! – ответил Аарон. – Не говори о том, что количество воинов чрезмерно, потому что, на мой взгляд, неплохо бы было добавить еще.

– Ты, должно быть, шутишь! – воскликнул Моисей.

– Нет, не шучу, – покачал головой Аарон. – После того, что случилось сегодня с Нафаном, я не могу шутить. Люди осквернили субботу таким грехом, как убийство, и нет у меня уверенности, что кто-то не крикнет: «вот Моисей и Аарон, предавшие нас, убьем же их!» и толпа не набросится на нас. Если рядом с нами будет хотя бы полсотни воинов, то я буду чувствовать себя спокойнее.

– А если сами воины скажут: «Вот Моисей и Аарон, предавшие нас, убьем же их!», тогда что? – хитро прищурился Моисей. – Как можно защититься от народа своего, и у кого искать от него защиты? Если продолжить твою мысль, то можно дойти до того, чтобы вернуться нам с тобою в Египет, потому что там мы сможем не бояться евреев...

– Завидую я твоему самообладанию! – воскликнул Аарон. – Умеешь ты, брат, обратить любое дело в шутку, умеешь. Этого у тебя не отнять.

– Не пошутишь – не повеселишься, – ответил Моисей. – В субботу мы хвалим Господа и благодарим Его, и неподобаает нам печалиться в такой день. Ты думаешь, что мне не бывает грустно или страшно? Вчера погиб юный Иеффай, достойный и верный человек, а меня дважды пытались убить! Сегодня люди, поправ порядок и осквернив Божий день, устроили самосуд над Нафаном, которого следовало судить по законам, а не по праву толпы. Но если я сейчас не пройду по нашему стану бодрым и веселым, вселяя тем самым в слабых надежду и уверенность, то кто сделает это вместо меня? И разве не огорчатся добрые люди, если увидят меня в печали? Как по-твоему, зачем иду я сейчас по нашему стану? Затем, чтобы люди видели меня в добром здравии и бодром расположении духа и говорили бы: «Моисей весел и бодр, значит – все у нас будет хорошо».

Недоброе начало не сулит ничего хорошего – вскоре после полудня стан охватила смута. Если раньше люди просто высказывали недовольство или чего-то требовали, то сейчас они, казалось, обезумели. Никто не хотел слушать немногих разумных, призывы

старейшин остались без внимания. Огромная толпа окружила то место, где стояли шатры вождей, и намерения у этой толпы были откровенно недобрыми.

Толпа шумела и все сжимала кольцо вокруг шатров. Оба брата оказались правы – и Моисей, и Аарон. Люди озверели настолько, что от них с большим основанием можно было ждать недоброго, и в толпе, среди народа, попадались воины. Воины стояли не кучно, а разрозненно, каждый сам по себе, но их присутствие среди смутьянов уже не настораживало, а пугало. Если самые верные, те, кто привык к дисциплине и порядку, начинают бунтовать, то это неопровержимо свидетельствует о том, что народ в терпении своем дошел до последнего из пределов.

– Лучше бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом и ели хлеб досыта, чем умирать от голода в этой бесплодной пустыне!

Эти слова, многократно повторенные, разили, как гром небесный.

Лучше бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской...

Когда мы сидели у котлов с мясом и ели хлеб досыта...

Чем умирать от голода в этой бесплодной пустыне...

Внимание Моисея привлек воин, стоявший в первом ряду – еще совсем юный, безбородый, приятный лицом и взглядом. Когда взгляд воина встретился со взглядом Моисея, на лице его появилась растерянность, но вот воин оглянулся на стоящих рядом, чьи лица были искажены гневом, побагровел еще сильнее и выкрикнул, выбросив вверх сжатый кулак:

– Зачем ты погубил нас, Моисей?!

– Мы ели досыта в Египте! – загремела толпа. – Котлы наши были полны, а трапезы изобильны! Вернемся же!

От толпы исходила такая волна ненависти, что Моисея пробрал озноб, несмотря на то, что стоял он под палящим солнцем посреди пустыни Син.

– Сегодня они не разойдутся, покричав, – тихо сказал Аарон, едва шевеля губами, чтобы по ним издали нельзя было бы догадаться о сказанном. – Сегодня они настроены решительно, и сдастся мне, брат мой, что убийство Нафана было только началом. Люди злы, и их подстрекают, это все равно, что лить масла в пылающий огонь! Попробую поговорить с ними...

Аарон выступил вперед. Трое воинов из числа верных встали между ним и толпой, но Аарон раздвинул их и шагнул вперед.

– Еда вам дороже свободы, неверные! – начал он, понимая, что обычные увещания сейчас не помогут, потому что пламя гасится не каплями, а потоком воды. – Стыдитесь! Господь не оставит вас, если вы не будете гневить Его! Если захочет он, то накормит вас и накормит досыта раньше, чем вы того ожидаете! Будьте достойны тех благ, что вы желаете получить!

Толпа немного притихла – таким уж свойством обладал Аарон: когда он говорил, к его словам нельзя было не прислушаться, но вот кто-то крикнул:

– В Египте мы жили лучше, чем здесь! Дай нам вволю еды или веди нас обратно!

Толпа зашумела пуще прежнего.

– Вы привыкли быть рабами, вы привыкли, что хозяин проявляет о вас заботу! – ответил Аарон, повышая голос, насколько возможно, чтобы его услышало как можно больше людей. – Но разве не роптали вы, что египтяне держат вас в черном теле, плохо кормят и совсем о вас не заботятся?! Вы говорите: «дай нам еды», а сами не желаете поискать себе пропитания!

– В Египте мы жили лучше, чем здесь! – повторил кто-то.

«Сколько это будет длиться? – обреченно подумал Моисей. – Какой смысл уходить из Египта, унося его в сердцах своих? Как можно идти в Землю Обетованную и постоянно кричать притом: «давайте вернемся в Египет»? Смогут ли люди, некрепкие в вере и нестойкие духом, противостоят врагам? Амалекитяне нападут со дня на день...»

Всякий раз Моисей надеялся на то, что люди наконец образумятся, устыдятся своего недостойного поведения, наберутся стойкости, укрепятся в вере своей... Проходило совсем немного времени, и он с горечью убеждался, что надежды его не сбылись. Сбудутся они когда-нибудь? Хотелось бы в это верить, но, глядя на беснующуюся толпу, верить в хорошее трудно.

– Когда вы ели досыта мяса в Египте?! – спрашивал Аарон. – Один раз в год, когда забивали овцу?! Или два?! Чьи котлы были полны – ваши или ваших надсмотрщиков-египтян?! Кому вы лжете, люди?! Мне ли не знать вашей жизни, если я такой же, как и вы, и жил среди вас?! Да, были дни, когда вы ели досыта, но дней, в которые вы

недоедали, было гораздо больше! Вы трудились, а плоды трудов ваших пожинали египтяне, и лучшее они забирали себе! Кто-то из вас соскучился по ударам бича?! Кто-то забыл, что со скотом обращались лучше, чем с вами?!

– Мы терпим лишения! – не унимались люди.

– Терпим! – согласился Аарон. – Все мы терпим лишения, но мы терпели их и прежде! Только прежде будущее наше было беспросветным, ибо завтрашний день раба ничуть не лучше сегодняшнего или вчерашнего, а сейчас мы смотрим в будущее с надеждой, потому что ждет нас благословенная земля, Земля Обетованная, в которой заживем мы свободно и счастливо! Неужели счастье это не достойно тех лишений, которые надо претерпеть ради него?! Стыдитесь! Опомнитесь! Успокойтесь и просите Господа простить вам ваше неверие! Давайте помолимся все вместе, ибо нет лучшего дня для молитвы, чем суббота! Восхвалим же Господа и попросим его не оставлять нас заботами своими!

Призыв Аарона прозвучал так громко, словно он доносился с неба, а не с земли. Раскаты громового голоса возымели свое действие. Толпа мгновенно утихла, лица людей разгладились, и они опустили на колени. Кто-то стал на колени сразу же, кто-то чуть помедлил, но не осталось среди толпы никого, не пожелавшего принять участия в молитве. Преклонили колена и Моисей с теми, кто стоял подле него, только Аарон остался на ногах, чтобы его было хорошо видно отовсюду.

– Господи! – воззвал он, поднимая руки вверх. – Благословенно славное имя Твое!

– Благословенно славное имя Твое! – повторила толпа...

Закончив молитву, Аарон постоял недолго с поднятыми руками, а затем призвал:

– Расходитесь по своим шатрам и отдыхайте!

Люди начали неторопливо расходиться.

Аарон подошел к Моисею и сказал:

– Скоро Господь пошлет нам новое чудо, и сомневающиеся будут посрамлены. Чувствую – это случится сегодня же.

– Одно чудо мы только что видели, – ответил Моисей, восхищенно глядя на брата. – Люди готовы были взбунтоваться и учинить непоправимое, но ты начал говорить – и успокоил их. Я

завидую тебе, Аарон, завидую твоему умению говорить с людьми! Если бы я мог так...

– У каждого свой талант и свое предназначение, – ответил Аарон, явно польщенный похвалой брата. – Мне дано воздействовать на людей словом, а тебе дано вести их за собой...

– Я справляюсь не лучшим образом, – сказал Моисей, не давая Аарону закончить ответную похвалу. – Веду, но они то и дело хотят повернуть обратно. Плохой из меня предводитель!

– Тебя избрал Господь! – напомнил Аарон. – А Он выбирает лучших и никогда не одарит своим доверием недостойного! Ты не хочешь пройтись по нашему стану, чтобы люди смотрели на тебя и говорили бы: «Моисей весел и бодр – значит, все у нас будет хорошо»?

Только Аарон умел упрекать так мягко, что упрека не чувствовалось. Только он мог напомнить человеку о его долге так, что, казалось, человек сам вспомнил о нем. Моисей в сопровождении брата и нескольких воинов прошел по стану и воспрянул духом, увидев, что от бывшего возмущения не осталось следа – люди были спокойны, они молились или отдыхали. То и дело приходилось отвечать на приветствия, но ни один человек не крикнул вслед ничего обидного или злого. «Любая молитва – благо, – думал Моисей, – но та, которую творят все вместе, есть благо из благ. Вот собрались люди, и были они взволнованы, но брат призвал их помолиться, и снизошла на них благодать. В Земле Обетованной непременно устроим огромный храм, где можно будет собираться для вознесения хвалы Господу, и будет тот храм местом радости, а не так, как устроено у египтян...»

Фараон и жрецы строили храмы в честь своих идолов для того, чтобы запугать народ и держать его в повиновении. Оттого и были эти храмы мрачными, суровыми, навевающими страх. Храмы эти давили на человека всей своей мощью, и вошедшему в них хотелось лишь одного – поскорее выйти.

Чудо, которого ждали, случилось вечером, на закате. Откуда ни возьмись, прилетели перепела, и была их стая настолько велика, что окружила весь еврейский стан.

Перепел – птица вкусная. Египтяне ценили перепелов настолько, что увековечили в своем письме, придумав иероглиф в виде перепела. Радости людей, на которых буквально с неба спустилось благо, не было предела.

Птицы, утомленные длительным перелетом, были настолько легкой добычей, что сам процесс был скорее похож на сбор урожая, нежели на охоту. Люди брали перепелов руками, а те даже не пытались улететь, потому что у них не было сил на это. Самцы подавали голос и трепетали крыльями, а самки, которых было большинство, давались в руки спокойно, сознавая свое предназначение и не сопротивляясь ему.

Люди, ликуя, славили Господа, пославшего им пропитание в пустыне.

– Чего нам страшиться, если Господь заботится о нас?! – слышалось отовсюду.

Ароматный дым жарящейся на углях птицы стелился по лагерю. Добыча оказалась столь обильной, что люди не просто наелись, а объелись, потому что мясо перепелов портится скоро и мало кто рисковал оставлять часть еды на следующий день.

– Мы наелись на три дня вперед! – говорили люди, поглаживая себя по животам и сытно рыгая. – Как славно!

Они уже забыли свое недавнее возмущение, а может, просто не хотели вспоминать о нем. Сытый и голодный думают по-разному, сытость располагает к благодушию и кротости, а голод озлобляет и ожесточает сердца.

– Вот если бы каждый день было так... – мечтали некоторые.

– И раз в три дня было бы хорошо! – отвечали им другие.

После ужина к Моисею пришел Осия, пришел, можно сказать, скрытно, без сопровождения. Моисей удивился и, по выработавшейся уже привычке, ждал плохих новостей, но, к счастью, ошибся – новости оказались хорошими.

– Пришел человек от амалекитян и рассказал, что они готовятся напасть на нас близ места, называемого за свои просторы Рефидим^[29]. Они навалятся на нас всей своей мощью и надеются смять нас без особого труда. По сообщению перебежчика, среди амалекитян распространилась вера в легкую победу над нами. Они уже подсчитывают, кому что достанется из нашего имущества, а наиболее опрометчивые даже берут в долг под будущую добычу. «Евреи – не воины, – говорят амалекитяне. – Мы перебьем их без труда».

– Надежный ли человек твой перебежчик? – спросил Моисей, привыкший во всем ждать подвоха.

– Надежный, – кивнул Осия. – Он отрекся от нечестивых идолов амалекитян и уверовал в единого Бога, за что был бит бичом, а потом брошен в яму, и амалекитяне, по гнусному обычаю своему, намеревались содрать с него с живого кожу, но Господь послал ему спасение – путы на руках и ногах его внезапно разорвались, и он бежал. Я недоверчив, но стоит только заглянуть в глаза его, как веришь всему, что он говорит. Но, тем не менее, дозоры сменяются ежедневно, и врасплох амалекитяне нас не застанут.

– Как ты думаешь обороняться? – спросил Моисей.

– Противопоставлю их силе нашу, – ответил Осия, – вооружу всех, кого только можно, но часть воинов, не менее десяти тысяч, оставлю в нашем тылу, чтобы в случае поражения основного войска они задержали бы амалекитян и дали бы возможность старикам, женщинами и детям отступить в пустыню, увозя с собой имущество наше и уводя стада...

Эти слова Осии пришлись по душе Моисею и подтвердили, что он был прав, поставив Осию над всем войском. Похвальная предусмотрительность. Умный полководец всегда помнит о возможности поражения и принимает меры на этот случай. Поражение – беда, но гибель и разорение всего народа – это уже непоправимое несчастье. Молодец Осия.

– Кроме того, я учел, что во время сражения нам в спину может ударить кто-то из предателей, – продолжал Осия. – Я оставляю в тылу еще один отряд, численностью в две тысячи человек и пятьсот конных воинов. Они будут бросаться туда, где возникнет какая-то угроза или измена, и пресекать ее. Больше всего я опасюсь пожара, потому что нет хуже бедствия, чем пожар в тылу во время боя, но враг коварен, и ожидать от него можно любой подлости. Я поговорил со старейшинами и просил их выделить надежных людей, которые наблюдали бы за положением в тылу, каждый в порученном ему месте, и немедленно доносили бы старейшинам обо всем подозрительном, а те бы уже принимали бы меры. От пятнадцати до двадцати наблюдателей от каждого колена будет вполне достаточно. Так мы укрепим наш тыл и постараемся обезопасить себя от ударов в спину...

– Ты рассуждаешь мудро, Осия, – одобрил Моисей, – и предусмотрительность твоя радует меня, но скажи мне, какого ты мнения о боевом духе наших воинов?

– Когда выходят против тебя амалекитяне, боевой дух крепнет, – усмехнулся Осия. – Всем известно, что амалекитяне не любят брать пленных, разве что самых сильных мужчин могут они оставить в живых, чтобы те служили им, и всем известно, что амалекитянское рабство стократ хуже египетского. У египтян рабы живут хоть и плохо, но долго, и многие из них умирают от старости. Амалекитяне же изнуряют своих рабов непосильным трудом и беспрестанно осыпают побоями, потому что жестокость у них в обычае. Мало какой раб протянет у них дольше года, самое большее – двух. Потому воины намерены стоять против амалекитян до последнего и биться с ними насмерть, иначе нельзя. В бою с египтянами трусость может сохранить жизнь, в бою с амалекитянами она не поможет!

Обсудив дела, Осия хотел уходить, но Моисей задержал его.

– Скажи мне, Осия, – спросил он после небольшого раздумья относительно того стоит ли вообще спрашивать такое, – какого ты мнения о военачальниках Савее и Авенире?

– Савей надежен, но привык действовать прямо и рубить сплеча, – ответил Осия, не выказывая никакого удивления. – Туда, где может потребоваться действовать хитростью, его лучше не ставить, в хитростях он не искушен. Авенир же... Авенир – человек с двумя личинами. Одна из них – личина храброго воина и начальника, требовательного в своей суровости. Другая же – коварный сановник, привыкший больше полагаться на хитрость, нежели на правду. Авенира я никогда не поставлю туда, где за ним нельзя будет приглядывать, потому что не привык целиком полагаться на подобных ему. И все это я сказал, не вспоминая о том, что он выступал против моего назначения. Это мнение одного полководца о другом, не более того. Пока я начальствую над войском, Авенир и Савей будут среди тех, кто ведет в бой основные силы. Один, потому что его стихия – прямой удар, а другой, потому что ничего больше ему нельзя доверить.

– Может быть, Авенира стоит отстранить от командования воинами? – предложил Моисей.

– На то нет прямой причины, – ответил Осия, – да и вдобавок каждый воин у нас на счету, не говоря уже об опытных военачальниках. Зачем отстранять Авенира? Или есть нечто такое, чего я не знаю?

– Есть нечто такое, что я сам бы очень хотел узнать, – ответил Моисей, и на этом разговор с Осией закончился...

Утро принесло новое чудо. Солнце взошло, трубы протрубили, люди вышли из своих шатров и увидели необычное – все вокруг было покрыто мелкими белыми шариками, похожими на кориандровое семя, и было так во всем стане. Белые шарики лежали на камнях, свисали с ветвей кустов, они покрывали песок, и казалось, что пустыня побелела за ночь. Люди дивились, потом кто-то наклонился и взял несколько шариков в руку. Его примеру последовали другие. Вот кто-то растер удивительную находку в ладонях и понюхал, а потом лизнул... Первыми отважились попробовать самые смелые, они попробовали и закричали:

– Это вкусно, это хрустит на зубах и напоминает лепешку, обмакнутую в мед!

Другие тоже отведали, и очень скоро весь народ был занят сбором новой еды.

– Это – манна небесная, – говорил Моисей людям, – пища, которую вам послал Господь. Собирайте столько, сколько сможете съесть, не оставляя на завтра, потому что долго не сохранится она в жаркой пустыне. Если Господь дал вам пищу сегодня, то даст и завтра!

– Хвала Господу! – отвечали люди и радовались.

Манны было достаточно для того, чтобы питаться весь день, а на следующее утро ее собирали снова. То, что не успевали или уже не хотели собирать, таяло на солнце.

Глава 22

Родник в скале

Голубя подбил из пращи мальчишка. Птица низко кружила над станом, словно высматривала кого-то, и невозможно было удержаться от того, чтобы не бросить в нее камнем. Голубь не хуже перепела, его мясо питательно, а в пустыне любое съестное ценно вдвойне.

К правой ноге голубя был привязан тонкой нитью мешочек, а в мешочке лежал свернутый в тугую трубочку папирус, шириной с палец. Мальчишка не был бы мальчишкой, если бы не развернул папирус, но любопытство его не вознаградилось – он увидел множество точек, а не какую-то интересную картинку. «Наверное, птицы так пишут письма друг другу, – подумал мальчишка, – берут папирус и тычут в него клювом, вот и получают точки».

Вечером, когда встали на ночевку, мальчишка отдал голубя матери (гордость мужчины-кормильца переполняла его при этом), а папирус и мешочек показал отцу в доказательство тому, что птицы умеют писать, а голуби служат у них гонцами, приносящими письма.

Отец мальчишки был простым землепашцем по имени Рувим, но разумом его Бог не обделил. Он сразу догадался, что письмо написано не птицами, а человеком. Где это видано, чтобы птицы переписывались друг с другом! А вот люди переписываются, и те, кто строит козни, стараются сделать свои письма непонятными для других.

Землепашец Рувим не умел ни читать, ни писать, поскольку никогда этому не обучался, но он видел египетские иероглифы и видел, как пишут евреи. Письмо, которое принес сын, было не похоже ни на одно, ни на другое. «Дело неладно, – подумал землепашец, – не иначе как враги наши шлют друг другу послания таким образом». Не дожидаясь, пока жена изжарит голубя (да и что там есть, если делить на всех – пусть уж больше достанется сыну), он взял письмо, не забыв и про мешочек, в котором оно лежало, и показал его кое-кому из соседей, которые шли рядом и разбивали шатры тоже рядом. Соседи согласились, что дело и впрямь неладно. Тогда Рувим отправился к

своему старейшине – начальнику колена Завулонова Элиаву, сыну Хелона, и отдал письмо ему.

Элиав, едва увидев письмо, взволновался и поспешил с ним к Моисею, не забыв похвалить Рувима за находку и передав ему для удачливого сына его пару горстей сушеных фиников.

– Вот что попало в руки одному мальчику из моего племени сегодня днем, незадолго до того, как мы стали на ночевку, – сказал он. – И не будь я сыном своего отца, если это не тайные письма врагов наших!

– Письменами это назвать трудно, – ответил Моисей, рассматривая папирус. – Здесь одни лишь точки и ничего, кроме них. Но расставлены они в определенном порядке, и это наводит на размышление...

– Да и кто станет ради пустой забавы устраивать такое – писать письмо, шить из тонкой кожи вместилище для него, ловить голубя и привязывать к нему письмо! – добавил Элиав. – Ради пустой забавы можно хлопать в ладоши, петь или играть на флейте. Рувим сказал, что сын его подбил голубя, когда шел за воинами, охранявшими нашу казну!

– Казну? – встрепенулся Моисей, сразу же вспомнив о своих подозрениях в отношении казначея Манассии. – Элиав, прикажи привести мальчика ко мне, я хочу его расспросить лично.

Элиав тут же отправил посыльного. Спустя некоторое время красный от смущения мальчик и его запыхавшийся от быстрой ходьбы отец предстали перед Моисеем.

Отца Моисей попросил обождать снаружи, зная, что в присутствии родителей дети обычно бывают менее разговорчивыми. Мальчика же усадил рядом с собой, погладил по голове, похвалил за сметливость и как бы между делом, спросил:

– Ты шел рядом с отцом, когда убил голубя?

– Нет, – ответил мальчик. – Рядом с отцом идти неинтересно, он если не молится, то ворчит, если не ворчит, то молится. Я люблю идти вместе с воинами, они поют песни, рассказывают интересные истории, а один раз мне дали понести копье, и я нес его долго. В отряде, который охраняет казну, у меня есть друг – десятник Саул. Он на привалах обучает меня военному делу и обещал взять к себе в отряд, когда я вырасту!

– Молодец, не теряешь времени зря! – похвалил Моисей.

– Я скоро вырасту! – продолжил ободренный похвалой мальчик. – Я уже почти могу натянуть тетиву, а с пращей я управляюсь лучше любого воина. Сегодняшнего голубя я сбил с первого же броска!

– Расскажи мне, а как летел этот голубь? – спросил Моисей. – Кружил ли он над воинами и казной или же просто пролетал мимо? Или, может, он спустился и сел на чью-то повозку?

Интерес был обоснованным, потому что во время движения Манасия обычно ехал на коне рядом с казной или же садился в повозку, в которой везли свитки с записями и чистый папирус, счетные доски, запас камышовых палочек для письма и прочие необходимые для ведения счета и записей предметы. При этой повозке денно и ночью состоял особый человек, потому что записи о поступлении ценностей и произведенных тратах не менее важны для казначея, чем сама казна.

– Он сначала пролетел вперед, прямо над моей головой, а потом вернулся, поднялся чуть выше и начал выписывать плавные круги. Тут-то я его и подбил.

– Никто не просил тебя отдать то, что было у голубя? – на всякий случай спросил Моисей.

– Никто даже не заметил, как я его подбил, – мальчик вздохнул, совсем как взрослый, – потому что в этот момент у одной повозки сломалось колесо, и она перевернулась.

«Для взрослых какая-то перевернутая повозка важнее меткого выстрела из пращи», – прочел Моисей на лице мальчика.

Отца мальчика Моисей попросил сохранить произошедшее в тайне. Рувим опечалился и рассказал, что прежде, чем прийти к Элиаву, советовался с соседями и показывал им письмо. Моисей попросил его дать знать, если кто-то будет интересоваться судьбой письма (ничьих имен при этом названо не было), и отпустил.

Аарон долго вертел папирус в руках, даже на свет его разглядывал, а потом смочил палец слюной и потер ту сторону, на которой были точки.

– То невиданное диво, – сказал он, возвращая папирус Моисею. – Нигде и никогда не видел я ничего подобного и не слышал о таком. Но ясно, что это письмо таит в себе что-то недоброе для нас. Мардохей мертв, Нафана убили, к кому же прилетел голубь?

– Он кружил там, где мог быть Манассия, – напомнил Моисей.

– Или же тот, кто отправил голубя, не знал о смерти Нафана или Мардохея, – продолжал размышлять вслух Аарон, не слушая Моисея. – Кстати, брат, где ты планируешь сделать следующую остановку.

– В месте, называемом Рефидим, – ответил Моисей. – Нам невозможно миновать Рефидим, потому что, судя по всему, амалекитяне готовятся напасть на нас там и там действительно самое удобное место для нападения. Если мы пойдем мимо, то растянемся в длинную колонну и станем чересчур уязвимы. Лучше будет, если мы остановимся там в ночь на пятницу и, насколько возможно, подготовимся к обороне.

– С каждым днем мы все дальше отходим от моря, – Аарон прикрыл глаза, словно желая оживить воспоминания, – но чудо, которое явил нам Господь, уничтожив армию фараона, не меркнет и не забывается. Мы можем пройти дальше и еще один день провести в пути. К тому же, насколько мне известно, в Рефидиме нет ни одного источника, и люди, начав мучиться жаждой, снова станут обвинять тебя и меня и требовать возвращения в Египет.

– Хоть один источник, да найдется, – с уверенностью ответил Моисей. – Не бывает так, чтобы равнина подходила к горе и не было бы в том месте источников. Пойти дальше мы не можем, пока не устраним опасность, угрожающую нам от амалекитян, брат мой. Уповая на Господа, я не надеюсь на то, что он всякий раз станет уничтожать врагов наших, не давая им напасть на нас. Мы тоже должны что-то сделать ради нашего спасения и нашего блага. Мы остановимся в Рефидим и будем наготове! Но вернемся к письму. Может ли кто-то прочесть его? Есть ли сради нас такие сведущие люди?

– Не знаю, – пожал плечами Аарон. – Это какое-то очень тайное письмо. Я могу поговорить со старейшинами и спросить зятя нашего Калеба, а также кое-кого из торговцев, которые много странствовали и многое повидали. Вдруг то тайные письма сидонцев или нубийцев? Я думаю, что лучше мне будет переговорить с каждым в отдельности, чем собирать всех на совет. Мало ли что написано в этом письме. Может, там написано такое, чего людям лучше не знать. Пусть уж тот, кто сможет прочесть, прочтет при мне одном, а я передам тебе. Мне хватит сегодняшнего вечера и завтрашнего дня, чтобы опросить всех...

– Так будет лучше, – согласился Моисей.

Аарон встал, готовясь уйти, но вдруг задержался. Он не садился и ничего не говорил, но по выражению лица его было заметно, что он хочет что-то сказать.

– Говори, что хочешь сказать, – подбодрил брата Моисей.

– Я заговорил о Калебе и вспомнил сестру нашу Мариам, – голос Аарона был тих и говорил он смущенно. – Она недавно приходила ко мне и жаловалась на тебя.

– Мариам обижается на меня обоснованно, – признал Моисей. – Я все время пребываю в делах или в раздумьях и совсем забыл о ней, не навещал ее и не посылал к ней справиться о делах ее. А ведь она – наша старшая сестра, самая уважаемая женщина в нашей семье после матери нашей, и именно ей я обязан своим появлением на свет, ведь это она устыдила отца нашего, когда он перестал делить ложе с матерью. Завтра же исправлю свою оплошность и впредь...

– Не спеши, брат! – предостерег Аарон, поднимая вверх руку. – Не все так хорошо с Мариам.

– Сядь же и расскажи, что с ней! – встревожился Моисей.

Аарон опустил на подушку и поведал:

– Мариам сердится на тебя не из-за того, что ты не уделяешь ей внимания. Наша сестра – умная женщина, и она понимает, насколько ты занят. Печаль ее кроется в другом – она никак не может смириться с тем, что пребывая в стране Куш, ты сошелся там с дочерью правителя и жил с ней...

– Сколько можно вспоминать это?! – вспыхнул Моисей. – Сколько раз можно возвращаться к тому, что уже не изменить?! Или Мариам больше нечем занять себя?! Я объяснял вам не раз и больше повторять не намерен!

– Мариам считает, что именно в этом кроется причина наших невзгод, – Аарон испытующе посмотрел на брата. – Ты женился на женщине-чужеземке и жил с нею, несмотря на то что ваш брак не был освящен должным образом, и разве это не грех?

– То, что меня принудили к этому браку, ты знаешь! – сердито ответил Моисей. – И то, что я склонял жену мою поверить в нашего Бога и принять наши законы ты тоже знаешь. И то, что я оставил ее, когда понял все ее двуличие и то, что она хочет сделать меня кушитом-

идолопоклонником, ты тоже знаешь! Если Мариам охота думать обо мне плохо, то я не могу запретить ей этого. Пусть думает, если хочет!

– Она не просто думает, она еще и делится своими сомнениями с другими женщинами...

– А те делятся со своими мужьями, – подхватил Моисей, – потому что нет такой жены, которая не поделится сплетнями с мужем, и это мнение укореняется в народе, сея новую смуту. Придет день, когда мы будем терпеть какие-то лишения, и мне крикнут: «Виноват в этом ты, проклятый блудодей!» Мало беспокойства в нашем народе, что сестра наша добавляет еще и добавляет напрасно? Скорей бы я понял, если бы жена моя попрекала бы меня этим, но от жены я никогда не слышал подобных упреков, в отличие от вас с Мариам! Какое вам дело до того, что было, если я ответственен за это перед Господом, а не перед вами? Ты огорчил меня, Аарон, и Мариам меня огорчила, можешь так ей и передать.

Аарон слушал внимательно, не возражая, но в глубине глаз его таилось осуждение, которое он уже высказывал Моисею. «Что за родня у меня? – сокрушался в уме Моисей. – Зачем они то и дело бередят рану в душе моей? Вот если бы с Аароном случилось такое, то я сказал бы ему: «Давай забудем» и забыл бы первым. Или женщин такое свойство, что не могут они забывать? Но Ципора же не вспоминает, хотя я ей рассказал всю мою жизнь перед тем, как она стала моей женой, чтобы понимала она, кто ее муж. Ох, мало мне забот, так еще это...»

Идти к Мариам или приглашать ее к себе не хотелось. Моисей знал, что сестра вначале станет отмалчиваться, отворачивать взор, а потом, если и нарушит молчание, то ничего хорошего из этой беседы не выйдет. Пусть Мариам сначала успокоится, пусть «перегорит» ее недовольство, и тогда уже можно будет попросить ее больше никогда не возвращаться к тому, что случилось в стране Куш. Сам виноват – не надо было рассказывать, но, встретившись после долгой разлуки сначала с братом, а затем с сестрой, Моисей так обрадовался этому, что спрашивал их обо всем, что случилось в его отсутствие, и, в свою очередь, рассказал о том, что пережил сам. Зря, как оказывается, рассказал.

Элиуду Моисей поручил повнимательнее последить за Манассией.

– Я не забываю ни о нем, ни об Авенире с Савеем, – отвечал помощник. – Теперь, когда воины помогают Амосии в его деле, я спокоен и могу располагать большим временем. Скажу сразу – Манассия ведет себя не самым достойным образом, но это не то, что могло бы насторожить нас. Едва ли не каждую ночь он выходит из своего шатра, закутавшись в простой неприметный плащ и идет к какой-нибудь женщине. Есть две вдовы, которых он навещает в их шатрах, и есть женщина, которая иногда, но не часто, ждет его возле одной из повозок, той, в которой хранятся счета нашего казначея. Манассия уединяется с ней в повозке, но, судя по тому, как повозка скрипит и раскачивается, занимаются они там не кознями, а тем, чем мужчины занимаются с женщинами. Потом женщина уходит первой, а Манассия уходит чуть позже и возвращается в свой шатер. Идет крадучись, а возле своего шатра непременно оглядывается по сторонам, прежде чем нырнуть под полог. Два или три раза было так, что жена встречала Манассию криками и бранью. Ничего интересного, обычный блуд со свойственными ему предосторожностями и ухищрениями. Днем наш казначей постоянно находится на людях, а ночью ходит только к женщинам, и я могу сказать, что из оставшихся троих он наименее подозрителен.

– Есть что-то, свидетельствующее против Савея и Авенира? – заинтересовался Моисей.

– Ничего конкретного, – замылся Элиуд, – но к Изис, жене Савея, приходит великое множество людей – торговцы, гадалки, портные, повитухи...

– Повитухи? – удивился Моисей. – Зачем ей повитухи?

– Большинство их сочетает свое ремесло с приготовлением и продажей различных притираний – благовонных, омолаживающих, удаляющих волосы с тела, – ответил всезнающий помощник. – Вполне может случиться так, что кто-то из приходящих к Изис – посланец фараона, но мне пока не удалось прямо заподозрить кого-то в этом. Что же касается Авенира, то он в последние дни ведет не самые достойные разговоры, причем ведет их во всеуслышание, не таясь.

– Какого свойства эти разговоры?

– Это намеки, грубые намеки, которые я не хотел бы даже повторять, – нахмурился Элиуд. – Авенир не называет имен, но можно без труда догадаться, кого он имеет в виду.

Элиуд замолчал, не желая продолжать.

– Начал, так договаривай, – велел ему Моисей.

– Хорошо, я скажу. Не далее, как во время полуденной стоянки, воин, несший Авениру похлебку, случайно споткнулся и опрокинул чашу. – Авенир сначала выбралил его, а потом сказал, не обращая ни к кому определенно: «Там, где командуют юнцы, порядка быть не может». А еще он любит повторять: «стараниями предводителя вверглись мы в новую беду», если речь идет о каких-то бедах среди воинов, которыми он командует. Может показаться, что он говорит о себе самом, вот, мол, я, ваш предводитель и начальник, недоглядел, и потому это произошло, но если вдуматься...

– То становится ясно, что это сказано в мой адрес, – кивнул Моисей, не ожидавший от Авенира ничего другого.

Воду во время стоянки удалось найти не сразу, а запасы, сделанные несколько дней назад, закончились. Не желая оставаться в шатре и слушать доносящиеся снаружи упреки, Моисей собственноручно возглавил поиски. С ним шли Аарон, Нафанаил, сын Цуара, начальник колена Иссахарова, Элицур, сын Шедеура, начальник колена Рувимова, Эльсаф, сын Дзула – начальник колена Гадова, Шелумиил, сын Цуришаддая – начальник колена Симеонова, верный Осия, Элиуд и Амосия вместе с охраняющими Моисея воинами. Чуть поодаль за ними следовала толпа людей, внимательно наблюдавших за тем, что они делают. Элиуд отлучился ненадолго, чтобы послушать, о чем говорят эти люди, а вернувшись, доложил:

– Они следят за нами. Говорят: «Моисей вывел нас из Египта, чтобы уморить жаждою нас и детей наших и стада наши» и беспокоятся, что Моисей с приближенными собираются бежать.

– Сейчас пошлю за воинами и велю прогнать их! – вознегодовал Осия.

– Пусть смотрят, – остановил его Моисей. – Напьются первыми, как только мы найдем воду, и принесут добрую весть другим. Мне они не мешают, ведь я не делаю ничего постыдного или недостойного.

Искать воду непросто. Моисей не обладал каким-то особым чутьем на нее, а полагался на свой пастушеский опыт и на свой здравый смысл. Вот расщелина поросла мхом, а под ней зеленеет листвою куст тамариска. Если где-то в пустыне зелено, то именно там следует искать воду. Моисей подошел к расщелине и услышал слабое

журчание. Кроме этого, он почувствовал запах воды. У воды нет запаха, но любой источник, любой водоем имеет свой своеобразный запах, аромат прохлады, тонкий, но уловимый.

«Господи, благослови» – взмолился про себя Моисей.

– Здесь должна быть вода!

Сказав это, он что было силы ударил своим посохом по скале. Большой камень отвалился в сторону, мелкие осыпались вниз, и из скалы забил источник. По праву старшего и будучи причастным, Моисей первым поднес ладонь к источнику и попробовал воду.

– Хороша ли вода, брат мой? – спросил Аарон, первым из прочих справившийся с удивлением.

– Лучше не бывает! – ответил Моисей. – Чем больше терпишь жажду, тем вкуснее бывает вода, которой ты ее утоляешь.

Сзади донеслись радостные крики – люди увидели, что Моисей пьет воду, и возликовали. Кто-то приблизился, дожидаясь, пока можно будет напиться, кто-то, чья жажда была не столь сильна, как желание принести людям добрую весть, побежал к стану.

Рядом с первым источником нашлись еще два.

Суббота снова принесла тревожные вести. Первая оказалась тревожной, но ожидаемой, а другая – тревожной и неожиданной.

Около полудня дозорные увидели поднимающуюся вдали пыль. То шли амалекитяне, шли не торопясь, размеренно, и была в этой размеренности некая неотвратимость, уверенность в собственной победе, так кошка подходит к загнанной в угол мыши.

– Амалекитяне идут! – прокатилось по лагерю.

Никакого движения не произошло, потому что Осия заблаговременно расставил воинов так, как он собирался расставить. К тому же было известно, что амалекитяне никогда не нападают вот так, с ходу. Им непременно надо остановиться, навести порядок в своих рядах, военачальники их станут договариваться о том, как будут они вести сражение, а жрецы заведут свои тоскливые песнопения, испрашивая благословения у идолов, которым поклоняются амалекитяне. Так что если амалекитяне идут сейчас, то нападут они не ранее, чем следующим утром, да и то, если жрецы их сочтут этот день благоприятным. Из всех народов только нубийцы нападают с ходу, но они не знают ни построений для битвы, не правил ведения сражений, а просто как наступают всей ордой, так и вступают в битву, действуя

напролом. И еще колесницы фараона могут ударить с ходу, не останавливаясь и не готовясь, но это только в том случае, если египтянам известно, что враг их слаб и не искушен в военном деле. Например, на стан нубийцев могут внезапно налететь египетские колесницы, а на стоящих и успевших подготовиться к обороне евреев они так уже не нападут, поостерегутся. Еврейские воины служили в фараоновом войске, и им ведомы приемы борьбы с колесницами. Расступятся, пропустят в тыл и сомкнут ряды, чтобы осыпать стрелами сзади. Возницы не успеют развернуть лошадей, как все будут перебиты.

Один небольшой отряд пеших амалекитян, насчитывавший не более сотни человек, все же рискнул напасть. Возможно, то был не риск, а испытание на прочность (уж не обратятся ли сразу в бегство евреи?), или же то была демонстрация серьезности намерений – не ради переговоров и торга вышли мы против вас. Нападение было отбито воинами и отбито столь сурово и решительно, что из сотни обратно вернулись шесть или семь воинов. Евреи отразили нападение но не бросились опрометчиво в погоню. Они дали понять, что будут биться насмерть, и ждали большой битвы.

Воины молили Господа ниспослать им победу, и весь народ молился о том же. Перед лицом такой угрозы все распри и неурядицы были забыты, и трогательное единодушие распространилось по еврейскому стану. Люди относились друг к другу со всей возможной предупредительностью и великим участием, а старейшин и Моисея приветствовали радостными криками.

– Огорчает меня, брат мой, когда люди ропщут и высказывают недовольство, но когда я вижу то, что вижу сейчас – сразу же забываю все плохое, – сказал Аарон Моисею, когда они шли по стану после совместной с людьми молитвы. – Много недостатков у наших людей, но умение сплачиваться в трудное время – величайшее их достоинство. Сегодня я взираю вокруг с радостью и восторгом, несмотря на то что подлые амалекитяне близко.

– Я тоже радуюсь, – ответил Моисей, – но хотелось бы мне, чтобы народ наш был таким не только в виду великой опасности. Надеюсь, что так и будет.

Как только солнце село, в лагере амалекитян завывали пронзительно трубы и не менее пронзительно закричали жрецы. Дозорные

внимательно наблюдали за врагом, но амалекитяне как стояли там, где они разбили лагерь, так и продолжали стоять. Внезапно звуки оборвались, но спустя некоторое время возобновились снова.

Моисей в это время сидел в одиночестве в шатре и думал над тем, что он скажет воинам. Он не был речист, в отличие от Аарона, но сегодня именно ему было уместно говорить с воинами, как стоявшему во главе Исхода и отвечавшему перед Богом и народом за все, что происходит.

Вдруг в шатер вошел Аарон, покрасневшийся не то от быстрой ходьбы, не то от волнения. Был он без своего обычного посоха, из левого кулака его свисал витой кожаный шнур.

– Тебе удалось прочесть письмо? – спросил Моисей, вставая навстречу брату.

– В повозке нашли мертвого Манассию. Он перерезал себе горло, пока человек, приставленный стеречь повозку, ходил на молитву. Кровь, капающая из повозки, сразу же уходила в песок, поэтому Манассию обнаружили совсем недавно, благодаря собакам, которые подбежали к повозке и принялись громко лаять на нее. Манассия лежал на спине, а в правой руке его был зажат бронзовый нож из тех, которые используют в своих мерзких обрядах жрецы Анубиса. Эти ножи затачиваются до небывалой остроты и не тупятся годами. Манассии не пришлось прикладывать много сил для того, чтобы убить себя.

– Зачем казначею жреческий нож? – спросил Моисей.

– Зачем казначею убивать себя? – ответил вопросом на вопрос Аарон. – Когда Манассию вынесли, я порылся в повозке, но ничего такого, что могло бы связать Манассию с египтянами, я там не нашел. Разве что вот этот амулет, который висел у него на шее.

Аарон протянул к Моисею левую руку и разжал кулак. Моисей увидел превосходно отполированный зеленый камень с вырезанным на нем изображением погремушки, используемой египетскими жрецами во время своих обрядов.

– Малахит – камень богини Хатхор, – пояснил Аарон, – а погремушка – ее символ. Не иначе как этот амулет служил пропуском в храм Хатхор, где сластолюбцы предавались различным непотребствам в компании блудниц, называющих себя жрицами. Неудивительно, что Манассия так берег его, что постоянно носил при себе.

– Это может служить доказательством того, что он надеялся вернуться в Египет! – заметил Моисей.

– Может, – согласился Аарон. – Надо проверить казну и поискать в вещах Манассии, вдруг там что-то да найдется. Но если к тому, что около казны был убит голубь, несущий письмо, добавить внезапное самоубийство казначея, то...

– То это настораживает, – докончил Моисей. – Вдобавок надо учесть и то, что распутники, подобные Манассии, слишком жизнелюбивы для самоубийства. И потом у него была прекрасная возможность бежать, прихватив с собой много ценностей из казны. Люди были заняты молитвами и если думали о чем, то об амалекитянах, стоящих на нашем пути. Легко было покинуть лагерь незамеченным, если боишься разоблачения, зачем же кончать с собой? Знаешь, Аарон, скорее всего, кто-то убил Манассию и затем вложил нож ему в руку.

– Кто это сделал и зачем? – вскинулся Аарон.

– Это сделал враг, который среди нас, – Моисей тяжело вздохнул. – А причин может быть две. Если Манассия был причастен к чему-то, враг мог бояться, что он его выдаст, и страх разоблачения толкнул его на убийство. Если же Манассия ни к чему не был причастен, то его убили для того, чтобы мы приняли его за раскаявшегося или убоявшегося разоблачения врага. Но я чувствую, что наш враг жив и еще даст о себе знать!

Голова все больше тяжелела от дум, и Моисей, не зная, что ему делать и как искать искусно спрятавшегося врага, решил, не откладывая, посоветоваться с тестем, а потом уже идти к воинам и подбодрить их. В ночь накануне битвы никто не заснет, все станут готовиться, времени для общения с воинами хватит.

– Ты поступаешь правильно, когда ищешь предателя среди тех, кто навлекает на себя подозрение, – сказал Иофор, выслушав обстоятельный отчет Моисея о последних событиях. – Но из того, что ты рассказал мне, следует вывод о великой хитрости, великой осторожности и великой предусмотрительности нашего врага. Я бы на твоём месте стал бы обращать внимание не на тех, кто подозрителен, а на тех, кто никаких подозрений не вызывает. Предатель среди них!

– Но так ведь можно подозревать всех и каждого! – воскликнул Моисей. – И неизвестно, с кого начинать!

– Начни с самых близких и отдаляйся понемногу, – сочувственно сказал тесть. – Это очень тяжело, подозревать верных, надежных и достойных, но именно среди них легче всего спрятаться коварному врагу. Слуги фараона умны и никогда не станут делать ставку на человека, женатого на египтянке или на заносчивого и завистливого хвастуна. Вот меня бы они могли подкупить с огромной охотой, ведь я твой тесть, и никто меня не заподозрит.

Страшно было подумать, на что намекал Иофор, и страшно было спрашивать, на это ли он намекал или на что-то другое.

Глава 23

Сражение

Всю ночь Моисей вместе Осией и Аароном ходил между воинами и беседовал с ними. Не столько ободрял или вдохновлял, сколько говорил по душам. Присаживался к костру, вспоминал то время, когда сам был пастухом и ночами так же сидел у костра, вспоминал, как бежал из Египта, рассказывал, как явился ему Бог в горящем кусте. Если же видел, что воины угнетены, то вспоминал о недавней гибели войска фараона в море.

– Господу было угодно сохранить нас – и Он сохранил, – говорил Моисей, вглядываясь в лица воинов. – Уповайте на Господа, и будет вам завтра благо! И не только завтра, но и всегда, потому что Господь наш не оставляет своими заботами доверившихся Ему.

Если и после этих слов лица воинов не прояснялись и не ложилась на них печать умиротворения, то Моисей предлагал помолиться сообща. Там, где бессильны убеждения и увещевания, помогает молитва.

Осия помогал воодушевлять воинов.

– Что нам амалекитяне! – восклицал он, хлопая себя ладонью по колену. – Это ли войско, которого следует страшиться? Мы прошли выучку в египетском войске, и надо сказать, что то было настоящее войско, хоть я терпеть не могу египтян и всего египетского! Амалекитяне же – всего-навсего вооруженный сброд! Нападая вдесятером на одного безоружного, они мнят себя воинами, но стоит показать им копье или топор – обращаются в бегство! Не робейте, разите наповал, помните, что отступать нам в этой пустыне некуда! Наше спасение в нашей стойкости, так будем же стойки и встретим врага достойно!

Глаза Осии при этом сверкали, словно два маленьких солнца. Воины, как бы угнетены они ни были, приосанивались и начинали улыбаться – такое уж действие было у речей Осии, ободряющее и возвышающее.

После того как трубы протрубили восход, Моисей вышел перед воинами, которые вот-вот должны были ринуться в бой, и сказал им:

– Будьте храбры, сыны народа Израилева, и слушайтесь начальников ваших, ибо это достойные из достойнейших, а ведет вас на амалекитян Осия, сын Нуна, которому я доверяю и в котором уверен. С помощью Господа нашего и при Его неусыпном покровительстве мы одолеем любого врага! Ступайте же на презренных амалекитян, разгромите их и возвращайтесь к семьям вашим с победой! Господь да не оставит вас!

Перед битвой неуместны длинные речи. Сказав это, Моисей в сопровождении Аарона, Амосии и шести воинов из своей охраны поднялся на высокий холм, откуда удобно было наблюдать за сражением. На середине подъема их догнал племянник Хур, сын сестры Мариам.

– Мать сказала мне: «Иди к Моисею, вдруг потребуется ему твоя помощь», – сказал он, смущаясь и робея.

Моисей понял, что таким образом сестра пытается загладить свою вину и восстановить добрые отношения, бытовавшие между ними до тех пор, пока не вспоминалась в очередной раз дочь правителя страны Куш, будь она неладна!

– Молодец, что пришел! – сказал юноше Моисей и продолжил взбираться на холм.

Перед каким-то важным делом особенно ценны добрые знаки, а то, что сестра, которую Моисей, несмотря ни на что, искренне любил и почитал, решила сменить гнев на милость, определенно было добрым знаком.

Стоило только еврейским воинам шагнуть вперед, как передовые отряды амалекитян сорвались с места и побежали на них. Евреи шли молча, а их противники кричали так, что их, должно быть, слышали и в Египте, и в Сидоне.

Вложив всю силу в крик, амалекитяне ударили слабо и не смогли смять еврейские ряды. Нахлынув тучей, они тут же откатились назад, нахлынули снова и опять откатились. Половина из них осталась лежать на земле, а еврейские воины все шли и шли вперед, туда, где стояли главные силы амалекитян. Эти уже не бежали навстречу, а стояли на месте и ждали.

Боевой порядок евреев на ходу вытянулся и превратился в клин, который вошел в амалекитян подобно тому, как нагретый на солнце нож входит в подтаявшее масло. Но евреи не спешили углубляться

чрезмерно, потому что так можно было оказаться в окружении. Пройдя немного, они остановились, и началась битва, то есть – великое обоюдное истребление.

Преимущество было на стороне евреев, более стойких и лучше обученных воинов. Сказывалась и разница во внутреннем настрое – амалекитяне пришли пограбить, а евреи защищали себя, свои семьи, свой народ. Справедливость – не простое понятие. Справедливость – это великая сила, и тот, на чьей стороне она, имеет великое преимущество над врагом.

Вскоре после полудня амалекитяне вдруг стали одолевать, и показалось, что вот-вот они сомнут ряды еврейских воинов, но стоявший на холме Моисей громко, так, что голос его перекрыл шум битвы, начал молиться, а в стане, вторя ему, затрубили в трубы. Евреи сомкнули ряды и начали теснить врага с еще большей свирепостью. На одного раненого еврейского воина приходилось двадцать павших амалекитян, а на одного павшего – пятьдесят, вот таков был счет этого сражения.

Дважды еще пытались амалекитяне переломить ход сражения в свою пользу, и оба раза мужество и стойкость еврейских воинов помешали этому.

– Победа будет нашей! – кричали еврейские военачальники, подбадривая своих воинов. – Бейте врага! Конец его близок!

Осия сражался как лев, и те, кто видел его в бою, уже не могли сомневаться в его праве начальствовать над всем войском. Меч его вращался столь быстро, что его невозможно было увидеть. Казалось, что серебряная молния очерчивает круги вокруг Осии, не давая никому приблизиться к нему.

– Щенки! – кричал Осия амалекитянам, насмехаясь. – Несмышленные дети! Вам ли братья за оружие?! Вам ли выходить против воинов?! Повоюйте для начала с муравьями и мухами!

Амалекитяне ярились, напирали на Осию и падали, сраженные его мечом. Уложив холм из вражеских тел, Осия переходил на свободное место, где без помех можно было орудовать мечом, и все начиналось сначала.

– Это Ву-заал, семирукий демон пустыни! – кричали амалекитяне, убегая прочь. – Сам Ву-заал пришел на помощь евреям!

Согласно их поверьям, не было для смертного доли хуже, чем пасть от одной из семи рук Ву-заала, потому что души убитых им были обречены на вечную муку служения демону. Рабство пугает само по себе, а уж вечное рабство у демонов – тем более.

– Было бы у меня семь рук, ни одного из вас уже не осталось бы в живых! – отвечал им Осия и смеялся оглушительным смехом, похожим на рычание матерого льва.

Не обошлось без неприятностей в тылу евреев. Вдруг, откуда ни возьмись, появились в стане люди, которые начали сеять страх среди тех, кто не сражался, а с надеждой и тревогой (как же без тревоги!) ожидал, чем закончится сражение.

– Ливийцы идут! – кричали возмутители спокойствия. – Ливийцы идут на помощь амалекитянам! Конец наш пришел! Бегите! Спасайтесь!

Воины, оставленные в тылу, и те, кого старейшины поставили надзирать за порядком, получили приказ быть беспощадными в подобном случае. Осия предвидел, что враг попытается посеять панику в тылу, и принял меры. Тех, кто кричал: «Ливийцы идут на нас! Спасайтесь!», убивали на месте, копьем, кинжалом, топором или же просто побивали камнями. Видя, какая участь постигала паникеров, люди остерегались повторять за ними, и паника не получила того распространения, на которое рассчитывал враг, потому что большинство хранило спокойствие. И пусть то спокойствие было тревожным, но люди не разбежались по пустыне, а оставались там, где им следовало быть, под защитой воинов, охранявших тыл еврейского стана.

С заходом солнца оставшиеся в живых амалекитяне бежали, побросав не только свое оружие, но и свои припасы и все имущество, что было с ними в походе. Евреи преследовали их недолго, потому что не могли отдаляться от своего лагеря на большое расстояние, оставляя его без защиты. Велик был соблазн раз и навсегда покончить с проклятым коварным врагом, но благоразумие возобладало над жадной мщеньем, и остаткам войска амалекитян дали уйти.

После битвы Моисей спросил, где Савей и Авенир, потому что почти все военачальники попались ему на глаза, а этих двоих не было. Моисею сказали, что оба они нашли свою смерть в битве с амалекитянами.

Савей погиб в сече, в самой гуще ее. Каждый взмах его топора производил опустошение в рядах амалекитян, и никто не мог подступиться к могучему воину, охваченному яростью битвы. Он разил наповал и разил так мощно, что амалекитяне не успевали уклониться от его ударов и не могли отразить их. Поняв, что силой могучего воина одолеть не удастся, амалекитяне пошли на хитрость. Трое вооруженных копьями наступали на Савея, делая выпад за выпадом, а двое с топорами и кинжалами зашли сзади, изловчились и ударили одновременно так, что нельзя было отразить их удары, не подставив спину или бок тем, кто угрожал спереди. Савей на мгновение замешкался и был пронзен и изрублен.

– Будьте вы прокляты! – сказал он своим убийцам и умер.

Смерть Авенира была проще. Прилетела издалека длинная стрела с зазубренным наконечником и вонзилась Авениру в левый глаз. У него достало сил схватиться за древко и выдернуть стрелу, но наконечник остался в ране, и его, должно быть, смазали каким-то ядом, потому что Авенир вдруг посинел, пустил изо рта пузырящуюся пену, рухнул наземь, и, пока он падал, жизнь успела покинуть его.

– Он погиб как достойный воин, – сказали о Савее те, кто видел его гибель.

– Стрела оборвала его жизнь, – сказали об Авенире и более ничего не добавили.

– Авенир мог бы приказать своим воинам отступить, и его никто бы не упрекнул в этом, поскольку на них пришелся основной удар амалекитян, – сказал Моисею Осия, когда они обсуждали итоги битвы. – Но он только говорил: «Не поддавайтесь и будьте стойкими!» Так ведут себя только верные.

«Я ошибался, подозревая их, потому что оба они были достойными сынами нашего народа и хорошими военачальниками», – подумал Моисей, и сердце его сжалось от боли. Если бы Савей и Авенир были живы, то вина его перед ними не ощущалась бы столь остро. Была бы возможность загладить ее хорошим отношением, какими-то поступками, можно было даже сказать прямо: «Простите мне, что думал о вас плохо». Много можно исправить, пока жив человек, и совсем ничего нельзя исправить после его смерти.

На том месте, где бились с амалекитянами, Моисей повелел воздвигнуть благодарственный жертвенник в честь победы.

Всеобщей радости не было предела. Казалось, что солнце светило ярче обычного, а звезд на небе стало втрое больше. Песни сменялись смехом, а смех песнями – так велико было ликование в еврейском стане.

– Народ наш обрел уверенность в своих силах! – радовался Осия.

– Народ наш укрепился в своей вере и понял, что Господь всегда с нами, что всегда Он помогает нам, – отвечал ему Моисей.

– Теперь мы можем без опаски пребывать в пустыне, потому что больше никто не решится напасть на нас! – продолжил Осия и тут же, спохватившись, добавил: – Но воины наши продолжают нести свою службу так же, как и прежде, и все дозоры на своих местах. А из доставшейся нам добычи меня больше всего радует захваченное оружие, благодаря которому мы сможем увеличить количество наших воинов. Одно только огорчает меня – я осмотрел тела убитых изменников, которые пытались посеять панику в нашем тылу, и не нашел среди них никого, кто мог бы сойти за их предводителя. Всего убито одиннадцать человек, если этих шакалов можно назвать людьми, и десять из них опознано. Все они принадлежат к разным коленам, везде у нашего врага были свои люди, а одиннадцатого побили камнями, и лицо его стало неузнаваемым, но судя по мозолистым рукам, он из простых людей, а враг наш не из их числа. Змея где-то затаилась и ждет нового случая!

– Нового случая больше не будет! – твердо ответил Моисей. – Скоро я должен буду оставить вас на время, потому что Господь призывает меня, и до этого срока я обязан найти предателя, чтобы можно было мне оставить народ мой, не беспокоясь в отношении того, что может случиться в его отсутствие! И, как мне кажется, я уже знаю имя нашего врага!

Глава 24

Прозрение

После разговора с Иофором Моисей многое успел передумать. Он ходил по стану, разговаривая с воинами и другими людьми – и думал. Он смотрел на амалекитян, выстроившихся для битвы – и думал. Он стоял на холме, наблюдая за сражением, и продолжал думать. Нет, в первую очередь мысли его были заняты тем, что происходило вокруг, но какая-то частица разума отвлекалась от происходящего и пыталась найти ответ на вопрос, уже много дней мучивший Моисея.

«Я бы на твоём месте стал бы обращать внимание не на тех, кто подозрителен, а на тех, кто никаких подозрений не вызывает. Предатель среди них!» – сказал тесть. А ещё он сказал: «Начни с самых близких и отдаляйся понемногу».

Моисей так и сделал – начал с брата своего Аарона.

Аарон знал обо всем, что происходило среди евреев. И явное, и тайное было ведомо ему. Враг умел наносить упреждающие удары? Аарону несложно было бы так поступать.

В каждом колене у Аарона были доверенные люди. Кто-то передавал его слова людям, кто-то, наоборот, приносил сведения. Аарону нетрудно бы было при желании сеять панику среди людей или же вызывать возмущение.

Аарон был старшим братом, но по воле Господней случилось так, что он стал подчиняться младшему. Моисей всячески подчеркивал свое уважение к брату и никогда не скупился на похвалу, но уязвленное самолюбие могло толкнуть Аарона на скользкую стезю предательства. Урон, нанесенный самолюбию, способен привести к тому же результату, что и желание выслужиться перед фараоном. Брат пошел против брата? Да вся история наследования власти в Египте просто кишит примерами братоубийства! Почему бы среди евреев не случиться тому, что не раз происходило среди египтян? Что, если Аарон хочет сместить брата и занять его место, стать вождем народа Израилева? Надо признать, что Аарон справился бы не хуже его самого. Он умеет разговаривать с людьми и никогда не решает, не обдумав, а для вождя эти качества самые важные.

Недовольство народа, когда бы оно ни высказывалось, неизменно направлено против Моисея! Не против Исхода вообще, а против Моисея. «Куда ты нас ведешь, Моисей?!» – кричат люди. Ни разу не случилось так, чтобы кричали только: «Куда мы идем?! Зачем?! Давайте вернемся!» и не поминали бы имени Моисея и не обвиняли бы его. Иногда даже могут крикнуть нечто обидное и Аарону, но это случается крайне редко и может быть намеренно устроено для того, чтобы усыпить подозрения Моисея.

Брат умеет разговаривать с толпой? А в чем корень этого умения? В умении говорить складные речи или же в том, что все подстрекатели умолкают, стоит только Аарону обратиться к народу. Или же начинают тихо нашептывать: «Вот Аарон, тот, кому лучше подходит быть нашим предводителем!».

Моисей никогда не слышал, чтобы так говорили, но стоило только подумать, как эти слова явственно прозвучали в ушах. «Песок не перемещается без ветра», – говорят мадианитяне, и они правы. И уж по собственному ли почину то и дело вспоминает сестра про дочь правителя страны Куш, обвиняя Моисея в грехе? Уж не Аарон ли тайком подзуживает ее?

«Нет! – ужасался Моисей своим мыслям. – Не может такого быть! Это брат мой, Аарон, назначенный мне в помощь самим Господом! Кого подозреваю я в злом умысле?! Как можно?!»

Моисей начинал истово молиться, прося Бога вразумить его, но эта его просьба оставалась без ответа. Проходило немного времени, и раскаяние исчезало, а дурные (или же, напротив, умные?) мысли возвращались. Так и подмывало поговорить с братом начистоту, «встать сердцем против сердца», как выражаются египтяне, но от этого удерживал здравый смысл. Если Аарон ни в чем не повинен, то необоснованное подозрение может обидеть и оттолкнуть его, порушить всю любовь и приязнь между братьями. «Как ты мог подумать такое, Моисей?!» – скажет брат, и всё – не будет больше брата, останется только Аарон, сын Амрама и Иохаведы. Можно называть одного и того же человека отцом, одну и ту же женщину матерью и при этом не быть братьями, такое случается. Достаточно вспомнить фараона Мернептах и Хаэмуаса, другого сына Рамсеса II и царицы Иситнофрет. Хаэмуас, по воле отца своего, стал верховным жрецом бога Птаха^[30] в Мен-нефере, а Мернептах унаследовал трон.

Казалось бы, что между фараоном и его родным братом, верховным жрецом, должны царить любовь и взаимопонимание, ведь они братья и им нечего делить – один обладает высшей властью на земле, а другой является верховным жрецом. Но на самом деле все обстоит иначе. Вместо того, чтобы возвеличить брата и поставить его над прочими верховными жрецами, фараон Мернептах приблизил к себе верховного жреца бога Ра по имени Римос, который теперь считается в Египте первым среди верховных жрецов. Хаэмуас не остается в долгу – всему Египту известно, что жрецы Птаха всячески прославляют покойного фараона Рамсеса II, а о Мернептахе никогда не упоминают, словно его и не существует вовсе. Если так будет продолжаться и дальше, то настанет день, когда септ^[31] Мен-нефер отколется от остального Египта и там станет править верховный жрец Хаэмуас... но пусть египтяне делают, что хотят, у них свой удел, и незачем про них вспоминать! Заглянуть бы в душу Аарону!

Это случилось во время сражения с амалекитянами, когда показалось, что они берут верх и вот-вот еврейские воины дрогнут и побегут. У Моисея уже не было сил держать руки поднятыми, но Аарон поддержал правую руку Моисея и крикнул племяннику Хуру: «Делай, как делаю я!» Этот поступок Аарона и то, каким преданно-ободряющим взглядом смотрел он на Моисея, словно говорил: «Ты – наш вождь, и тебе предстоять перед Господом», выкорчевали все сомнения и подозрения в отношении брата. «Аарон чист передо мной», – понял Моисей, и было это знание ясным и незамутненным, как откровение, ниспосланное свыше. Аарон продолжал держать руку брата, когда амалекитяне повернулись и побежали, а когда стало ясно, что победа евреев состоялась окончательно, обнял его, прослезившись от радости. На глаза Моисея тоже навернулись слезы, то были не только слезы радости, но и слезы раскаяния. Стыдясь, Моисей не сразу решился взглянуть в глаза брату, но тот принял стыд за проявление усталости и вместе с Хуром отвел Моисея в шатер, где передал его попечениям Ципоры. Вот таков брат Аарон, и только лишившись разума, можно было подозревать его!

«Начни с самых близких и отдаляйся понемногу», – сказал Иофор, и если следовать этому правилу, то следующим после Аарона шел Элиуд.

Элиуд – верный, надежный помощник, неустанный и вездесущий, тот, кто исполнял поручения и охранял Моисея.

Тот, кто нашел данукет в повозке Нафана!

Тот, кто предстал под видом предателя перед Мардохеем, Нафаном, Авениром, Савеем и Манассией!

Тот, кто не успел задержать Мардохея!

Тот, кто всегда появляется вовремя!

Тот, кто высказывал весьма дельные суждения и радовал своей сообразительностью, своей осторожностью и своей предусмотрительностью!

Тот, кто убил слугу Нафана, напавшего на Моисея с отравленным кинжалом!

Тот, кто тысячу раз имел возможность убить Моисея, потому что Моисей не ждал от него зла и полностью доверял ему! Имел возможность, но не убил!

А почему не убил?

Есть такое правило, уловка мудрецов и хитрость разумных. Если что-то мешает тебе прийти к определенному выводу или объяснить какое-то явление, то не обращай на это «что-то» внимания до тех пор, пока не определишься, а потом уже попробуй понять его, исходя из тех выводов, к которым ты пришел.

Моисей перестал принимать во внимание то, что Элиуд убил слугу Нафана, напавшего на него, и то, что Элиуд имел возможность его убить, но не убил. Если поступить так и учесть, что Элиуд пользовался полной свободой, что он обладал самыми полными сведениями обо всем, происходившем в стане, что Моисей полностью доверял ему, как верному человеку и сыну достойных родителей... По всем статьям выходило, что Элиуд без особого труда мог вредить и ускользать от ответственности, потому что знал обо всех намерениях Моисея, а нередко и сам осуществлял их.

Или притворялся, что осуществляет...

Никто из тех, к кому приходил Элиуд и говорил, что хочет убить Моисея, не донес на него. А приходил ли к ним Элиуд? И говорил ли то, о чем было условлено? Моисей знал обо всем (или думал, что знает) только со слов Элиуда, которому всецело доверял, и в сказанном им не сомневался нисколько. А что, если Элиуд не приходил ни к кому или приходил, но не говорил про то, что хочет убить Моисея? Если не

было ничего такого, то кто мог донести и о чем могли донести? Никто и ни о чем! И тогда подозрения Моисея в отношении Мардохея, Манассии, Авенира, Савея и Нафана упрочились, и от того, чтобы выбрать из пяти подозреваемых одного предателя, он пришел к тому, что начал подозревать в предательстве едва ли не всех и запутался окончательно. А настоящий враг радовался и без помех делал свое дело! Свое черное дело!

Элиуд мог убить Мардохея и представить случившееся как самоубийство. То же самое он мог устроить с Манассией! Моисей сам сказал ему о своих подозрениях, и участь казначея была предрешена! А как упорно отрицал свою вину Нафан! Удивительное упрямство избличенного врага могло быть отчаянием ловко оклеветанного невинного человека! И эта странная гибель от рук людей, возмущенных предательством. Вина легла на чересчур разговорчивого сотника, но был ли он виноват на самом деле?

– Господи, как ты мог допустить, чтобы при выборе помощника мой выбор пал на врага?! – воскликнул Моисей.

Хотелось бить себя по щекам, хотелось рвать на себе волосы, хотелось выйти к людям и просить у них прощения за то, что пригрел у себя на груди змею, жалившую весь народ. Хотелось сказать людям: «Не говорите больше «мудрый» обо мне, а говорите «глупец из глупцов»!»

Воскликнул и сразу же сам ответил на свой вопрос – то было испытание мудрости. Народный вождь должен видеть не только путь в Землю Обетованную, но и то, что происходит у него под носом. Иначе какой он вождь? Постепенно, подобно тому как из кирпичей (ох уж эти проклятые кирпичи, ставшие для евреев олицетворением египетского рабства!) строится дом, так из отдельных суждений выстраивалось убеждение в предательстве Элиуда.

Начиная с того, что молодого человека, обуреваемого свойственными молодости великими надеждами и мечтаниями, легче склонить к измене, нежели зрелого мужа, отца семейства и уважаемого старейшину.

Заканчивая тем, что никто, кроме Элиуда (разве что Аарон, подозревать которого теперь уже было невозможно), мог сделать все, что сделал предатель, и не попасться.

Утвердившись в своем мнении, не окончательно, потому что для этого следовало бы испытать Элиуда, но, все же утвердившись, Моисей дал ответы на оба вопроса, о которых на время предпочел забыть.

Почему Элиуд убил слугу Нафана, напавшего на Моисея с отравленным кинжалом? Да потому что Амосия заслонил собой Моисея и стало ясно, что покушение не удалось. Убивая нападавшего, Элиуд устранял сообщника, который мог его выдать, и вдобавок доказывал Моисею свою преданность. Сколь быстро он соображает! Сколь верны его решения, пусть даже и принятые скоропалительно! Ах, как жаль, что столь одаренный молодой человек предал свой народ вместо того, чтобы служить ему верой и правдой!

Почему Элиуд, имея возможность убить Моисея, так не убил его? Да потому что метил в вожди еврейского народа или, что вероятнее, собирался начальствовать над ним в Египте по велению фараона и не хотел пятнать свое имя коварным убийством. Никто не любит тех, кто убивает доверившихся им. Поэтому Элиуд и установил в шатре Моисея устройство, стреляющее само по себе, но сам не поразил его. Или же, что тоже весьма вероятно, он сначала собирался запугать, унижить, лишит самообладания, а потом уже убить. Может, и отравленная стрела неспроста пролетела мимо? Убей Моисея, пребывающего во всем величии своей славы, и люди станут оплакивать его, сожалеть по нему и продолжат идти в Землю Обетованную, потому что того хотел Моисей. А если лишит Моисея самообладания, выставить жалким и сомневающимся, то результат будет иным. «За кем мы пошли?!» – ужаснутся люди, и повернутся они, и пойдут обратно в Египет. В таком случае Моисея можно и не убивать, потому что он сам умрет от великого горя, будучи не в силах вынести того, что народ от него отвернулся. Нет, нападение слуги лекаря было не покушением, а стремлением очернить ни в чем не повинного Нафана и заодно упрочить свое положение, доказав свою верность! Насколько коварен и хитроумен Элиуд! Это он таков или кто-то из искушенных в интригах египтян руководит им? Скорее всего сам таков, потому что заранее всего предусмотреть невозможно, а на таком расстоянии обмен мнениями затруднен. Ах, Элиуд, Элиуд, недостойный сын достойных родителей!

Свои умозаключения Моисей не стал обсуждать ни с кем. Всегда, сколько ни думай и как ни размышляй, сохраняется некоторая вероятность ошибки, и если он снова ошибся, то пусть вся ответственность ляжет на него одного. Он пригласил к себе на совет Аарона, начальников над коленами и Осию. Элиуда особо не приглашал, но перед самым началом, когда уже сидели в шатре почти все и ждали Осию, сказал ему: «Останься и ты». Моисей прилагал очень много усилий к тому, чтобы ничем – ни жестом, ни словом, ни даже движением брови не выдать своих подозрений, и это ему удалось. Элиуд ничего не заподозрил, а что касается совета, то надо было обсудить победу над амалекитянами и те преимущества с выгодами, что дала она, прежде, чем идти дальше. Кроме того, следовало решить, как наградить отличившихся, и еще кое-какие дела требовали обсуждения.

Увеличивать число воинов, охранявших его, Моисей не стал – это бросалось бы в глаза и могло насторожить Элиуда, а весь успех того, что он задумал, был заключен во внезапности. Лишь одну предосторожность предпринял Моисей – вышел навстречу Осии, оказывая ему заслуженный почет, и, улучив момент, шепнул Амосии: «Кто бы ни попытался бежать – задержи его». Амосия едва заметно кивнул, давая понять, что исполнит все в точности. Он был из тех, кто не нуждается в разъяснениях.

Моисей начал с краткой совместной молитвы – благодарности Господу за все, что он сделал для евреев и сделает еще. Затем он поблагодарил еще раз Осию, поблагодарил начальников над коленами за то, что они должным образом следили за порядком в стане во время сражения с амалекитянами и окружили заботой раненых воинов, а потом вдруг сказал, стараясь не меняться ни в лице, ни в голосе:

– Здесь сидит тот, кто вредил нам со дня выхода из Египта и оставался непойманным! Встань, Элиуд, пусть люди посмотрят на тебя!

«Кошка убегает, значит – нашкодила», – говорила мать. Моисей рассуждал так – если Элиуд невиновен, то он начнет удивляться и оправдываться, но бежать не подумает. Честный еврей не станет бежать от народа своего, потому что бежать ему некуда. Если же Элиуд – враг, то он постарается спастись бегством, ибо другого спасения у

него нет и быть не может. Надеяться на снисхождение? Какое может быть снисхождение после того, что он сделал? Никакого!

Элиуд, как самый младший из собравшихся по возрасту и положению, сидел у самого входа в шатер, что способствовало бегству. «Если он виновен, то убежит», думал Моисей.

Иногда и мудрейшие из мудрых бывают недальновидными и опрометчивыми. Моисей предусмотрел два варианта развития событий, но совершенно не предусмотрел третьего. Он не мог предположить, что ненависть Элиуда к нему будет столь велика, что ради утоления ее Элиуд пренебрежет спасением. Он забыл о том, что змея иногда предпочитает нападение бегству, а леопард, за которым подчас не угонится и стрела, скорее нападет, чем убежит.

Элиуд, услышав свое имя, вскочил, будто подброшенный кверху невидимой рукой. Вперив в Моисея взгляд, который смело можно было назвать «огненным», ибо ненависть, кипевшая в нем, обжигала, он выхватил из ножен кинжал и с криком: «Умри же, проклятый!» бросился вперед.

Моисей, застигнутый врасплох, не успел бы ни уклониться, ни тем более отразить удар, но Осия, сидевший на самом почетном месте по правую руку от него, поступил так, как будто ждал нападения. Сработала выучка воина, привычка всегда быть готовым отразить вражеский удар. С устрашающим криком, от которого, как показалось Моисею, затрепетали стены шатра и взметнулся вверх полог, Осия вскочил и с обнаженным кинжалом в руке (когда только успел его выхватить?) устремился навстречу Элиуду. Он поразил предателя в самое уязвимое место, не прикрытое кожаным доспехом – в шею. Поразил, выдернул кинжал из раны и для верности оттолкнул Элиуда прочь, подальше от Моисея. Заливая все вокруг алой кровью, что била фонтаном из раны, предатель рухнул на спину, содрогнулся, прохрипел нечто неразборчивое и умер.

Аарон и старейшины с изумлением наблюдали за происходящим. Амосия, вбежавший на крик, так и стоял с копьем в руках, закрывая собою вход. Моисей только сейчас осознал, что произошло и что могло бы случиться, не вмешайся так вовремя Осия. Сердце его преисполнилось благодарности, но с ее выражением следовало подождать, потому что снаружи слышались встревоженные голоса – крик Осии был услышан многими.

– Амосия! – сказал Моисей, стараясь говорить спокойно. – Выйди, скажи людям, что все в порядке, и возвращайся к нам.

– Все хорошо! Занимайтесь своими делами! – прокричал Амосия и вернулся, как ему было велено.

Моисей обвел взглядом собравшихся. Кто-то качал головой, кто-то вытирал с лица и рук брызги крови, Элиав, сын Хелона, начальник колена Завулонова, закрыл лицо руками, явно переживая по поводу того, что предатель был из его колена. Осия брезгливо отер кинжал об латы Элиуда, вложил в ножны и вернулся на свое место.

– Пообещайте мне, что никто из вас никогда не расскажет никому о том, что вы только что видели! – призвал Моисей, вставая на ноги. – «Никому» означает «никому» и не имеет исключений. Ни словом, ни намеком не должны вы проговориться!

Все тоже встали и хором, но немного невпопад, ответили:

– Обещаем!

Элиав отнял руки от лица, но смотрел в сторону.

– Не стыдись, достойный Элиав, – сказал ему Моисей. – Если кому-то и надлежит стыдиться, так это мне, ведь подлый предатель долгое время входил в число тех, кому я доверял безгранично, доверял, как самому себе.

Элиав вздохнул и сказал сокрушенно:

– Как я не разглядел в нем червоточины!

– Все мы не разглядели, – ответил Моисей. – Впредь будем умнее и осмотрительнее, а имя предателя пусть будет забыто, ибо нет худшего наказания для человека, чем забвение. Да сотрется память о нем из памяти народа нашего!

– Да сотрется! – признали все.

– Заверни его в покрывало, унеси, зарой где-нибудь и забудь это место, – велел Моисей Амосии.

Тот исполнил повеление и унес труп предателя так легко, словно нес на плече куропатку или ягненка.

– Нет меры, которой можно измерить мою благодарность тебе, достойный Осия, – сказал Моисей, оборачиваясь к своему спасителю. – Недавно ты спас народ наш, а сейчас спас меня!

– Господу было угодно спасти Моисея, и Он направил мою руку, – скромно ответил Осия и склонил голову.

Моисей обнял его, потом обнял Аарона, который все еще был бледен и губы его подрагивали.

– Все хорошо, брат мой, – сказал ему Моисей. – Теперь все хорошо, а потом будет еще лучше!

Продолжать совет, когда у многих одежды, а у кого-то и лица забрызганы кровью, было невозможно, поэтому Моисей предложил людям разойтись, перенеся совет на раннее утро. Пока стан будет собираться в дорогу, можно успеть обсудить неотложные дела.

Шатер и повозку Элиуда Моисей осматривал вместе с Аароном. Искали дотошно – перебрали все вещи, простукали повозку и два ларя в поиске скрытых полостей, заглянули под днище повозки – но нашли только одно доказательство предательства Элиуда, зато очень веское, из тех, которое нельзя было подделать или подложить другому. То было повеление фараона Мернептаха, записанное для сохранности не на папирусе, а на специально выделанной для письма тонкой коже и скрепленное малой печатью фараона. «Еврей Элиуд, известный божественному владыке фараону Мернептаху под именем Ка-нахт, облечен его высоким доверием и действует с его ведома», – было написано там тщательно выведенными иероглифами.

– «Ка-нахт» означает «могучий бык», – усмехнулся Аарон, прочитав написанное. – Звучное имечко выбрал себе этот презренный негодяй. Он, должно быть, считал своим покровителем бога-быка Аписа^[32].

– У таких, как он, не бывает покровителей, – ответил Моисей.

Оба они избегали произносить имя предателя не только вслух, но и про себя.

Проходя по стану, Моисей бросил повеление фараона в первый же попавшийся костер. Кусок кожи тут же съежился и почернел. «Должно быть, точно так же съеживается и чернеет душа, когда человек совершает предательство», – подумал Моисей.

Эпилог

Завет

1 сивана 2448 года евреи остановились у горы Синай. Прошло два с половиной месяца с тех пор, как евреи покинули Египет, и вот пришли они в благодатное благословенное место, в котором было достаточно воды и пропитания. Одними финиками, растущими на высоких пальмах, можно было прокормиться, но были здесь и другие деревья, а также кое-какая живность, начиная с перепелов и заканчивая ланями и косулями.

– Это ли Земля Обетованная? – с недоверием спрашивали некоторые.

Местность была благодатной и вполне подходила для обитания, но называть ее Землей Обетованной было бы слишком смело.

– Нет, – отвечали им. – Это гора Синай, и далеко еще отсюда до Земли Обетованной, но здесь хорошо, особенно после того, как избавились мы от зла египтян и от зла амалекитян.

Моисей вышел к народу и объявил ему, что уходит на гору Синай для общения с Господом.

– Было мне откровение, – сказал он, – что должен я привести вас сюда, где я встречу с Богом, а затем вернусь к вам с тем, что получу от Него! Вам же надлежит ждать меня, выстирав свои одежды и очистившись от всего скверного, что накопилось в душах ваших! Молитесь и ждите моего возвращения!

Люди так и сделали и два дня прошли в радостном ожидании.

На третий день, еще до того, как взошло солнце, небо над станом затянуло непроглядное облако, подул сильный ветер, вскоре закружившийся вихрем, загремел раскатисто гром, засверкали молнии, и хлынул проливной дождь.

Народ устранился и затрепетал, поняв, что сам Господь снизошел на землю к Моисею. Творившееся вокруг было столь ужасно, что вместе со страхом в сердца людей вошла скорбь. Они решили, что Господь разгневался на Моисея и поразил его, и впали в уныние, потому что и для себя не ждали более ничего хорошего. Страх перед Всевышним был велик настолько, что никто не роптал – если и

отверзались уста, то только для молитвы. И ждали они так до тех пор, пока не пришел к ним Моисей, пребывающий в превосходном расположении духа, и не принес с собой солнечный свет и покой.

– Господь наш милостив! – возвестил Моисей народу. – Он говорит вам: «Если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым!»

– Все, что сказал Господь, мы исполним! – ответили Моисею люди, и по тому, как светились их лица, было видно, что они говорят искренне, от чистого сердца.

– Господь повелел вам еще в течение трех дней очищать души свои и свои тела! – продолжил Моисей. – Всем вам следует окунаться с головой в проточные воды, окунуть в них же одежды свои, и мужчины не должны прикасаться к женщинам! Я провожу посохом черту у подножия горы, и горе тому, кто попробует переступить через нее!

– Все, что сказал Господь, мы исполним! – снова ответили люди, когда Моисей закончил свои речи.

В сопровождении брата своего Аарона, его сыновей Надава и Авиуда, а также старейшин Моисей снова поднялся на гору Синай.

6 сивана 2448 года, на пятидесятый день после ухода евреев из Египта, Моисей получил от Бога заповеди, и то был день, который называли Великим.

До прихода евреев в Ханаан, Землю Обетованную, оставалось сорок лет. Моисею и Аарону не было суждено войти туда. В Ханаан народ привел Осию, сына Нуна, преемника Моисея, имя которого Моисей изменил с Осии, что означало «спасенный», на Йехошуа^[33], что означает «спасение Господне».

Примечания

1

24 марта 1312 года до н. э.

2

Убитому врагу в Древнем Египте отрубали правую руку по двум причинам. Подсчет убитых врагов писцы фараона вели по отрубленным правым рукам. Кроме того, считалось, что враг, лишенный правой руки, не сможет отомстить своему убийце после смерти.

3

1 шем = 62,82 км.

4

Речь идет о Средиземном море.

5

Шофар – еврейский духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного. В древности использовался для подачи сигналов обществу.

6

Анубис – в древнеегипетской мифологии бог – покровитель умерших. Изображался с головой шакала (собаки) и телом человека.

7

Сет – в древнеегипетской мифологии бог ярости и войны.

8

ל так виглядит бува «ламед».

9

Современная Эфиопия.

10

Ципора в переводе с еврейского означает «птица».

11

Сидон – один из древнейших городов Финикии, крупный торговый центр.

12

Хатхор – в древнеегипетской мифологии богиня неба, любви, красоты и веселья. Почиталась в образе небесной коровы, изображалась в виде красивой женщины с рогами.

13

Ра (др.-греч. Ρα; лат. Ra) – древнеегипетский бог солнца, верховное божество.

Исида – богиня женственности и материнства в Древнем Египте, одна из самых могущественных в пантеоне.

15

Тот – древнеегипетский бог мудрости и знаний.

16

Аморей (амориты) – кочевой западносемитский народ древней Передней Азии.

Мен-нефер – Мемфис.

18

Египетское название города Фивы.

19

Тинис.

20

Гермонтис.

Сенет – древнеегипетская настольная игра с плоскими черно-белыми палочками, выполняющими роль игровых костей, и фишками, которые передвигались по расчерченной на клетки доске.

Большой храм Рамсеса II в Абу-Симбел.

Маат – древнеегипетское божество, олицетворение закона, порядка, истины и справедливости.

Уаджет (иначе называемый Оком Ра или глазом Гора) – древнеегипетский символ в виде стилизованного ока, имевший много значений, в т. ч. символизировавший власть фараона.

Амалекитяне – древнее кочевое племя, по библейским данным происходившее от Амалека, внука Исава, сына Исаака и Ревекки.

Чистым песком древние египтяне посыпали написанное на папирусе, чтобы быстро высушить чернила.

Намек на созвучие слов «риммон» («гранат» в переводе с иврита) и «Рувим».

У евреев новый день начинается вечером после захода солнца.

«Рефидим» в переводе с иврита означает «равнина», «широкий простор».

Птах – в древнеегипетской мифологии демиург, бог-творец, покровительствующий искусствам и ремеслам. Особо почитался в Мемфисе (Мен-нефере).

Септ – административная единица в Древнем Египте.

Апис – в древнеегипетской мифологии священный бык, которому был посвящен храм в Мемфисе.

В греческой православной традиции Йехошуа звучит как Иисус. Йехошуа бин Нун (Йехошуа, сын Нуна) зовется Иисусом Навином.

Table of Contents

[Иосиф Кантор Моисей. Тайна 11-й заповеди Исхода](#)

[Глава 1 Начало исхода](#)

[Глава 2 Моровая язва](#)

[Глава 3 Погоня](#)

[Глава 4 Призвание](#)

[Глава 5 Пожар](#)

[Глава 6 Старший брат](#)

[Глава 7 Мариам](#)

[Глава 8 Черный человек](#)

[Глава 9 Авенир, сын Этана, начальник над воинами](#)

[Глава 10 Жажда песков](#)

[Глава 11 Савей, сын Ионы, начальник над воинами](#)

[Глава 12 Ягоды смерти](#)

[Глава 13 Нафан, сын Потифара, лекарь](#)

[Глава 14 Отравленная стрела](#)

[Глава 15 Манассия, сын Элона, казначей](#)

[Глава 16 Нашествие змей](#)

[Глава 17 Мардохей, сын Лабана, начальник над писцами](#)

[Глава 18 Тайные письма](#)

[Глава 19 Смерть предателя](#)

[Глава 20 Два покушения](#)

[Глава 21 Манна небесная](#)

[Глава 22 Родник в скале](#)

[Глава 23 Сражение](#)

[Глава 24 Прозрение](#)

[Эпилог Завет](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

